

А. Ш. МЮЛЛЕР

Б Ы Т
И Н О С Т Р А Н Н Ы Х
Х У Д О Ж Н И К О В
В Р О С С И И

ЛЕНИНГРАД
1927

А. П. МЮЛЛЕР

Б Ы Т
ИНОСТРАННЫХ ХУДОЖНИКОВ
В РОССИИ

«А С А Д Е М І А»
ЛЕНИНГРАД
1927

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ТИПОГРАФИЯ
ИМЕНИ ТОВА. ЗИНОВЬЕВА

Изд-ства «Ленинградская Правда».
Ленинград, Социалистическая, 14.

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГУБЛИТ № 19133.
Печ. 1500—10 л. Зак. № 3025.

1927 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Читатель не найдет в книжечке А. П. Мюллер классового подхода к затронутой теме и не всегда согласится с некоторыми взглядами автора, и тем не менее эта книжечка полезна и необходима всякому, кто считает своей обязанностью знать историю нашего искусства.

Нельзя согласиться с той мыслью автора, что тяжелое положение иностранцев художников императорской царской России очень часто имело своей причиной невежество и ненависть русского народа (стр. 12, 14, 24, 41 и 72). Невежество, конечно, играло свою роль, но дело в том, что ведь само-то невежество и некультурность были результатом весьма тяжелого господства командующих классов, которые частенько ненавидели иностранных мастеров и художников, как своих конкурентов, и, пользуясь некультурностью низов народа, натравливали их на ни в чем неповинных иностранцев. Впрочем, об этом говорит иногда и сам автор (стр. 71).

Не найдем мы у автора и определенного классового подхода к затронутой им теме, хотя внимательный читатель и сам из того материала, что даст

автор, легко увидит, что иностранцы художники приезжали и выписывались в Россию отнюдь не для обслуживания широких трудящихся масс: все эти дворцы, галереи, картины, барельефы и статуи создавались для небольшой привилегированной русской знати, а впоследствии буржуазии. Только через десятки лет это, вывезенное из чужеземных краев, искусство стало доступно более широкому слою русского общества, а затем, в связи с началом широкого революционного движения и особенно в наши дни, и трудящимся массам.

Однако, едва ли не приходится упрекать автора в отсутствии в его труде классового анализа: приложение марксистского метода к истории и теории искусства только что начинается, и даже у нас в стране, где, как мы уверены, обеспечена победа пролетариата, можно насчитать по этому вопросу всего несколько работ марксистов, да и то лучшие из них написаны в дореволюционное время (Плеханов).

Однако, повторяем еще раз, работа А. П. Мюллер нужна и полезна. Нужна и полезна она прежде всего потому, что, прочтя ее, как бы начинаешь осязать все то огромное влияние, какое оказывал запад на развитие русского искусства. Сотни имен всех этих иностранных живописцев, архитекторов, скульпторов и техников убедительно говорят о том, как европейская художественная мысль оплодотворяла девственную русскую почву.

Оплодотворенный этой мыслью гений русского народа начинал блистать всеми цветами радуги.

Вспомним только о том, что *представители именно низов народа* уже в XVIII веке, получив иностранную выучку, выработали из себя выдающихся живописцев, архитекторов, скульпторов. Один из самых выдающихся русских скульпторов Иван Прокофьевич Прокофьев (1758—1828 г. г.) был сыном закройного мастера по конюшенной части; самый же талантливый наш скульптор Федот Иванович Шубин (1740—1805 г. г.) был сыном того самого крестьянина Архангельской губернии, который выучил грамоте другого гениального крестьянина — Ломоносова. Знаменитый архитектор Андрей Никифорович Воронихин (1759—1814 г. г.) — по происхождению крепостной графа А. С. Строганова. Замечательнейший портретист XVIII века, Дмитрий Григорьевич Левицкий (1735—1822 г. г.), происходил также далеко не из знатной семьи (он был сыном священника).

Все эти факты—общеизвестные, быть может, поэтому автор научно-исследовательской работы и не останавливается на них.

Учителями же этих и других, уже чисто русских художников и были вот те иностранцы, которым посвящена книга. Так, учителями Левицкого были Валериани и Лагрене; учителем Шубина и Прокофьева считается иностранец Жиль, как подчеркивает автор, вообще очень хорошо относившийся к русским молодым художникам; учителем не менее талантливого, чем только что перечисленные художники, архитектора Захарова (строителя Адмиралтей-

ства) был Деламотт. Нельзя забывать также и того, например, факта, что учителями русских инженеров строителей, как совершенно правильно указывает автор, была целая плеяда французских ученых инженеров (Фабер, Базен, Потье, Дестрем, Ганри). Необходимо отметить также и ту часть работы А. П. Мюллер, где указано влияние иностранных художников на нашу провинцию, куда также попадали иностранные архитекторы и живописцы, между прочим не только по прихоти русских бар, а и под давлением независящих от людей обстоятельств (Барду в Казани, Дигбю в Астрахани).

Вот эти независящие от людей обстоятельства, гнавшие иностранных художников в Россию, также не забыты автором. Одно из таких обстоятельств— великая французская революция—дала нам не только художников реакционеров, но и сторонников революции, а уже одно это явление имело огромное значение в истории русской культуры и русского революционного движения.

Полезна книжечка А. П. Мюллер еще и потому, что, читая ее, начинаешь понимать, какими крепкими узами еще в XVII, не говоря уже о XVIII веке, было связано развивающееся русское товарно-денежное хозяйство, заставлявшее и Петра и его предшественников и наследников выписывать всех этих мастеров, живописцев и архитекторов: без западно-европейской науки и прикладных знаний нельзя было ступить шагу для того, чтобы не быть побежденным западно-европейским капиталом.

Наконец, большую ценность предлагаемая работа имеет еще и потому, что автор ее впервые использовал множество как старых, так и *новых* материалов, доселе не обращавших на себя внимания,— статей современных газет и журналов, писем, мемуаров иностранных путешественников по России и, что особенно важно, свежих архивных документов (указания на источники см. в конце книги).

Думается, что по всем вышеуказанным мотивам работа А. П. Мюллер будет хорошим материалом для того исследователя, который рано или поздно, наконец, поставит своей задачей рассмотреть историю искусства в России с марксистской точки зрения, а если это так (а это именно так), то выход в свет книжечки А. П. Мюллер оправдан.

В. Невский.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА.

Настоящая книга не имеет в виду изучения западного влияния в русском искусстве,—это вопрос будущего и, думается, не очень близкого. Она также мало касается и творчества западных мастеров в России. Цель ее—дать изображение той бытовой обстановки, в которой жили и работали иностранные художники, осветить отношение их к России и к русским коллегам. Внимание мое устремлено на художников, но попутно нельзя было не касаться иностранцев в России вообще: путешественников, писателей, дипломатов и др. В своих мемуарах и путевых дневниках они освещали между прочим и обстановку жизни и работы мастеров кисти и резца. Но, повторяю, не иностранцам на Руси вообще, а, именно, *иностранцам-художникам* посвящена эта книга.

Александра Мюллер

5 июня 1926 года.

„Господин Великий Новгород“—бойкий торговый русский центр X—XV в.в.—сумел завязать первые связи с Западом. Новгород торговал с Ганзой, с Любеком и Ригой. Известно, что целая сторона в этом городе называлась „варяжской“, или „варгской“, т. е. та сторона, где жили иностранные купцы и ремесленники. Проживали там и художники: строители, живописцы и мастера прикладного искусства. Но имена их, к сожалению, до нас не дошли. Ярослав Мудрый, в бытность свою новгородским князем, вынес оттуда знакомство с иноземной культурой и искусством. Он владел несколькими иностранными языками, был знаком с западной литературой. Время его княжения—эпоха оживленных сношений с государствами Запада, закрепленных родственными связями. Сам Ярослав был женат на шведской королеве Ингигерде, дочери Олафа Скеткокунга, норвежский принц Гаральд Смелый получил руку его дочери Елизаветы, сестра Ярослава—Мария вышла замуж за Казимира Польского, вторая дочь Ярослава—Анна—за Генриха I короля французского, наконец, третья—за Андрея I венгерского. Есть све-

дения о родственных связях Ярослава с английскими королями. Знатные норманы искали защиты при его дворе (Гаральд Смелый, Олаф Святой, Магнус Добрый). Варяжские торговцы и ремесленники в большом количестве населяли и Киев и пользовались покровительством русского князя. Киев того времени казался иноземцам, по данным иностранных летописцев, оживленным торговым центром, не уступавшим Константинополю. Татарское иго погубило без следа эти первые всходы западной культуры на Руси.

В Москве появление первых иноземцев относится к XV веку, когда господствовавшее до тех пор византийское влияние постепенно начинает вытесняться влиянием итальянским.

Иоанн III выписывал из Западной Европы, преимущественно из Италии, строителей и мастеров разных ремесел. Постоянные войны требовали усовершенствования ратного дела, возведения крепостей; нужны были оружейники, инженеры. С ремесленниками ехали в Москву и иностранные купцы. Иоанн не только искал необходимых ему людей, но и находил. Когда ему понадобился искусный строитель для возведения храмов и палат, на его зов откликнулся один из самых славных зодчих Италии того времени. Русский посол Толбузин ¹⁾ заключил договор с Аристотелем Фиоравенти дельи Уберти, род которого насчитывал двадцать известных в искусстве имен. Толбузин был так очарован талантом итальянского зодчего, что наивно считал за его ра-

боту все прекрасные здания Венеции. За десять рублей (около 2 фунтов серебра) в месяц Иоанн получил в лице Фиоравенти искусного строителя, инженера, механика, лигейщика, медальера. Фиоравенти прибыл в Москву вместе с сыном Андреа и учеником Пьетро, тоже зодчими, 26 апреля 1475 г. Москва не менее Толбузина была поражена его искусством и приемами его работы. Она дивилась неведомому ей доселе применению особых машин при разборке старых зданий. Разбив в одну неделю то, что было построено в три года, он, по словам летописи, предстал воочию „Титом-разрушителем Иерусалима“. Кирпичи не носились наверх рабочими, как это было принято на постройках в Москве, но поднимались наверх на блоках, связи кляли железные. Трудно учесть все значение Фиоравенти для Московского зодчества того времени. Он украсил Москву прекрасными зданиями, устроил близ нынешнего Кузнецкого Моста первый пушечный литейный двор, построил в 1478 году первый мост на судах через Волхов под Городищем, чеканил монету²⁾. Жил он, как и все позднейшие строители великого князя (Солари, Руфо), в самом Кремле, где у него был, повидимому, хороший дом: в нем останавливался в 1476 году приезжавший в Москву на несколько дней, возвращаясь из Персии, венецианский посол Контарини. В течение своего почти десятилетнего пребывания в Московском Княжестве, Фиоравенти пользовался уважением и благосклонностью Иоанна III; но когда иностранный медик Антон

Немчин был зарезан под мостом, за то, что не сумел вылечить Касимовского царевича Карабача, и испуганный итальянский архитектор стал проситься на родину, великий князь, в ответ на его просьбу, приказал отнять у него все имение и посадить в тюрьму на Литейный двор. Опала и заточение длились не долго: зодчий был нужен Иоанну. В 1486 г. Фиоравенти уехал, наконец, на родину, назвав своим заместителем не менее искусного зодчего Пьетро Антонио Солари, строившего вместе с дедом и отцом Миланский собор. Он проработал в Москве до 1492 г. Солари жил так же, как и Фиоравенти, в Кремле около Боровицких ворот, на месте нынешней Оружейной Палаты. Почти одновременно с обоими упомянутыми выше архитекторами работали в Москве и итальянцы Руфо, Алевиз Первый (1494—1508 г.), Алевиз Новый (1505—1532 г.).

Упомянутый выше венецианский посол Амброджо Контарини рассказывает, что встретил в Москве много иностранных художников и ремесленников. Упоминает он, между прочим, о Фиоравенти и о каком-то искусном золотых дел мастере Трифоне (вероятно, греке), изготовившем драгоценные золотые сосуды для великого князя ³⁾.

Василий III, помимо Италии, с которой поддерживал связи, завел сношения с другими европейскими странами, между прочим, с Францией. В Москве в его княжение работали фрязины: Яков, Антоний, Иван, Николай. В Москву едут ткачи шелковых и шерстяных материй, парчи, золотых и сере-

бряных дел мастера, чеканщики монеты ⁴⁾). Прикладное искусство Запада начинает проникать на Русь. Архитектура и живопись обслуживают одновременно постройки и церковного, и гражданского характера и только скульптура, не допускаемая в храмы по обычаю восточной католической церкви, размещается на мелочи, украшая домашний обиход великих князей. Резчики призваны украшать резьбой княжеские палаты и утварь.

Василий III отвел в Москве для иноземцев специальное место—за рекой Москвой—слободу Налеяка (ныне Спасо-Наливковский переулок). Предание рассказывает, что причиной переселения иностранцев на особое место послужило их сильное пьянство, вводившее в соблазн русских. Каждый иностранец получал в Налеяках участок земли для дома и двора ⁵⁾). Здесь иноземцы прожили весь XVI век. В течение XVI века необходимость для России сношений с иностранцами становится все яснее, и Иоанн IV завязывает через саксонца Шлитте (Шлиттена) связи с Германией. Он ищет не только ремесленников, но и художников, и Шлиттен на вербовывает 123 человека, желающих ехать в Россию, но Ливонский Орден, всегда препятствовавший сношениям России с Западом, не пропускает их. Грозный завязывает через Архангельск торговые связи с Англией. Итальянец Гуаньини ⁶⁾, побывавший в 1560 г. в Москве, рассказывает, что здесь можно было найти опытных мастеров-иноземцев по разным ремеслам: большинство из них были немцы. Труд их, даже

искуснейших, по его словам, оплачивался очень дешево: часто усиленным трудом они едва могли заработать себе хлеба на день. Разнесшаяся среди иностранцев весть о казни (всенародном сожжении на площади) царского лекаря Элизэ Бомелия („доктура Елисея“) произвела на них невыгодное впечатление; русских обвиняли в жестокости и дикости, и некоторое время иноземцы избегали России. Но уже при Годунове они появились снова в значительном количестве. Царь ценил их общество и охотно проводил с ними время, особенно с немцами-врачами в подмосковном своем имении Хорошове. Однако, положение иноземцев в Москве в ту пору было довольно тяжелым: русские ремесленники и купцы, завидя их относительной обеспеченности, искусству и привилегиям, держались враждебно по отношению к ним. Чтобы не привлекать на себя внимание московской толпы, иноземцы предпочитали одеваться в русское платье и вешали в домах иконы, так как иначе никто не стал бы к ним входить, и они были бы даже лишены возможности держать у себя в доме русскую прислугу. При всем том, многие из них владели в Москве домами, поместьями с крестьянами и богатым имуществом. Они жили весело и шумно, задавали пиры, на которых происходили нередко крупные ссоры, драки, обычно доходившие для разбирательства до царя ¹⁾).

Смутное время сильно ожесточило московское население против поляков, а с ними и против всех иноземцев. Пьяные банды сожгли и разорили всю

первоначальную Немецкую слободу, и бесприютные разоренные иностранцы разсеялись по всей Москве. Жили в Белом Городе: на Арбате, Тверской, Сивцевом Вражке, Маросейке. В течение первой половины XVII века они, правда, и здесь успели обзавестись движимостью и недвижимостью. Количественно теперь преобладают в Москве немцы и голландцы, тогда как англичане все меньше и меньше едут в Россию, что объясняется общим процессом вытеснения из России английского влияния в XVII веке.

Но неприязнь народа к иноземцам крепла на протяжении всего века, пока не вылилась много позднее в открытые мятежи стрельцов и московской толпы в первые годы царствования Петра I.

В противовес враждебным выпадам масс, правительство проникнуто стремлением привлечь иностранцев в Москву и использовать их опыт и знания. В 1622 году из Англии в Москву возвращается Исак Погожин с английскими мастерами ⁸⁾. В 1628 году правительство посылает золотых дел мастера Жиль ван Экселя в Голландию приглашать оттуда художников и ремесленников. На этот раз прибыло из Голландии особенно много золотых и серебряных дел мастеров. Английскому полковнику Александру Лесли в 1631 г. было поручено набрать за границей всяких людей, — „опричь французских людей и францужан и иных, которые римской веры, однолично не наймовать“. Людей римской веры приглашали лишь в крайнем случае ⁹⁾.

В 1633 году „через торговых людей Голландской земли нанимали на их родине городского дела подмастерьев, а через английского купца Гловерта мастеров золотых и серебряных дел“¹⁰).

Указом Алексея Михайловича от 1652 года все иностранцы московские были сосредоточены снова в особой части Москвы в пределах слободы Кукуй, при реке Яузе, в так называемой Немецкой слободе. До этого года они, как было уже указано, беспрепятственно селились на территории Белого Города. Поводом к переселению послужили происки чрезвычайно озлобленного против них московского духовенства. Духовенство жаловалось, что „немцы“, купцы и ремесленники, проживавшие в городе между русскими, позакупили в собственность самые просторные места или площадки и позастроили их, от чего они, священники, лишились многих своих доходов; но в пору своей жалобы духовенство ничего не добилось и только, когда на его сторону стал сам патриарх, правительство поступило, наконец, согласно его желанию¹¹). Московские столичные торговые люди, завидуя льготам и привилегиям иностранных купцов, жаловались, что „торжишки у них в Москве и других городах отняли иноземцы“. Невежественная московская толпа искала также случая оскорбить „басурманина“ и нанести ущерб его имуществу. Вспоминается яркий рассказ Олеария о случае в Немецкой Слободе, когда стрельцы, войдя во время пожара в дом живописца Ганса Деттерсона и, увидев там старый череп, тут же решили бросить ху-

дожника в огонь, как колдуна, и только более благоразумные люди объяснили им, что череп служит Деттерсону „для рисования“¹²⁾. Скелет, качавшийся от ветра у раскрытого окна, в комнате одного иностранного хирурга, подал также толпе повод к обвинению его в колдовстве. Джон Перри рассказывает о случае с английским послом в Москве. Посол имел обезьяну, большую шалунью. Эта обезьяна вылезла раз летом в открытое окно и, перебежав улицу, кинулась в церковь; там лазила по стенам, перерыла и перекидала церковную утварь; она была поймана на месте преступления; но пострадала не она, а ее хозяин. Он был обвинен прихожанами церкви в желании кощунственно оскорбить религиозное чувство православных¹³⁾. Несколько раньше, в 1689 году, московское духовенство, чрезвычайно подозрительно относившееся к группе мистиков (последователей Якова Беме), живших в Немецкой Слободе, сумело убедить правительство в том, что вдохновители этого движения, приезжий немец Кульман, купец Конрад Нордерман и живописец Отто Генин вредные еретики. После ужасных пыток в Посольском приказе, живописец Генин отравился в тюрьме а Кульман и Нордерман были всенародно сожжены на площади в срубе¹⁴⁾. „Немцы“ били челом царю, прося их защитить от оскорблений русских. Царь объявил, что, если кто с этих пор обзовет немца малейшей бранью, тот нещадно будет бит кнутом. Виновные наказывались, но „немцев“ продолжали оскорблять.

В общем интересы духовенства и правительства в вопросе об иностранцах, даже в царствование Михаила Федоровича, коренным образом расходились. Финансовые и политические соображения диктовали необходимость внешних сношений. Шведская и польская опасность заставляли обращать свои надежды на другие страны. Отправлялся ряд посольств в Англию, Германию, Голландию и Данию с просьбой о помощи союзом и деньгами. Из дипломатических соображений широко обещали иноземцам торговые льготы, не скупилась на привилегии купцам и ремесленникам. К пятидесятым-семидесятым годам, по словам Ключевского, над всеми вопросами издавна накопившимися, стал основной вопрос: оставаться ли верным родной старине или брать уроки у чужих? Русский человек стоял на перепутьи между известным интересом к чужеземцу и недоверием, даже ненавистью к нему ¹⁵⁾.

Сам царь и его ближние бояре, благодаря войнам с Польшей и Швецией побывавшие в Витебске, Полоцке, Вильне, Киеве, ознакомились лично с укладом западно-европейской жизни и сумели оценить многие ее преимущества.

В Москву везут заморские товары, иноземцы проникают все в большем и в большем числе. В год рождения Петра их насчитывались в России уже тысячи (будто бы, до 18.000 человек) ¹⁶⁾.

Среди военных деятелей, пушечных мастеров, инженеров царь выписывал художников. При нем работали живописцы: Ян Деттерсон, польский шляхтич Стани-

слав Лопуцкий, голландец Даниэль Вухтерс, Иоганн Вертор, Густав Декенпин, поляк Мировский, немцы Шурман и Вальтер, шведы Виллим Гек и Эразм Квеллинус. Иностранцы, каменных дел мастера, строили церкви царские: Иван Вилькс, Якоб Фростен, Георг Дигеник, Иоганн Кристлер, Вильям Шарф, Петер Марселлис, Христофор Головей и др. Художники состояли при Оружейной Палате, исполняя самые разнообразные работы: знаменовали рисунки для чеканки монеты, для тканей, для украшения пушек, готовили клейма для почтовой бумаги, расписывали палаты, писали „с живства“ персоны царя и его семьи, даже игрушки царевича и царевен были исполнены руками иностранцев ¹⁷⁾. Любопытно вспомнить, какие разнообразные работы исполнял хотя бы художник Конрад Иевлев: „в 1661 году он рисовал 4 деревянных бруска к аналою в хоромы царевича Алексея Алексеевича, в 1666 делал потешную лошадку ему же, раскрашивал Оружейную Палату, золотил шесть деревянных точеных маковок к трем креслам патриаршим, в 1667 писал голубей государевых в хоромы, устраивал государев шатер на Девичьем Поле, раскрашивал деревянную колымагу Марии Ильинишны, в 1669—1675 работал в государевых хоромаш“ ¹⁸⁾. Те же иноземцы обучали приставленных к ним русских учеников, в большинстве бывших иконописцев.

Наравне с русскими, иностранцы должны были почитать себя холопами царскими и в челобитных неизменно подписываться „верными его рабами“.

Так солдат-иноземец писал: „челом бьет холоп твой Павлушка“, челобитная немецкого купца гласила: „челом бьет сирота твой Федорка“. Царь волен был наказать и судить иностранца купца и художника тем же судом, как и русского, его подвергали и кнуту, и батогам, сажали в тюрьму и казнили смертью. Защиты иностранец не мог ждать ниоткуда. Жившие во II-й половине XVII века в Москве резиденты: датский, польский, шведский, английский не имели достаточно силы и значения, чтобы защитить своих соотечественников и бороться за их интересы. По существу, при отсутствии международных договоров с Россией в XVII веке, иноземец, прибывший на Русь, терял свои отечественные права, не приобретая никаких прав русского подданного. Привилегии, которые московское правительство широко обещало, а иногда и выполняло, в сущности, ни к чему его не обязывали: связанный по рукам и ногам иноземец фактически был лишен возможности бороться за свои права. Если он хотел вернуться на родину, царь как и его предшественники XV и XVI веков, мог не давать ему паспорта, так называемой „опасной грамоты“ для проезда, что обычно и практиковалось, чтобы задержать нужных в государстве людей.

Несмотря, однако, на трудность получения „опасных грамот“ для въезда и выезда из России нередко в ту пору и злоупотребления с ними: въезжали совсем другие лица, нежели те, что были обозначены в грамотах, и часто беспрепятственно про-

живали в Москве по несколько лет по таким подложным паспортам.

Московское правительство зорко следило и за тем, чтобы между резидентами и обитателями Немецкой Слободы не возникало коротких отношений. Резидентам давали понять, что они могут общаться с кем угодно, на самом же деле устраивали так, что только немногие из Немецкой Слободы проникали на Посольские дворы. Так например: посол Карлейль в 1668 году никак не мог добиться разрешения английским купчихам из Слободы видеться с его женой.

И все таки, несмотря на ряд неудобств и притеснений, иностранцы в Россию ехали. Большинство из них нуждалось в заработке, но были уже в ту пору и такие люди, которых интересовала сама страна, ее нравы и обычаи, ее народ. Швед Пальмквист, побывавший в Московии в восьмидесятих годах XVII века, зорко присматривался к русской жизни и типам, живо изобразил их в своих набросках; то же надо сказать и про рисовальщиков Иоганна Сторна и Пюнмана, приезжавших в Россию с Мейербергом; голландец Абрагам Вестерфельд, случайно занесенный в Киев с польскими войсками в 1648 году, увлекся русским зодчеством и с тщательностью зарисовывал церкви Киева¹³⁾.

Если присмотреться к оплате иностранных художников и ремесленников в Москве во II-ой половине XVII века, то она не покажется особенно низкой. Жалованье колебалось от 300 - 500 ефимков,

т. е. от 150—275 рублей в год, в зависимости от умения мастера, что при тогдашних ценах „на кормы“ можно считать недурной оплатой, если бы она производилась своевременно. Чтобы понять ценность этих денег, надо припомнить стоимость „кормов“. Фунт хлеба стоил четыре копейки, говядина двести копейки, дичь была в той же цене, целый теленок обходился в двенадцать копеек ²⁰). Характерно что зайцы продавались на мясных рынках только иностранцам, русский же человек того времени считал мясо зайца нечистым.

Избы для жилья царским ремесленникам и художникам отводились в Немецкой Свободе безденежно. Где полагались им работные палаты,—это неясно; повидимому, там же.

Слобода занимала нынешние улицы: Немецкую, Вознесенскую, Новую и Старую Басманную, переулки: Госпитальный, Демидовский, Денисовский, Киروشный. Здесь жили обособленной, согласной со своими обычаями, жизнью. Здесь с течением времени были выстроены две кирки, где протестанты отправляли свободно свои службы. Не так обстояло дело с католиками, „папистами“. Православное духовенство относилось к ним на редкость нетерпимо, унаследовав, вероятно, былую неприязнь греческой церкви к церкви латинской. Православным людям, например, запрещалось есть из одной посуды „с папистами“ ²¹). При приеме послов католической веры, перед царем ставился серебряный таз с освященной водой и ширинка для мытья его рук после обряда

целования их послами. Первая католическая церковь была разрешена лишь Петром в 1698 году.

Немецкая Слобода была разбита на ряд правильных улиц с опрятными домами, окруженными садами и огородами. Но мостовые мостились здесь так же плохо, как и в других частях города, превращаясь весной в сплошное болото. По берегу Яузы тянулась роща, куда в известные дни весной и летом собирались местные иноземцы. Тут расставлялись столы, на которых каждый по очереди на свой счет угощал других. Здесь сходились все жители Слободы: немцы, французы, англичане, шведы, голландцы, поляки, литовцы, люди разных профессий, состояний и возрастов ²²).

II

По рассказам Корба, приезжавшего в Москву при Петре в 1698 году, „немцы“ (так называли жители Москвы всякого иностранца) наталкивались и в эти годы, как и в более ранние, на оскорбления со стороны уличной толпы. Когда однажды в стороне Неглинной случился пожар, уничтоживший шестьсот домов, несколько немцев прибежало тушить огонь. Русские тут же стали обвинять немцев в воровстве, жестоко их сперва избили, а после бросили в пламя и таким образом „принесли жертву своей ярости“²³⁾. „Часто, — говорит Корб, — приходилось со стороны уличных низов слышать брань: вы, собаки немцы, довольно уже вы на свободе обирали и грабили нас, пора уж унять вас и казнить“. То же, по показанию Корба, говорили и стрельцы на допросе, после усмирения бунта: „Если бы все наши замыслы исполнились, мы имели намерение все предместье немецкое сжечь, ограбить и истребить до тла и, очистив место это от немцев, которых мы хотели до одного умертвить, вторгнуться в Москву“²⁴⁾. В Москве этого, по счастью, не случилось, но в Астрахани во время мятежа 1703 года

все иностранцы в городе были замучены: мужчины женщины и дети, купцы, ремесленники, корабельные мастера, и автор рассказа об этом мятеже, инженер Джон Перри, спасся только потому, что его в эти дни в городе не было ²⁵⁾. Весть об ужасах, учиненных над иностранцами в Астрахани, широко распространилась за пределы Московского государства и произвела на Западе крайне тяжелое впечатление: в течение нескольких ближайших лет иностранцы избегали России.

Датский посол рассказывает, что в Воронеже какой то москвитянин оговорил двух немецких полковников, но ни тюрьма, ни жесточайшие истязания в застенке не могли их принудить сознаться в преступлении, которого они не совершали. Русский скоро сознался, что сделал ложный донос. Царь, говорят, был так разгневан, что пытался собственноручно отрубить голову доносчику ²⁶⁾.

Служивший в восьмидесятых—девяностых годах в русской службе военный инженер Лаваль, произведенный Петром в генералы, был в 1698 году прислан в цепях и кандалах по этапу из Азова в Москву. Обвиняли его в государственной измене за то, что им были искусно возведены во время войны какие то укрепления. По ходатайству императорского посла Гвариента, воевода Шеин освободил Лавалья и велел снять с него кандалы, с тем, чтобы он жил в Немецкой Слободе. Но Лаваль нарушил обещание, переступив границы Слободы, и был снова схвачен, закован в кандалы и посажен в тюрьму ²⁷⁾.

Петр считал необходимым присутствие на Руси искусных иностранных ремесленников и мастеров. В первые годы царствования он издал указ, по которому прибывшие в Москву художники и офицеры не выпускались обратно, купцы же могли возвращаться в свое отечество беспрепятственно. Об этом говорят и многие немецкие сочинения о России конца XVII века. В 1697 году царь выписал из Англии шестьдесят человек, между ними был специалист по постройке доков и проведению каналов, английский инженер Джон Перри, автор известной интересной книги о Петровской Руси, проживший здесь четырнадцать лет. В том же году прибыл из Амстердама и инженер Гонц. И до Перри были в России умелые строители—немец Брекель, полковник царской службы и искусный инженер по фортификации, судовые строители на верфях в Воронеже и Астрахани. Один из таких корабельных дел мастеров—голландец Мейер отдал России и свои знания, и свою жизнь: он был замучен толпой в один из многочисленных в ту пору мятежей ²⁸). Джон Перри шел навстречу самым крупным и смелым замыслам царя: вел канал на соединение Волги с Доном, проектировал соединение Волги с Ладогой и Финским заливом, сооружал сухие корабельные доки для мирного времени, возводил шлюзы на реках, строил и чинил корабли.

Но благие пожелания иностранцев и их культуртрегерство разбивались нередко о недоброжелательство приближенных Петра и о невежество и не-

ненависть к ним русского народа. Брекель писал царю, что губернатор Астрахани Голицын дурно, грубо обращается с ним, мешает правильной работе, не дает денег и необходимого количества рабочих рук и что, наконец, ударил его палкой и даже грозил повесить ²⁹⁾. Тот же Голицын и Апраксин старались всячески вредить и Джону Перри. Вместо необходимых ему для ведения канала трех тысяч человек ставили тысячу пятьсот, денег отпускали гроши, а под конец и совсем не давали ни людей, ни денег, в то время, как для выполнения одного только проекта по соединению Волги с Ладогой требовалось десять тысяч человек ³⁰⁾.

Влияние Немецкой Слободы сказывалось на Петре и раньше, до поездки на Запад, но заграничное путешествие царя еще сильнее упрочило его симпатии к Западу. В 1698 году с царем прибыло из за границы несколько сот человек военных специалистов, инженеров, ремесленников и художников. Среди последних был рисовальщик и гравер Адриан Шхонебек, или Схонебек, и резчики (ваятели) Филипп Шпекле, Роберт Горшнель и Конрад Оснер. Прибыв в Москву, мастера эти работали первоначально над украшением московских палат царя и церквей.

С Шхонебеком был заключен Головиным контракт, по которому он имел получать шестьсот ефимков (около трехсот рублей) в год жалованья, двадцать четвертей ржи и овса, жилую и работные избы в четыре покая ³¹⁾. „Аз могу“, — пишет Шхонебек в челобитной Головину, — вышеупомянутому царскому ве-

личеству служить в резании медных досок, хотя о гисториях, или персоны, умные приклады, ляндшанпы, города, строения, земляные и морские карты, в печатании книг, указов или по ином деле к печатному художеству принадлежащем“. И действительно, Шхонебек исполнял для Петра все то, о чем говорит в челобитной; кроме того за то же жалованье заведывал и его библиотекой; на одной гравюре есть надпись: „книгохранитель и первый его царского величества изограф“. Шхонебек обязан был обучать четырех учеников, но дела было и без того столько, что царь разрешил ему выписать из Голландии своего пасынка Петра Пикара, которому и было выслано в 1702 году на подъем сто тридцать шесть рублей дорожных денег ³²). Упомянутый выше Джон Перри, искусный и очень известный в своем отечестве инженер и корабельный архитектор, заключил с Головиным контракт на триста ливров стерлингов в год, сумму довольно значительную, но в контракте был один опасный для иностранца пункт, а именно: Перри обязывался работать всюду, куда бы его ни послали, и в любых условиях ³³). Кроме того, на деле, как всегда в ту пору, триста ливров сводились едва к сотне ливров, т. е. выплачивалась приблизительно одна треть. В конце концов, несмотря на увлечение Перри личностью Петра и его широкими планами, он был принужден уехать на родину, где, правда, меньше обещали, но зато честнее расплачивались.

Один из иностранцев, проживавший в Москве, в качестве воспитателя царевича Алексея, молодой

офицер Нейгебауер, недовольный Россией и царем, уехав на родину, напечатал там брошюру: „О гнусных поступках москвитян с чужестранцами“. Эта брошюра, широко распространившаяся по Европе и пользовавшаяся там большим успехом, имела целью вредить России и препятствовать вступлению иностранцев в русскую службу. Петр, учтя это обстоятельство, тотчас же принял свои меры. Он уполномочил доктора прав, барона Гейнриха Гюйсена, занимавшегося приисканием иностранцев на русскую службу, написать ответ Нейгебауеру. Вскоре появилась эта брошюра под заглавием: „Beantwortung des freventlichen und lügenhaften Pasquills“, где опровергалось все сказанное о России. Чтобы подогреть настроение в свою пользу, 16-го апреля 1702 года Петр издал манифест, обещавший иностранцам, желающим ехать в Россию, самые выгодные условия работы и всяческие льготы вплоть до полной свободы вероисповедания ³⁴). Это обещание являлось особо ловким и своевременным ходом, в виду недавней отмены Людовиком XIV Нантского эдикта. Манифест с большой ловкостью распространялся по Европе агентом Петра, немецким советником и генерал-комиссаром фон-Паткулем. Начиная с этого года, тяга художников и ремесленников-протестантов становится особенно интенсивной.

Но едва ли от этих широких обещаний царя улучшалось материальное и моральное положение иностранцев. Скульптор Конрад Оснер, оставивший сведения о своем пребывании в России, напечатанные в книге

Pott'a: „Vaterländische Blätter“ (Nürnberg, 1796), говорит о тяготе жизни в Московии, о материальных затруднениях, о чуждых, подчас диких нравах. Правда, по прошествии некоторого времени, он привывает к своей новой родине и остается жить здесь навсегда. Обманутые в своих упованиях на царя, художники часто просят в своих челобитных о прибавке им жалованья или, что еще чаще, о выплате его. Пикар, ставший за смертью Шхонебека в 1704 г. главным гравером, пишет Петру в декабре 1707 года: „Милости просит нижеподписанный раб твой грыдировальный мастер. Работает он тебе государю после умершего своего вотчима Адриана Схонебека в вышеупомянутом художестве близ три годы, твоя бы государева милость к нему бы была и пожалован в умершего места вотчима моего жалованьем и расходом, которые ему прежде помянутому Адриану были. Вели, государь, мне выдать жалованье и расход как вышепоименованного вотчима моего были, потому жалованьем, которое мне ныне выдаетца, пропитатися не могу“ ³⁵). Де Витт в челобитной от 1711 года просит об уплате ему денег за пятьдесят гравированных клейм для гербовой бумаги ³⁶). Эти постоянно повторявшиеся челобитные показывают, что жалованье выдавалось неаккуратно, часто должны были за три, четыре месяца. И все же жалованье иностранцам было выше, нежели русским мастерам.

Приведу некоторые сравнительные данные за 1707 и 1710 годы. Прибывшие в 1707 году в Москву

типографщики и печатники гравюр Гиндрик Сильбах, Антон Демей и Ян Фоскул, получали по двести двадцать пять и по двести рублей в год ³⁷), русские же по восемнадцать и по десять рублей, но последние, правда, имели от казны также „кормы“ и одежду; живописец и „грыдоровальщик“ де Витт получал в 1710 году, как значится по записным книгам Оружейной Палаты, двадцать пять рублей за три месяца, следовательно, сто рублей в год, о кормах не говорится ничего (может быть, потому, что ведомость денежная) ³⁸); русский гравер А. Зубов, ученик Шхонебека, в том же году—девятью три руб. остальные ученики по восемнадцать и четырнадцать рублей; несколько младших учеников не получали жалованья, им давались только кормы и платье.

Когда Петр бывал заинтересован заполучить в Россию искусного мастера, он умел обещать. С этой стороны любопытен контракт, заключенный, по его указанию, русским послом в Копенгагене Измайловым с „архитектором от цивилии и милитарии“ Доменико Трезини в 1703 году. Он гласит следующее: „за художество его, совершенное искусство обещаю ему во имя его царского величества двадцать червонных рублей на всякий месяц в жалованье, и то платить ему во весь год зачинаючи с первого числа апреля месяца 1703 года, и то доведется ему платить сполна каждый месяц подобающими и ходящими деньгами по той же цене, как за морем ходят, сиречь по цене в шесть любских“. Дальше говорится: „именованному Трезини сверх

того обещаю, как явно показал искусство и художество свое, чтоб ему жалованья прибавить. Ему также позволено иным способом персонам палаты строить и им советом и смотрением помогать ни меньше того, чтобы ему жалованья не убавить. Обещаю также именованному Трезину, чтобы временем не хотел больше служить, или, если воздух зело жесток здравью его вредный, ему вольно ехать, куда он похощет, и чтобы ему отпуск или опасную грамоту давали и без всякого замедления его не задержали, но от единого до иного места заступительной грамотой пожаловали, чтоб путешествие его свободно и поспешно было в отечество свое... Как он служить больше не похощет, опять ему на подъем с Москвы толико давать, и ему вольно с собой взять, что он здесь наживет, а будет ли он еще на время болен, ни меньше того жалованья ему давать“ ³⁹).

Из перечисленных здесь пунктов контракта— наиболее сомнительные: 1) пункт о прибавке жалованья, 2) о беспрепятственном выезде из пределов России. Припоминается по этому поводу судьба несчастного англичанина Карпентера, который, будучи заподозрен в попытке бегства из России, был приговорен к изгнанию из Москвы в Казань, глухую и дикую сторону, где должен был пробыть несколько лет. Из живого и деятельного человека он постепенно обратился в вялого и равнодушного и, наконец, покорился безмолвно своей участи. Он купил за шесть рублей черемиску - рабу, женился на ней

и остался навсегда в Казани, не пожелав воспользоваться и сроком отбытия ссылки ⁴⁰). Приходивший в ужас от одной мысли остаться навсегда в негостеприимной и дикой стране и не мечтавший о том, что Петр выпустит его на родину, немец архитектор Брекель или Бреклин тайком бежал из Москвы, бросив все свое имущество ⁴¹).

Когда Джон Перри, проработав в России несколько лет, все же захотел поехать в Англию повидаться с родными, царь не пустил его, боясь потерять искусного инженера. Когда же Перри, раздосадованный постоянной задержкой и невыплатой денег, захотел в 1712 году навсегда покинуть Россию, то добиться согласия Петра ему удалось только благодаря деятельной поддержке и вмешательству со стороны английского посла Викворта и английского консула Чарльза Гудфелло ⁴²). Каждую попытку иностранца уехать на родину царь рассматривал, как личное оскорбление себе и пытался всеми силами противодействовать отъезду. В этом отношении очень интересен пункт третий петровского указа 1723 года, который гласит следующее: „если контракт мастера выйдет, и он не похощет ехать, то таких отнюдь не отпускать, а буде который сам похощет, такого прежде отпуску объявить в Коллегии, где его Коллегии допросить, волею ль отъезжает, и нет ли или не было ль ему какой тесноты и доволен ли отъезжает, и буде скажет доволен, и оного отпустить, буде же скажет, что какую противность или неудовольствие имеет или хотя не скажет, но вид

даст недовольства, о том Коллегии накрепко розыскать и жестоко наказать и тщатися его где употребить, а не отпускать, а буде весьма захочет ехать и отпустить с совершенным довольством, дабы приехав жалобу не имел, что их худо трактуют, и тем бы впредь вывоз мастеров не пресечен был“.

Завоевание в мае 1703 года шведского города Ниеншанца, расположенного на том самом месте Петербурга, где сейчас Охта, положило начало северной столице. Большая часть жителей была уведена Петром в плен, а материалы разоренного города пошли на постройку Петербурга. В числе захваченных пленных оказалось много каменных дел мастеров, и эти шведы - архитекторы были первыми строителями Петербурга, между прочим, Петропавловской крепости. Шведы закладывали бастионы, строили в городе первые жилые строения, проводили дороги ⁴³). Имена несчастных зодчих, в большинстве погибших в тяжелых условиях работы на болоте, к сожалению, до нас не дошли.

Победа над генералом Краниортом при р. Сестре у нынешнего Сестрорецка, захват Дерпта, Ревеля и Риги дали Петру много тысяч пленных, среди которых оказалось опять много шведских ремесленников и художников. До нас дошло пока имя только одного шведа - живописца Кристофа Вреде, работавшего уже в конце царствования и при Петре II. Но сколько шведов, прекрасно образованных людей, было расселено Петром по разным губерниям России и даже в Сибири. И куда бы ни заносила их

судьба, всюду они распространяли вокруг себя культуру, знание языков, музыки и живописи, не говоря уже о более мягких нравах и изысканной форме общения. Д. Белль в 1714 году, прибывший в Россию и участвовавший в трех русских посольствах на Восток, видел в Казани, в Тюмени, Тобольске шведских пленников царя. Швед Дитмар давал в провинции уроки немецкого языка и рисования, создал прекрасный музыкальный ансамбль. Стараниями шведа Вестадиуса был создан такой же музыкальный ансамбль в Тобольске. Шведский пленный капитан Табар, высланный из пределов центральной России, написал историю Сибири. В Тобольске шведы открыли образцовую школу западного типа ¹⁴). К сожалению, все эти случайные и невольные культуртрегеры оставались в пределах России лишь до 1721 года — срока заключения Ништадского мира, когда возвратились в свое отечество.

Шведов было много в России, но Петр не довольствовался ими одними, он искал случая привлечь новые кадры иностранцев. Когда умер Фридрих I Прусский (1713 г.), русский резидент Головкин тотчас же сообщил об этом царю, указывая на то, что многие умелые ремесленники и художники отпущены от двора и ищут работы. Тогда Брюс был отправлен в Берлин для найма людей „знатных художеств“, а также столяров, медников и др. После смерти Людовика XIV в 1715 году Зотов писал из Парижа: „понеже король французский умер, а на-

следник зело молод, чего ради многие мастеровые люди будут искать фортуны в иных государствах, то он советует потребных не пропускать“¹⁵⁾. Расчет оказался правильным. В тот год был завербован ряд, действительно, крупных мастеров: скульпторы Растрелли, Пино, Лежандр, Виссу, архитектор Леблон—все имена крупные не для одной России.

Из договора, заключенного Лефортом с Каравакком, видно, что „господин Каравакк обязуется ехать в С. Питербурх и работать в службе е. и. в. три года в живописи на масле для „гисторических картин, портретов, лесов, деревень, баталий“, цветов, зверей и, как в больших, так и в малых размерах, также и в самой малой суптельной живописи для портретов и исторических картин“; обязуется он „взять в свою службу тех людей русского народу, которые его величество изволит ему дать для обучения во всем, что касается до живописного художества“. На проживание дается ему пятьсот рублей, „а за дело его плата будет особливая, в которой оценке будет волен его императорское величество, а ежели жалование ему прибавится, то за дела его особливой платы непотребно“. Сто двадцать рублей было ему заплачено в Париже в зачет его жалованья: ему полагалась „безденежная“ квартира на три года, в которое время дастся ему даром место на постройку особливого ему двора; „ежели по трех годех не похощет он больше быть в службе его величества, то вольно ему будет ехать куда он похощет и двор свой продать“. Каравакк был кроме

того уволен от „всяких пошлин и поборов и постоев воинских людей“ ⁴⁶). Залучив Каравакка, художника посредственного, Петр звал в Россию и знаменитого Наттье, но тот долго колебался, и в конце концов в Россию не поехал.

Один из самых крупных архитекторов и скульпторов своего времени Андреас Шлютер, придворный строитель Фридриха I, построивший в Берлине немало прекрасных зданий, автор знаменитой конной статуи Фридриха в Берлине, решил ехать в Петербург, в эту только что перенесенную из Москвы новую столицу. Едва ли бы пришла Шлютеру раньше в голову мысль ехать в Россию, но незадача в последней работе послужила поводом к отъезду его из отечества: он строил башню Монетного двора в Берлине, и она дала трещину. Архитектор был отставлен и на его место назначен главный его враг. Оскорбленный художник решил покинуть отечество и искать счастья в чужой стране ⁴⁷).

Как тяжело сложилась здесь жизнь этого большого мастера, мы узнаем отчасти из записок одного молодого иностранца-офицера, учившегося архитектуре у Шлютера во время своего пребывания в Петербурге. Последний жаловался на непривычные условия жизни в неустроенном пустынном города, на перегруженность работой, несмотря на то, что Петр, на сколько умел, ценил Шлютера ⁴⁸), на суровость климата. Это последнее и свело художника в могилу. Он умер, не прожив в Петербурге и года. Некоторый деспотизм царя сказывался во взгляде

на художника, как на ремесленника; художник, по мнению Петра, должен был преследовать чисто-утилитарные цели. Мелкие резчики-иностранцы, работавшие в царской службе: Горшнель, Кер д'Асье, Нуазет, Сен-Манж, Кнак, Абрагам де-Фриз соглашались в угоду страстному увлечению царя корабельным делом, резать бесконечные корабельные ростры, но Шлютер, Пино и даже менее талантливый Конрад Оснер естественно тяготились этим.

Много обещавший Петр, кроме того, плохо держал свои обещания и часто вовсе не заботился о выписанных им художниках. Пельниц в четвертом томе своих „Lettres et Mémoires“ рассказывает, что выписанные Лефортом в 1717 году двести семейств французских ремесленников и прикладников-художников уехали обратно, не получив материальной поддержки царя и испытывая острую нужду. Скульптор Симон, прибывший в 1717 году вместе с родственником своим Пино и проведший в Петербурге несколько лет, уехал, не получив вознаграждения за ряд статуй, исполненных им для Летнего Сада; много лет спустя, впав в Париже в бедность и одряхлев, Симон просил Елизавету выплатить ему долг; она не сделала этого, и он приезжал уже в екатерининское время, больной и старый, чтобы лично просить императрицу. Жалуется в 1720 году живописец Таннауер на невыплату ему жалованья за весь 1719 и за текущий 1720 годы (за 1719 год жалованье ему не было еще выплачено и в 1721 г.)⁴⁹); просит об уплате в 1726 году и скульптор Пино

жалованье свое за треть года (368 р. 66 к.). Работавшие сдельно Каравакк и Пильман были много счастливее. В 1717 году за два плафона для Монплезира в Петергофе последний получил 250 рублей, т. е. по довоенному курсу около 2.500 рублей ⁵⁰).

В редких случаях царь отличал кого либо из иноземных мастеров и на него сыпались милости— так было с Каравакком, архитектором Леблонем и с „спичным“ и кровельным мастером Болесом. По указу от 18 июля 1722 года Петр подарил Каравакку дом на Васильевском острове, близ дворца Меншикова; около него стали селиться его соотечественники художники и ремесленники, и вскоре образовалась целая „французская“ улица. Леблон владел тоже подаренным прекрасным домом на Невском (изображен на старой гравюре того времени) ⁵¹). Болес имел дом на Петербургской стороне. Близки Петру были и Пикар, с которым он любил разъезжать по Петербургу, то в дрожках, то в парусной лодке, любуясь городом ⁵²); близка была и чета живописцев Ксель, приглашенная царем в 1716 году в его бытность в Амстердаме. Он часто звал Кселя для совета по поводу приобретения тех или иных произведений искусства для дворцов и кунсткамеры, оценив по достоинству художественный вкус швейцарца; но в то же время, своеобразно понимая искусство, заставлял обоих Кселей писать уродцев в спирту, чучело слона, живых шутов и мертвого великана ⁵³). За три, четыре таких портрета, исполненных сдельно, Георг Ксель получал шесть рублей

(т. е. пятьдесят четыре рубля по довоенному курсу) со своими холстом и красками, в ту пору исключительно ввозными, заграничными и потому очень дорогими ⁵⁴).

Несмотря на подобное легкомысленное отношение к выписанным художникам и зачастую на невнимание к ним и к их нуждам, многих иностранцев привлекала к себе интересная крупная личность Петра, сильная волей, неустанно боровшаяся со всеми препятствиями и не склонявшаяся перед опасностями. С увлечением говорит о нем и Джон Перри, и Конрад Оснер, и Белль. Их подкупала в нем его большая простота, доступность, черта, обычно несвойственная людям его положения. Белль рассказывает по этому поводу про посещение Петром корабельного строителя англичанина Нея. Царь пришел рано утром и, потирая руки, озябший долго стоял на улице у дверей Нея и стучал, пока не открыл ему заспанный слуга. Узнав, что Нея нет дома, он стал терпеливо ждать его ⁵⁵). Петр охотно проводил время с иностранцами, разделяя часто их труд и их развлечения; он любил участвовать в пирушках и попойках с заморскими шкиперами, ремесленниками и художниками, то у своего мундкоха шведа Фельтена, который брал за вечер с каждого гостя по червонцу, то в других „австериях“. На ассамблеи Петр также часто приглашал иностранцев и их жен и дочерей. Но не всегда, правда, эти совместные попойки с царем кончались для иностранцев добром. Когда Доротея Ксель собралась навестить своих родных в Амстердаме, царь, боясь, как всегда, по-

терять нужного в государстве человека, долго не давал ей отпуска, между тем супруги Ксель пользовались его особым покровительством.

Что касается до внешних условий жизни в нестроенном еще Петербурге и суровости климата, то на эти обстоятельства жаловались даже привычные ко всему и неприхотливые русские люди. Жизнь здесь складывалась нелегкая, сопряженная с разного рода опасностями. Обширные, гораздо более обширные, чем теперь, болота окружали город, занимавший в ту пору теперешнюю первую и вторую Адмиралтейскую части (так называемую Перузину), восточную и южную окраины Васильевского острова и южные приречные оконечности Петербургской и Выборгской сторон. Нева, Невки, Мья и Фонтанная, разные бесчисленные ручьи и протоки, в роде Кривушей (ныне Екатерининский канал), бороздившие город в разных направлениях, текли в своих естественных низких берегах, тогда еще искусственно не поднятых насыпными набережными. Поэтому малейшее поднятие уровня воды, хотя бы на два, на три фута выше ординара, вызывало наводнения. За первые двадцать лет существования города насчитывается семь крупных наводнений, затопивших почти всю заселенную территорию. Наводнение 1721 года оказалось особенно губельным по своим последствиям ⁵⁶). Туманы были гуще; в холодные дни они спускались над городом белой непроницаемой пеленой. Ветры в осенние и весенние месяцы принимали размеры страшных разрушительных бурь. В этом

пустынным городе с прямыми улицами, обстроеными низкими мазанками, укрыться от ветра было некуда. Весна наступала поздно: снег часто таял в конце апреля.

Частые пожары уничтожали целые кварталы. Особенно ужасен по своим последствиям был пожар 1710 года, когда сгорел весь Гостиный двор с лавками иностранных купцов.

Художники, приезжавшие в Петербург при Петре, селились главным образом на правом берегу Невы на Петербургской стороне и на левом берегу у истоков Фонтанки. На Петербургской стороне, в так называемой Татарской Слободе, жили вплоть до 1721 г. (заключение Ништадского мира) по преимуществу пленные шведы, немцы же основались на левом берегу Невы, в так называемой Немецкой Слободе. Несколько позднее иностранцы распространились и на часть будущего Марсова поля и Миллионной улицы, которая в ту пору носила название Немецкой. Они занимали и Луговую, впоследствии Б. Морскую. На берегу Невы (около теперешнего Мраморного дворца), по приказу царя, Меньшиков построил в 1714 году длинное мазанковое здание с черепичатой кровлей, первую казенную гостиницу для приезжих иностранцев, где они обязаны были останавливаться. Нигде иначе вновь приезжающим селиться не разрешалось. Заведывал этим зданием немец из Данцига. Нельзя сказать, чтобы гостиница предоставляла постояльцам много удобств и покоя. Когда Петр устраивал свои шумные и много-

людные ассамблеи, то он часто пользовался этой вновь построенной гостиницей ⁵⁷). На это время все жившие там иностранцы изгонялись, хотя многие из них, если имели к тому желание, могли участвовать в пире. А против гостиницы стоял слоновый двор, где с большим почетом, в теплом просторном помещении содержался слон; его во время ассамблей никто не трогал.

Запрещение иностранцам останавливаться в иных местах, кроме царской гостиницы, вероятно, скоро забылось; мы находим их после 1714 года и на Немецкой улице, и в Слободе, и на Васильевском острове. В Петербурге, как и в бывшее время в Москве, иностранцы чувствовали свою обособленность от русского населения и неприязненное отношение к себе и естественно тяготели друг к другу. Вновь приезжие старались селиться у своих соотечественников и держаться вместе. Скульптор Пино, его родственник Симон и ученик Пино—Перар работают в тесном единении друг с другим. Джон Перри знакомится в Москве с первым архитектором царя Антони Дином, сын которого сопровождает Перри во всех его путешествиях. Белль дружен с корабельным строителем Неем, он же пользуется покровительством своего посла Викфорта и консула Гудфелло; скульптор Растрелли дружит с архитектором Леблоном, Доменико Трезини крестит в 1728 году сына каменных дел мастера Джованни Росси; у дочери того же Росси в 1730 году в роли крестной матери выступает Донна Анна Мария де Растрелли,

жена скульптора ⁵⁸). Первые ученики иностранцев в России—дети их соотечественников, родившиеся в Петербурге. Архитекторы Микетти и Трезини явно предпочитали иметь помощников и учеников иностранцев, они выступали перед царем с декларацией о сравнительном достоинстве русских и иноземных мастеров. Но хитрый и осторожный голландец-архитектор ван-Свитен отказался подписать это заявление, мотивируя свой отказ тем, что „он человек новый“ и „тех мастеров русских не знает“; на самом же деле он боялся гнева царя, не зная, как тот отнесется к подобному заявлению ⁵⁹).

Рисовальщики и граверы применяли свои силы и знания при многих учреждениях: в приказе Морского дела, на Монетном и Печатном дворах, при заведенной Петром же Шпалерной мануфактуре и при так называемой Канцелярии строений. Кроме того при печатне петербургской была основана первая рисовальная школа, где преподавал Георг Ксель. Оплата в десятых годах XVIII века не превышала сумм, уже указанных мною по поводу Сильбаха и Демья. Рабочий день художника в царской службе длился неравномерно, в зависимости от восхода и заката солнца в разные времена года. Со светом начинали работать и кончали с наступавшей темнотой, с перерывом на обед часа на два. Почти все работавшие при Петре иноземцы-художники имели учеников, это входило, как необходимейший пункт, в каждый договор. Обучали не один Каравакк, Таннауер, Ксель, Пино и Растрелли, обучал и менее

известный Виссу и совсем незначительные, как Нуазет, Сен-Манж, Болес и др. К концу своей жизни Петр мог быть доволен результатом своих усилий привлечь иностранных мастеров в Россию; у него работало особенно значительное число каменных дел мастеров и резчиков: Гаспари, Гаман, Бернардо Скала, Фонтана, Феррари, Браунштейн, Ферстер, Доменико Рута, Марселиус, семья Трезини, Пино и многие другие.

По всем выше перечисленным учреждениям, где работали иностранцы, наблюдалась в Петровскую пору крупная задолженность мастерам-ремесленникам и художникам. На Печатном дворе она достигла к началу XVIII века 17.668 рублей за печатание книг, указов и гравюр, а непроданных изданий числилось на 19.000. Пришлось выдавать жалованье мастерам натурой, изданиями типографии, но издания эти у них не раскупались. При слабом распространении образования, книг покупать было некому. Граверы и рабочие стали просить выдавать им в уплату церковными книгами, напечатанными славянским шрифтом, как находившими лучший сбыт ⁶⁰).

В 1722 году Петр издал указ о цехах, существенно изменивший к худшему положение заезжих иностранцев. Все прибывшие в Петербург художники и ремесленники обязаны были записываться в цех, без чего они не имели права брать каких бы то ни было частных заказов. Петровское время не делало разницы между маляром и художником, между простым штукатуром и скульптором и вносило их в один

и тот же цех; оно делало, впрочем, исключение для так называемых академических художников, состоявших членами какой либо Академии Художеств, и относило их к высшей категории в цехе, к которой принадлежали и иностранцы—ученые, группировавшиеся несколько позднее при Екатерине I вокруг вновь основанной Академии Наук. Но художник, хотя и очень талантливый, но не имевший чести принадлежать на своей родине к Академии Художеств, равнялся в России с маляром. Цех нормировал и цены на сдельные работы. В указе о цехах было сказано: „... когда от каждого мастерства сделано будет, как на продажу в ряды, так и в дома всяких чинов людям, то на оное прежде класть тому мастеру, кто что делал, свое пятно, а потом приносить для свидетельства того мастера к старшине, а ему то сделанное, буде явится доброго мастерства, пятнать своим пятном и запятнав в ряды продавать“. А за год до того девятого мая 1720 года был издан указ об учреждении в Петербурге главного магистрата, который должен был ведать магистратами других городов и ремесленными цехами.

То же явление мы наблюдаем, например, и во Франции, с той разницей, что уже с середины XVII века в Париже существовала „Академия трех знатнейших художеств“, к которой были отнесены все художники, выполнившие программную академическую работу. Принадлежность к Академии парализовала суверенные права малярного цеха и освобождала живописца от тяжелых и подчас обидных для

него пут. У нас Академия Художеств возникла, как известно, только в 1757 году.

Цех различал степени: мастера, подмастерья и ученика. Мастер получал права держать мастерскую и пользоваться наемным трудом, подмастерье, или гезель, этим правом не пользовался и, служа у мастера, помогал ему в работе; ученик проводил у мастера в учении около семи лет. В каждом цехе существовало только определенное количество мастеров, и цех мог не принять приезжего умелого художника в мастера и записать его в гезели, и мастер числился гезелем до тех пор пока за отъездом или смертью какого либо мастера не освобождалось места в цехе. Впрочем, надо сказать, что цеховая система не проводилась в России с таким ригоризмом, как на Западе. В течение аннинского времени деятельность цехов заглохла, и в 1763 году Екатерине II пришлось снова повторить петровский указ о необходимости для художника и ремесленника записываться в цех. За два года до этого указа объявлялось от губернских магистратов, ведавших делами цехов“, чтобы мастеровые всякого художества люди, русские и иноземцы, которые в цех не записаны, для записи в оный цех являлись в оном магистрате от публикации о том конечно в два месяца; ежели же кто не явится, и художество кроме властей и помещиков своих производить будет сторонним людям из платы и в ряды продажею и с тем пойман будет, то с таковым поступлено будет по силе указов без всякого упущения“ ⁶¹).

III

Открытая Екатериной, но подготовленная Петром, Академия Наук избавляла приписанных к ней художников от притеснений цеха, но лишь до известной степени. Эти рисовальщики и граверы, поселенные в казенных академических домах на Васильевском Острове во второй, пятой, седьмой и десятой линиях, как бы причислялись к сословию „ученых“ — „dotti“, так как рисование и гравирование было отнесено в Академии к обязательным предметам. Пользовались они и некоторыми другими льготами, например, как и везде в Европе, свободой от военного постоя, но, возможно, только потому, что жили в казенных помещениях. Когда академический преподаватель резчик Дункер в 1745 году переехал в свой дом, ему пришлось возбудить вопрос особо: имеет ли он, как академический преподаватель, право пользоваться свободой от постоя, если он живет не на казенной квартире, а в своем доме? Вопрос был в ту пору решен в положительном смысле.

Какова была или вернее какой должна была быть оплата академических преподавателей художников? Из промеморий Академии Наук мы узнаем, что

главный академический гравер Вортман получал в 1728 году восемьсот (т. е. семь тысяч двести) рублей в год, пунсонный мастер Иоганн Купи— пятьсот, рисовальщик и гравер Еллигер пятьсот, гравер Унферцагт — триста, Келер — сто ⁽⁶²⁾. Все они, кроме того, имели казенную квартиру. Оплата кажется высокой, в особенности зная цены на предметы первой необходимости, когда цена ржаного хлеба равнялась в Петербурге $1\frac{1}{2}$ коп. (т. е. $4\frac{1}{2}$ коп.) пара дичи стоила два гроша (в переводе на довоенный рубль — тридцать пять — сорок копеек).

В действительности дело обстояло почти трагически, в особенности в царствование Петра II и Анны. Самую Академию и ее преподавателей иностранцев правительство едва едва терпело. Получившее вес и значение в пору Петра II московское духовенство продолжало, как и в былое время, питать чувства явного недоброжелательства ко всему чужеземному. М. П. Абрамов, также вышедший из духовной среды, был душой кружка, в состав которого входили старая царица-бабка, Петр II, Евдокия Федоровна и настоятель Троицкой Лавры архимандрит Варлаам. Абрамов в проекте живописной Академии, поданной им еще Екатерине I, намекал на выгоду образования русских художников *без посылки их за границу и без содействия иностранцев*. Проект этот, однако, не был принят, но на Академию Наук с ее „фигурной и грыдоровальной“ палатами перестали обращать внимание. Жалование преподавателям задерживали по полугоду, а задним

числом оплачивали не более четверти того, что полагалось.

С отъездом Петра II в Москву, положение академических мастеров стало критическим. Все, что могло, последовало за двором в Москву: бояре, русские купцы и ремесленники. Петербург обезлюдел и стал медленно приходить в упадок. Тогда в 1729 г. правительство издало указ, по которому все выехавшие из Петербурга купцы и ремесленники обязывались немедленно возвратиться, под страхом строжайшей ответственности, даже высылки в Сибирь. Академические преподаватели продолжали владеть жалкое, полуголодное существование в опустевшем городе, они мечтали об отъезде на родину, но тот же недостаток средств препятствовал этому. Возвращение императрицы Анны в северную столицу несколько облегчило их положение, но уже в конце тридцатых годов они снова терпят острую нужду, и Шумахер пишет, что „едва ли не все при Академии Наук обретающиеся служители для пропитания по миру ходить должны, вместо исправления своих обязанностей“ (33). В течение тридцатых и начала сороковых годов непрерывно поступают слезные мольбы и жалобные просьбы о выплате следующего жалования. Любопытно отметить, что в промемориях Академии Наук часто встречаются просьбы иностранных живописцев взять их на службу при научных экспедициях в Сибирь и Камчатку. Как ни тяжелы были условия службы при этих экспедициях, туда стремились из за повышенного оклада жало-

вания, во первых, и из-за относительной свободы, во вторых. Самый скромный художник мог рассчитывать получать там пятьсот рублей, в то время как в Петербурге ему платили только двести пятьдесят-триста рублей в год. И вот целый ряд живописцев отправляется на восток России и в Сибирь: Иоганн Кассель ⁶⁴⁾, архитекторы Рам и Бредан ⁶⁵⁾ сопровождают Оренбургскую экспедицию, рисовальщик Дункель ⁶⁶⁾ и живописец Браун едут с экспедицией в Сибирь, а рисовальщики Беркган, Лурсениус ⁶⁷⁾ и Деккер отправляются в далекую Камчатку ⁶⁸⁾.

В прошениях преподавателей Академии часто указывалось, что они не пользуются правами и преимуществами русских подданных, не владеют ни движимостью, ни недвижимостью и пришли в такое состояние, что „дневной пищи не имеют и ежели им ничего не дадут, они принуждены будут отстать от своего дела и искать дневной пищи“ ⁶⁹⁾. Не лучше чем с жалованием обстояло дело и с казенной квартирой: холостым полагался один покой, женатым два. Для квартир преподавателей отводились Академией ветхие, полуразрушенные деревянные строения с плоскими печами. Из за боязни в городе частых и разрушительных пожаров, иностранцам запрещалось топить печи, и с них бралась подписка в том, что они, действительно, топить не будут. Но в холодные зимние месяцы и давшие подобную подписку не выдерживали и умоляли начальство о дозволении „топить печи, хотя бы по субботам, хотя бы для печения хлебов сделать надворную печь“ ⁷⁰⁾. И эти несчаст-

ные люди работали на Академию по двенадцать, тринадцать часов в сутки.

Тяжелое материальное положение иностранных художников усугублялось их тяжелым моральным состоянием. Зависть к ним русских, у которых они отбивали работу, порождала гнусные доносы. В 1742 году переводчик Никита Панов прислал в Комиссию следствия об Академии Наук доношение с жалобой: „Многих художеств мастера немцы,— пишет он,— в искусстве или совсем ничего или так затменно обучают, что на место их русский ни в котором художестве при Академии в мастера еще не произошел. Многие одной должности с русскими немцы, русских будучи в своем искусстве совсем ничуть не лучше, жалование берут против оных вдвое и более“¹¹⁾). Последняя фраза объясняет сразу причину столь ярких нападков на иностранцев.

В конце сороковых и в пятидесятых годах XVIII века положение иностранцев в России было несколько облегчено. Вновь приезжие мастера не так связывались контрактом и, выполняя сравнительно хорошо оплачивавшиеся частные заказы, могли жить, в общем, обеспеченнее. Уже нередки случаи, когда художники обзаводились недвижимостью, правда, чаще строением деревянным, нежели каменным и на окраинах города, в третьей Адмиралтейской части и в более отдаленных линиях Васильевского острова. Мещанские с переулками Демидовым и Столярным, часть Вознесенского проспекта (входившие в третью Адмиралтейскую часть), дальше—часть Гороховой—слу-

жили местом жительства для немцев художников среднего достатка, ремесленников и мелких купцов. В местности вокруг Монетного двора, по каналам: Крюкову, Адмиралтейскому, Галерной улице и по Английской набережной, преимущественно селились англичане. С 1735 года, с целью привлечь в Россию английских купцов, действовал указ, в силу которого все дома, купленные или хотя бы снятые англичанами, освобождались от постоя. Поэтому русские владельцы домов с особой охотой сдавали в них помещения и целые владения англичанам, с тем, чтобы уберечься от разорения, загрязнения и всех ужасов, связанных в XVIII веке с постоем войск.

Границей елизаветинского Петербурга на юге служила Фонтанка (за Фонтанкой дачи чередовались с рощами и болотами), на Васильевском острове — тринадцатая линия, на Петербургской — река Карповка, хотя и южнее этой речки чаще попадались дачи, чем дома; Выборгская сторона была заселена только по берегам Невы и Невки. В этих пределах многие иностранцы владели домами: у Штелина, адъюнкта Академии и преподавателя рисования великому князю Петру Федоровичу, не только дом в городе, но и красивая дача при устье Фонтанки у Калинкина моста, у резчика Дункера в 1765 году дом в Луговой Миллионной ⁷²⁾, у декоратора Валериани дом на Невском у Аничкова моста ⁷³⁾, у де Велльи деревянный дом между тринадцатой и четырнадцатой линиями Васильевского Острова ⁷⁴⁾, у Христинека сперва около Галерной верфи ⁷⁵⁾, позднее

зеленый деревянный с хозяйственными строениями и садом на Петербургской стороне близ Карповки, у скульптора Шварца дом в городе близ Дворцовой площади и дача на пятой версте по Петергофской дороге ⁷⁶). В екатерининское и павловское время домовладельцы иностранцы попадаются все чаще. У Растрелли дом на Невском ⁷⁷), у Герарда у Синего моста, у Фока на Гагаринской, у Тромбара у Вознесенского моста, у Феррари дача на Аптекарском острове ⁷⁸). Архитекторам постройка, естественно, обходилась дешевле, но художники не все могли позволить себе подобную роскошь. Строиться и содержать дом в Петербурге стоило недешево; цены на земли, особенно на окраинах, стояли низкие, но черепица, оконное стекло, белый печной кирпич, печные изразцы, как ввозимый заграничный товар, и даже кирпич для кладки обходились дорого. Деревянные постройки в условиях Петербургского климата оказывались непрочными и недолговечными; в ту пору вода в Петербурге стояла нередко только на два фута ниже поверхности земли, и деревянные постройки быстро гнили ⁷⁹). Мостовая мостилась за счет владельца дома во всю длину его владения. Освещались улицы тоже за его счет.

Многие другие живописцы нанимали квартиры в домах вельмож. Фридрих и Вениамин Калау у баронов Строгановых ⁸⁰), Торелли в Фонтанном доме Шереметева ⁸¹), Кнопф у Куракиной на Мойке, Эриксен, позднее уже, в екатерининское время, в доме датского поверенного Эккерта ⁸²). Многие из

художников иностранцев: Лагренэ старший, Лепренс, Растрелли, Валериани, Гриммель, Эриксен, Фандцельт, правда, наиболее богатые из них, владеют богатой движимостью: собраниями картин старых западных мастеров, эстампов, красивыми раззолоченными и разукрашенными живописью каретами, лошадьми упряжными и верховыми, богатой ливреей, серебряной посудой. На другой день после смерти Ротари в 1762 году его душеприказчики Антонио Ринальди и один иностранный купец описывали его имущество. У него оказалось: восемнадцать табакерок золотых, осыпанных бриллиантами, трое золотых часов, сорок червонцев, 4.140 рублей серебряных денег, да векселей на графе Санти и живописце Гроте и других на сумму 9.350 рублей, двадцать девять, штук серебряных вещей и большой гардероб с дорогими шубами и мехами ⁸³). Но это, конечно, все „вельможи от искусства“, зарабатывавшие большие деньги от частных заказов. Елизаветинское общество успело за двадцать пять лет после Петра освоиться до некоторой степени с западной культурой и выдвинуть из своей среды меценатов: Шуваловых, Бестужевых, Воронцовых, Шереметевых.

С конца сороковых годов возникает в Петербурге как бы ряд иностранных центров: Демутов трактир подле полиции, „Поггенполев дом“ у Синего моста на Мойке, Иберкамфов трактир в Большой Миллионной, Рейнертов дом в Большой Морской, Милютин дом на Невском у Гостиного Двора, дом вдовы портного „Нейманши“ на Миллионной, мед-

ника Барбо во второй Мещанской улице, а еще позднее, в восьмидесятых годах, популярный „Лондон“ на углу Невского против Адмиралтейства.

Это гостиницы, в которых останавливались и жили иногда подолгу иностранцы. Хозяева этих гостиниц играли часто роль посредников в приискании приезжим службы и работы. Более доступными по ценам бедному люду были: трактир „Ревель“ в самой гуще иностранного населения в Мещанских, популярный „Мыс Доброй Надежды“ в Большой Морской и купца Гернера на Литейном „в доме карлицы Устиньи Горелкиной“⁸⁴), или бесчисленные в Мещанских ренсковые погребки, яркие вывески которых с „арапами“ манили поразвлечься, поразузнать о работе, заключить выгодную сделку или просто погреться у камелька одному или с приятелями за стаканом доброго вина, которое тут же надеживалось из заморских бочек. Иностранцами гостиницами-трактирами были по существу и так называемые, „кирошные дворы“, т.-е. дома при иноверческих церквях; немецкой и шведской кирках и при католической церкви. На паперти этих церквей в дни церковных служб нанимали художников, учителей рисования и гувернеров.

Москва в XVIII веке уступала в отношении иностранцев пальму первенства Петербургу. Она насчитывала в своих пределах едва одну десятую часть его иностранного населения. Все, что приезжало из-за границы оседало в Петербурге; в Москву ехали те, кому не удалось выгодно устроиться в северной

столице. Насколько непопулярна была Москва во мнении иностранца, говорит то обстоятельство, что Академия Художеств, задуманная Шуваловым при Московском Университете, не могла осуществиться в этом городе за нежеланием иноземцев-преподавателей ехать сюда, и учреждение было открыто в Петербурге.

Несмотря на это, многих иностранцев, бывавших в старой столице, увлекало своеобразие этого города, его полу-восточный характер и типы. Так, французский путешественник Шантро (*Chantreau*) в „*Voyage philosophique, litteraire et politique fait en 1788—1789*“, отмечает в Москве ее оригинальность, контрастность, неправильность ее плана, и отсюда ее большие размеры (р. 265). Виже Лебрен нравится здесь яркость местного колорита, терпкий аромат Востока. „Мне казалось“, пишет она, „что я въезжаю в Исфагань, настолько Москва, отличается от всего, что существует в Европе. Чтобы иметь понятие о Москве надо ее видеть“ (р. 56 v. II *Souvenirs*). Художницу пленяет здесь смешение великолепия и сельской простоты, которое придает городу фантастический эффект; эта черта Москвы, должна, по мнению Лебрен, нравиться путешественнику, жадному до всякой оригинальности (р. 58). М-те де Сталь тоже находит своеобразную прелесть в этом „азиатском“ городе, скорее похожем на большое село с его низкими деревянными домами и кривыми улицами (*Memoires* р. 278—289). Ей даже чуть чуть жаль покидать Москву, но это, конечно,

только потому, что она провела здесь всего несколько дней, так как для обеих мемуаристок „прелесть“ старой столицы меркнут перед московским бездорожьем, московской грязью, холодом и некультурностью московских денежных мешков.

Сравнительно немногочисленное иностранное население Москвы было сосредоточено в XVIII, как и в XVII веке, в Немецкой слободе. Там помещались пансионы, герберги, трактиры. На Тверской мы также находим „Английской“ и „Французской“ кофейные дома, куда в известное время дня стекались местные иностранцы, а в Охотном ряду известный „Царьград“, где московские бары и купцы нанимали гувернеров и учителей рисования.

Москва нашла место и в изображениях художников иностранцев: Лепренса, де Вейлли, де ла Барта, Джонса, Джонстона, Куртенера, Паризо, Свебаха, Иоганна Рауха, Дюрана, позднее Гертнера и др. Наконец, Москву обстраивали многие иностранцы, начиная с петровского времени и кончая серединой XIX века. Конрад, Дин, Яков Брюс, Растрелли, Кваренги, позднее Бовэ и Жилиарди.

К концу Екатерининской поры, вслед за опальными вельможами и фаворитами в отставку, в Москву тянутся иностранцы художники, скромные учителя рисования, которые к десятым годам XIX были здесь уже довольно многочисленны.

Приведу рассказ известного французского писателя и инженера по профессии Бернардена де Сен

Пьера, из которого видно, как различно бывало часто положение двух иностранцев, одновременно приезжавших в русскую столицу. На корабле, плывшем из Гамбурга, спутником Бернардена оказался живописец Стефано Торелли, ехавший в русскую царскую службу, с которым он и проводил время в путешествии. Поздним августовским вечером пристал их корабль к набережной Невы. Торелли ждала богатая придворная карета, и художник, вежливо раскланявшись с Бернарденем, сел в карету, и лошади быстро умчали его из глаз писателя. Бернарден, с 6 франками в кармане, очутился ночью на набережной незнакомого большого города. Случай толкнул его в первый попавшийся герберг, где он провел ночь, а по утру, в воскресенье, добрая хозяйка герберга посоветовала Бернардену отправиться на богослужение в католическую церковь, где на паперти всегда можно было найти нужного, полезного человека. Бернардену повезло. Он встретил своего соотечественника, камердинера одного русского вельможи; тот принял в нем участие и представил своему барину и, благодаря последнему, сказочно устроилась судьба писателя. Вельможа взял его в Москву, представил Екатерине и через несколько времени назначил его военным строителем в Выборг.

Мечтатель и прожектер Бернарден предлагал Екатерине организовать идеальную республику на берегах Аральского озера, осуществив там рай на земле. Екатерина обласкала красивого фантазера, но улыбнулась его прекраснотушным мечтам.

Счастье повезло Бернардену, повезло и m-me Fusil, но не всегда и не всем везло так, как им. Актриса m-me Fusil⁸⁴), в начале XIX в. жившая в России, рассказывает в своих мемуарах о столь же легкомысленном приезде своем в Россию, имевшем, однако, те же счастливые последствия. Она высадилась в 1806 году в чужом городе на набережной Невы в легком летнем платье, соломенной шляпе и шали, почти без вещей, с 20 червонцами в ридикюле, не зная притом ни единого русского слова и не имея в городе ни одного знакомого человека. На минуту она растерялась, но тут же вспомнила, что в ридикюле у нее лежит рекомендательное письмо к одной французенке, продавщице мод на Невском, и тотчас же туда направилась. При переправе через Мойку случай свел ее с соотечественником, доктором Легро, который галантно предложил довести ее до цели ее странствований. Через полчаса она имела в городе двух знакомых, а через несколько дней уже бывала у Куракиных, Кутузовых, Голицыных и др. Весело проведя зиму в Петербурге, она получила выгодный ангажемент в московский театр. Осыпанная дорогими подарками, в собственной кибитке, обитой ценными мехами, она двинулась в Москву. Но Луиза Фюзиль была красивой женщиной, этого не надо забывать. И, несмотря на это, в Россию тянулись ежегодно тысячи немцев, французов, шведов, а позднее и англичан. Припоминается по этому поводу тот широкий выбор художников, который могла позволить себе Екатерина, вскоре по вступлении ее на

престол: задумав соорудить памятник Петру, она предложила русскому послу в Париже Голицыну подыскать скульптора. Три виднейших французских художника выразили желание ехать в Россию, среди них Кусту и Фальконе. Екатерина выбрала последнего. Шлецер в своей книге: „Schlözers eigene Lebensgeschichte“, изд. впервые в 1789 г., старается уяснить себе причину столь интенсивной тяги в Россию.—„Дураки представляют себе, пишет он, что нигде нельзя легче составить себе карьеру, чем в России, многим из них мерещится тот выгнанный из Вены студент богословия (Остерман), который впоследствии сделался русским государственным канцлером“. Некоторые прибывали не только без рекомендации и аттестатов, но и с последним червонцем в кармане, без знания языка, которым они, кстати сказать, почти никогда не овладевали, прожив в России и десять, и двадцать лет. И вот в дорогом городе им приходилось жить по целым месяцам и выжидать.

Мотивы, заставлявшие иностранцев ехать к нам очень разнообразны, но в основе всех лежал взгляд на Россию, как на золотое дно. К этому прибавлялись и другие побуждения: неудачно сложившаяся жизнь, преследования и травля врагов, наконец, увлечение неведомой, полудикой, загадочной страной, куда таких людей, как Перри, Белль, позднее Свинтон, Джонстон, манила возможность приключений и сильных ощущений.

Самый путь в Петербург был долог, сложен и не лишен опасностей. Более состоятельные ехали сухим

путем на лошадях через Выборг, Ригу или Могилев; бедные же подвергались всем опасностям и трудностям морского пути. Историк Шлецер, несколько лет, как известно, проведший в России, очень образно описывает обстановку морского путешествия в Петербург на старом утлом корабле, под деспотической властью грубого капитана, в узкой каюте, забитой тюками и ящиками, где помещались тринадцать человек пассажиров, капитан и штурман. Здесь надо было есть, спать и дышать. В числе пассажиров находилось два трубача, из них один с женой, которую он, по крайней мере, через два дня на третий колотил, и тремя детьми, из которых младшему было полтора года; все они день и ночь хныкали; восьмая была девица из Гамбурга; девятый, называвший себя графом де М., был капитан императорской службы, человек большого света, с ужасно большой офицерской шпагой и красивым дорогим туалетом, но от него, как в гостинице, так и на корабле, нужно было беречь ящики, чемоданы и карманы; десятый был конторский служащий из Гамбурга, которому плохо пришлось, когда он однажды назвал этого графа „mon ami“. Сверх того на судне находились пассажиры-торговцы с канарейками, попугаями и десятью обезьянами. Все это разнообразное население днем и ночью говорило, кричало, свистало и бранилось на все лады“⁸⁵). Противные ветры заставляли судно по два и по три раза возвращаться в ту же гавань, мели задерживали корабли на пути, скалы

и подводные камни грозили разбить их, а пираты ограбить и увести в плен пассажиров. Пираты в XVIII веке не выдумка, не плод фантазии, а действительность. Живописец Лепренс попал в плен к пиратам по дороге в Петербург и, как говорят, только благодаря тому, что услаждал их в течение некоторого времени игрой на скрипке, в благодарность был ими высажен на берег.

Дальше Шлецер рассказывает, как на его глазах погибло в бурю судно, как им пришлось спасать погибающих, забрать их к себе и снабдить необходимым бельем и платьем; другой тонущий корабль звал их выстрелами на помощь. Вспоминается по этому поводу несчастная судьба гравера Штенглина и художника Грота, потерявших при кораблекрушении все свое имущество, деньги, гравюры и картины. Корабли плыли мимо Дагерорта, опаснейшего в тумане острова Гогланда в Финском заливе и, сев нередко на мель или наткнувшись на подводный камень где либо около Фридрихсгамна, принуждены бывали высаживать пассажиров в лодках на берег, откуда те сухим путем добирались через Выборг в Петербург.

Французский путешественник Форсиа де Пиль ⁸⁶⁾ отмечает плохое состояние дорог: между Белоостровом и Петербургом пни, корни деревьев мешали ехать, приходилось двигаться шагом, чтобы не испортить экипажа. Англичанин Свинтон рассказывает о подобном же случае с ним. Он ехал в конце ноября по грязным, непролазным дорогам через леса

и пустыни, и вдруг экипаж сломался, и он добрых полтора часа один-одинешенек, не зная языка, ждал в лесу возницу, ушедшего искать помощи. Мостов через реки не было, переправлялись на плотах или просто вброд⁸⁷). При путешествии зимой на дно саней клался багаж пассажира, поверх него перина; путник ложился на нее и укрывался одеялами и мехами, а сани мчались со страшной быстротой. Нередко они опрокидывались, и путешественник падал в снег или проваливался под лед при переправе через реку, едва ставшую или готовую вскрыться. Ехали дальше, и мелькали леса, редкие деревни да красные версты. Ямщик пел непонятную путнику унылую песню, и колокольчик звенел под дугой. „Глухой шум моря, вдоль которого шла дорога“, пишет тот же Свинтон, „мычание коров, резкий крик грача, эхо лесов и унылая песнь поселянки питали меланхолию и наводили на размышление“⁸⁸).

М-те де Сталь, подъезжая к Москве с юга, была поражена беспредельностью русских пространств и безлюдием. На обширных равнинах, которые называются большими дорогами, не слышно было шума, редко попадались поместья или деревни. „В России“, пишет она, „так много пространства, что все в нем затеривается. Кажется, что едешь по стране, которую покинуло население, даже скот попадает редко“⁸⁹). И для Теофиля Готье, приехавшего в Россию много позднее, в пятидесятых годах, дорога из Петербурга в Москву, представляется „лунным пейзажем, видимым в телескоп“. Но сквозь скуку

и безлюдье этого пейзажа он ощущает пьянящую, чувственную прелесть холода, снега и безлюдья. Сколько очарования, например, в русской карете или возке с замерзшими окнами! „Если бы любовь не дрожала от стужи в двадцатиградусный мороз, в русской карете с замерзшими окнами укрывалось бы столько же тайн, сколько в венецианской гондоле с опущенными занавесями“⁸⁹.

Езда на почтовых представляла больше неудобств, нежели езда на вольных лошадях: передвигались медленно, а главное, как это неоднократно отмечают иностранцы, приходилось обращаться „с назойливыми и грубыми русскими путешественниками“⁹⁰). Тот, кто искал больших удобств и хотел избежать русского общества, брал extra-poste, которая обходилась 24 копейки (т.-е. 1 р. 20 к.) и пятак чаевых кучеру за десять верст. В закрытых каретах extra-poste помещалось шесть человек; такая карета, запряженная шестерней, выезжая из Нарвы в четыре часа утра, в тот же день в пять дня достигала Петербурга. Гостинниц в городах по пути не было, но каждый домовладелец обязан был по очереди предоставлять проезжающим помещение в своем доме. Остановки в селениях производили на иностранцев самое тягостное впечатление. Воздух топившихся по черному изб валил с ног всякого непривычного человека. Шлецер рассказывает, что, пробыв несколько минут в такой избе, он выбежал на улицу и без чувств упал в снег. Иностранцев поражало также, что в избах, где им приходилось но-

чевать, имелась всего одна кровать, покрытая грязным тряпьем, на которой спало обычно все семейство и которую уступали им. Деревни по пути редки и бедны; ни за какие деньги нельзя достать еды; и богатые и бедные путешественники (every traveller from the prince in gold lace to the poor in straw shoes) по словам Свинтона, все везут провизию с собой, и только разве соблазненные рюмкой английского brandy поселяне уступят иногда путнику горшок молока и черствую корку хлеба ⁹¹). На постоянных дворах ничего, кроме голой скамьи, чтобы отдохнуть усталому путешественнику.

Совершенно иную картину являл подъезд к Петербургу, начиная от Ораниенбаума. Здесь чаще встречались постоянные дворы, предлагавшие путнику известный комфорт и трапезу. Иностранцы дивились красоте и живописности роскошных дач в окрестностях Петергофа и Сергиева. Их ошеломяло обилие движения пышных экипажей по прекрасно устроенной шоссированной дороге, наряды и важная осанка проезжающих. „Предместья Берлина и Гамбурга кажутся тихими в сравнении с окрестностями северной столицы“,—пишет Беллерман.— „Природа здешних мест, обработанная искусными садовниками, все эти „дворы“ Сиверса, Потемкина, Шуваловых, Нарышкиных, Голицыных заставляют иностранцев вспоминать о прекрасных снах или страницах из сказок „Тысячи и одной ночи“. „С красотой Петергофа не может сравниться ничто на свете, перед его садами, раскинутыми по берегу

моря, меркнут сады Версаля, разбитые в скучной безводной местности“⁹²).

Почтовая карета привозила путешественников на главный двор против Зимнего дворца; там же в Луговой Миллионной в екатерининское время стояла гостинница „Вена“. Когда немец-учитель Беллерман прибыл в Петербург, он тотчас же отправился в эту гостинницу. Все было занято; ему дали помещение только на ночь. Тем не менее он поторопился в тот же вечер нанять слугу и карету, эти две необходимейшие вещи („die beiden nöthigsten Möbeln, die ein Fremdes ohne grossen Zeitverlust hier nicht entbehren kann“)⁹³). На другой день он нанял себе *logis* в самой известной гостиннице „Лондон“ на углу Невского и Адмиралтейства. За комнату в нижнем этаже в два окна, с кроватью, четырьмя стульями, двумя столиками и зеркалом—с него взяли десять рублей в месяц. Всего в этой гостиннице сдавалось сто двадцать комнат, и все были заняты иностранцами⁹⁴). В „Лондоне“ сдавались целые отделения для людей большого кошелька; так, в 1797 году перед своим отъездом за границу там жил вельможа от искусства живописец Лампи со своей семьей; там останавливались и богатые купцы и промышленники, приезжавшие в Петербург на короткое время по торговым делам. Изящный экипаж, красивая английская карета с парой лошадей, — обошелся Беллерману в двенадцать рублей в неделю; парикмахер француз, приезжавший ежедневно пудрить и убирать его волосы, в шесть рублей в месяц⁹⁵). Обед без вина

стоил пятьдесят копеек, с вином в лучшем ресторане он обходился до рубля ⁹⁶⁾). „Порядочному человеку не полагалось обедать за общим столом; он должен был спрашивать обед в свою комнату и платить за это несколько дороже.

Приезжавшие морем попадали или в Кронштадт, или на Васильевский. Корабли бросали якорь у Биржи; с них никого не спускали до тех пор, пока не являлся полицейский чиновник и не проверял, нет ли на кораблях больных, и у всех ли есть паспорта из ближайшего заграничного города с объяснением причин, заставлявших иностранца ехать в Россию.

На всех без исключения приезжих Петербург производил сильное впечатление. Особенно приводила их в восторг Нева и ее набережные своей красотой и мощью. Ими не могла вдоволь налюбоваться М-те де Сталь во время ее пребывания в России в 1812 году. Она считала Петербург одним из самых красивых городов мира: „словно по мановению жезла, волшебник поднял из недр пустынь на поверхность земли все чудеса Европы и Азии ⁹⁷⁾). О том, что наша северная столица и ее окрестности импонировали иностранцам, можно судить хотя бы по большому числу художников,—которые зарисовывали ее виды: Лепренс, Гейсслер, Виже Лебрен, Патерсен, Аткинсон, Гирн, Мидер, Дамам Демартрэ, Гаммер, Траверсэ, Саландруз де ла Морнэ, Меттенлейтер и многие другие, позже, в Николаевскую пору, как Перро, Циглер и проч. По словам любителя живописи—пленного французского полковника Пюйбюска

ничто не может сравниться с великолепием русской северной столицы: там царствует единство замысла, величие и изящество архитектуры, равного которому нет нигде в Европе ⁽¹⁾). „Адмиралтейство, мосты, смело переброшенные через Неву, Мраморный дворец, решетка Летнего сада,— пишет Луиза Фюзиль,— так замечательны, что я не уставала ходить по этому великолепному городу, самому необычайному и самому прекрасному из всех, которые я видела в других странах“ (р. 148). Путешественники отмечали также своеобразие нравов и обычаев, но с другой стороны на каждом шагу они встречали французов, немцев, англичан, испанцев, португальцев, повсюду слышалась иностранная речь. Англичанину Свинтону начинало временами казаться, что он попал на какой то огромный международный маскарад ⁽²⁾).

Если приезжий ехал не по непосредственному приглашению русского двора, или не заручился пачкой рекомендательных писем, или не имел знакомых в городе, то устроиться ему бывало не легко. Личные заслуги художника не признавались, важно было кто его рекомендует. От трехсот до шестисот рублей в год жалованье ученому и художнику считалось в елизаветинское время значительной суммой, в то время, как плохой хирург, мозольный оператор зарабатывал до тысячи рублей, а мало культурный купец, ведущий комиссионерскую заграничную торговлю, мог тратить на жизнь четыре и пять тысяч в год (т. е. до тридцати пяти тысяч по довоенному курсу).

Кроме того от служивших в казенной да и в частной службе ученых и художников требовалось то, что петербургские немцы образно называли „Farbe halten“, т.-е. не краснеть от гнева и обиды, молчать когда бранят и унижают. В этом отношении очень характерен в начале пятидесятих годов XVIII в. случай с архитектором Джузеппе Трезини, зятем уже упоминавшегося Доменико. Джузеппе Трезини, довольно известный для своего времени архитектор, строивший в Царском и Пулкове, инициатор первого кирпичного и черепичного заводов на Неве, служил много лет на русской службе вплоть до 1755 года, когда с ним разыгрался следующий инцидент. Поводом к разрыву послужило нетактичное вмешательство верховной власти в его домашнюю жизнь. Елизавета, радевшая о чужой нравственности, закрыла увеселительное заведение знаменитой „Дрезденши“ и учредила особую комиссию при так называемом Калинкином доме, целью которой являлась борьба с проституцией, не только на улице, но и в домашнем быту; она строго преследовала и всякую незаконную внебрачную связь. На Трезини был подан донос, что он держит в доме, в отсутствие жены, любовницу. Донос подтвердился: в доме Трезини, действительно, жила прислугой молодая девушка, иностранка Шарлотта Харборг с сестрой и ребенком. Комиссия постановила арестовать девушку и поместить ее в Калинкин дом под надзор. В дом Трезини был послан полицейский наряд, но Трезини заявил, что он ее не выдаст и что Шарлотту Хар-

борг брать и сажать в Калинкин дом нельзя уже потому, что она кормит своего ребенка. Когда императрице доложили об отказе Трезини, она распорядилась посадить Харборг в тюрьму. При аресте Трезини оказал вооруженное сопротивление, за что также был арестован, но скоро освобожден, так как императрица в нем нуждалась. Было постановлено отправить Шарлотту в Нарву с сестрой и ребенком и оттуда на корабле за границу, но казна отпустила так мало денег, что места на корабле купить не удалось. Девица Харборг просидела в тюрьме в Нарве полтора года и лишь в ноябре 1752 года какой то шкипер взялся довести ее с ребенком в Любек за тридцать пять рублей. Но осенние бури погубили корабль: никто не спасся. Тогда комиссия прислала Трезини требование уплатить деньги за отправку погибшей Шарлотты. Это требование переполнило чашу терпения Трезини: он отказался от места и навсегда покинул Россию ⁽⁹⁾). Джузеппе Трезини мог с большим правом сказать ту фразу, которую, покидая Россию, начертал бриллиантом на оконном стекле Позье, ювелир и золотых дел мастер: „Après trente ans de larmes et de travaux, je vais chercher un lieu ou je puisse en repos prier l'Être Suprême d'y adoucir mes maux ⁽¹⁰⁾).

Несмотря на подобные выходки по отношению к иностранцам, в елизаветинское время, благодаря пребыванию в Петербурге постоянных послов, положение их несколько облегчается. По международному кодексу, защита иностранцев предоставлялась

их послам и консулам, но Россия имела с своей стороны территориальные права, право изгнания нежелательных ей людей со своей территории или ограничения времени пребывания на ней. Кроме того иностранцы не пользовались политическими правами. До принятия русского подданства, они не входили и в сословные организации (дворяне иностранные не причислялись к сословию русского потомственного дворянства и иностранное купечество к русским потомственным почетным гражданам). Но в отличие от большинства стран Западной Европы, в России иностранные ремесленники и художники беспрепятственно записывались в цех, а купцам предоставлялась широкая возможность выбирать промысловые свидетельства, патенты. Люди Запада щедро награждались у нас чинами и отличиями, хотя все же их запрещалось принимать на гражданскую службу, (запрещение это не касалось ученой и учебной части, горного и монетного ведомств).

Елизавета, как и Петр, необходимо отпускала иностранцев на родину, прибегая к задержке паспортов. На языке петербургских немцев это называлось: „Der Pass ist beschlagen“. Прежде чем начинать хлопоты о паспорте, всякий иностранец должен был троекратно публиковать в „Санкт-Петербургских Ведомостях“, что он намерен отъехать в свое отечество, и „ежели кто имеет на нем долги, тот пусть явится к означенному лицу по указанному адресу“. Газета выдавала удостоверение о сделанных публикациях. Потом шли хлопоты о выдаче паспорта из

Коллегии Иностранных Дел, Адмиралтейской Коллегии и Полиции. По 120-ой статье Городового Положения 1785 года иностранцам дозволялось со всем семейством и именем выезжать из пределов города, объявив предварительно о том городовому магистрату, (в ведении которого находились цехи), заплатив займодавцам долги, а городу трехгодичную городовую пошлину. Через неделю после этого иностранец мог оставить город, где жил, а через две недели и самые пределы России. Для широкого оповещения населения об отъезжающих, списки их расклеивались в каждом квартале на углах улиц; в виду же общей неграмотности управа благочиния рассылала по городу особых гонцов, прочитывавших фамилии отъезжающих на перекрестках улиц под барабанный бой; наконец, городская полиция рассылала о них по домам, под расписку домовладельцев, письменное извещение ^{100 а}).

Старая неприязнь к „немцам“ от времени до времени остро давала себя чувствовать и в елизаветинское время. Зависть к более умелым мастерам, создававшим для русских конкуренцию, приводила нередко к открытым столкновениям. В самом начале елизаветинского царствования, во время гулянья на Адмиралтейской площади, произошла свалка и драка русских с немцами, при чем первые, более многочисленные, одержали верх и обратили немцев в бегство. Правительство откликнулось на этот скандал полумерой: оно строго запретило иностранцам строить свои церкви на Невском и в дру-

гих центральных пунктах (это распоряжение держалось в силе вплоть до начала николаевской поры). Воспоминанием об этом правительственном требовании осталась лютеранская каменная церковь св. Анны на Фурштадтской, выстроенная в семидесятых годах XVIII века в тогдашнем предместьи (Vorstadt). Но эти мелкие притеснения иностранцев правительством играли роль кости, выброшенной в угоду национальному чувству русских. С другой же стороны, правительство помогало иностранцам материальными средствами и созданием тех же церквей на новых местах, помогало и в их украшении. Так в 1730 году на построение церкви Петра и Павла отпускается русской казной тысяча рублей, Анна Иоанновна жертвует на постройку шведской и финской кирки пятьсот, лютеранской деревянной церкви св. Анны тысячу рублей; в 1734 году она же покупает орган для церкви св. Петра ¹⁰¹). Издав в 1846 году указ о ломке деревянных зданий по Невскому, в частности тамошних кирок, Елизавета помогает денежно при возведении новых ¹⁰²). И позднее Екатерина жертвует три тысячи рублей на постройку немецкой школы при церкви св. Петра, Павел дает той же церкви для той же цели тысячу и кроме, того, дарует училищу особые привилегии. Александр жертвует на каменную церковь св. Екатерины, а Николай I распоряжается дать голландской церкви беспроцентную ссуду из Государственного Банка ¹⁰³).

Несмотря на вышеперечисленные, часто тяжкие, условия жизни в России, в елизаветинскую пору

работал здесь уже целый ряд крупных западных мастеров: братья Калау, первоклассный немецкий портретист Иоганн Георг Грот, Пьетро Ротари, Валериани, знаменитый Луи Токкэ, добросовестный академический мастер Элиас Гриммель. Валериани и Гриммель имели особо крупное влияние в России в смысле распространения художественной культуры Запада через своих русских учеников. Гриммель пытался привить интерес к искусству и широким слоям населения, приглашая всех, кто пожелает, безденежно учиться рисовать с гипсов и живой природы три раза в неделю по вечерам, в здании Академии Наук. Луи Токкэ провел в России два года, прибыв сюда с женой своей, рожденной Наттье, дочерью известного французского живописца. Петр I, как известно, склонял Наттье ехать в Россию, но художник не решился покинуть родину и ехать в полудикую страну с холодным климатом. Зять его рискнул на это путешествие, но больше двух лет жизни здесь выдержать не смог, несмотря на чрезвычайно щедрую оплату, предложенную ему Елизаветой. Он получил восемь тысяч рублей на путевые издержки и восемнадцать тысяч рублей за полтора года своего пребывания в России, при казенной квартире, с отоплением, освещением и полным содержанием ¹⁰¹⁾, жена его оставила записки, в которых, между прочим, вспоминает и о времени, проведенном в Петербурге.

IV

Учреждение в 1757 году „Академии трех значнейших художеств“ вызвало прилив в Россию новых художественных сил. Новая Академия имела крупное значение для принадлежавших к ней иностранцев-преподавателей в деле освобождения их от ига цеха. Живописцы, архитекторы, скульпторы, состоявшие при ней, как „ученые“ художники, не попадали ведению цеха. Отсюда стремление всех прибывших так или иначе связаться с Академией. Наличие степеней классного художника, „назначенного“, тем более звание „академика“, степеней, связанных с представлением зачетных работ, освобождало от цеха.

Елизавета и Шувалов, задавшись целью насадить в России художества, не скупилась на вознаграждение, чтобы привлечь лучшие силы: ле Лоррена, Луи Жозефа Мориса, скульптора Жилле, братьев Лагренэ. Екатерина развивала дело, начатое Елизаветой. Благодаря содействию Дидро, д'Аламбера, Гримма, Рейфенштейна, Сантини, русских послов Воронцова в Англии и в Париже Голицына, Россия наводнялась иностранными мастерами. Граверы

Шмидт, Радиг, живописцы Эриксен, Рослен, Лампи, Дуайэн и Торелли, архитектора Деламотт, Ринальди, Кваренги, Камерон, скульпторы Жилле и Фальконэ,— славнейшие художники, работали в России. Оплата труда иностранцев повышается, условия жизни и работы улучшаются.

Мне хочется напомнить о размере казенного жалованья в конце елизаветинского и в екатерининское время. Гравер Штенглин получал 400 р. в год при казенной квартире с отоплением и освещением, Валериани подписал контракт на 1.500 р. ¹⁰⁵⁾, но с обязательством платить от себя своему помощнику, гравер Радиг 800 р., скульптор Жилле 1.200 ¹⁰⁶⁾, живописец Лагрэнэ и архитектор Деламотт каждый по 1.500, живописец Торелли—1.500 ¹⁰⁷⁾, гравер Шоффар соглашался ехать в Россию за две тысячи пятьсот рублей в год при готовой квартире, отоплении, освещении и при экипаже для всей семьи, но на такую чрезмерную затрату Екатерина не пошла, как ни хотелось ей заполучить этого известного гравера ¹⁰⁸⁾. Жан Жак Лагрэнэ записывает в своей записной книжке, хранящейся и поныне в библиотеке Академии Художеств, что он заработал за первый год своего пребывания в Петербурге—7.347 рублей, куда входит: полученное жалование и то, что ему полагалось на отопление, освещение и содержание кучера, а за пятнадцать месяцев всего он заработал 9.000 р. Там же Лагрэнэ записывает и суммы, полученные за свои картины с двора и частных лиц: за портрет И. И. Шувалова он полу-

чает двести рублей, за портрет маркиза Лопиталья сто рублей, m-me Сакко сто пятьдесят рублей, за портрет графини Шуваловой двести, девицы Шереметевой четыреста, за портрет в рост графа Шувалова шестьсот, за „Танкреда и Флоринду“ шестьсот, за портрет m-r Андреэ сто пятьдесят, за аллегорическое изображение Елизаветы—покровительницы искусств, тысячу рублей, за большой эскиз плафона для галереи Большого Дворца двести рублей, наконец, за рисунок для графа Строганова сто. Скульптор Фальконэ оставляет Россию, получив за свои работы для двора в течение двенадцати лет 92.261 рубль, три его подмастерья 27.284, а русский пушечный мастер Хайлов, отливавший статую „Медного Всадника“, и, как известно, с опасностью для жизни спасший ее при отливке, когда лопнула форма, получил только 2.500 рублей ¹⁰⁹⁾. В более позднее время Камерону, в начале его деятельности, положено жалованья по 1.800 р. в год, позже, с 1783 по 2.500 ¹¹⁰⁾; архитектору Тромбара — 2.400, вперед по третям, и 600 руб. на квартиру и отопление ¹¹¹⁾. Между прочим, в его контракте значится пункт, по которому, если по окончании срока он захочет уехать на родину, то имеет получить 250 дукатов на путевые расходы.

Среди заезжих художников некоторых можно с полным правом, не только по состоянию, но и по связям, назвать „вельможами от искусства“. К ним следует отнести Лепренса, близкого к послу Лопи-

талю, который представил его Елизавете, Габриэля Виоллье, секретаря личной канцелярии Марии Федоровны, человека, близкого малому гатчинскому двору, любимого художника Павла и его жены. Когда граф и графиня Северные отправлялись в свое путешествие по Западной Европе, их сопровождал Габриэль Виоллье; в этот же разряд художников надо отнести архитекторов Бренна, Камерона, любимого строителя Марии Феодоровны, Сальватора Тончи, попавшего в высший сословный круг, благодаря женитьбе на княжне Гагариной, братьев Кюгельхен, обласканных Павлом и женившихся на двух родных сестрах, баронессах Цеге фон Мантейфель, Томона, придворного архитектора графа д'Артуа, пышного Лампи и изысканного Стрели. Последнему платили по тридцати червонцев за миниатюрный портрет; правда, дамы вознаграждали художника не за один труд его, но и за красивую внешность. Стрели обставил свое путешествие в Москву на коронацию Павла необыкновенной пышностью; правда ни одного художника Павел не оплачивал так высоко, как его, но когда Стрели запросил за „Гебу с орлом“ десять тысяч, то даже щедрый к нему Павел отступил перед подобной оплатой ¹¹²). Многие из художников этого рода прибывают в Петербург с целым штатом, подобно графу Ротари; другие с парикмахером и слугой. Фальконэ, ехавший из Парижа вместе с актером Дмитревским, везет за собой имущество свое и своих трех помощников на семнадцати подводах ¹¹³). Эти вельможи легко превращаются в Рос-

сии в статских и действительных статских советников. „Штукатур и квадраторный мастер“ Джованни Росси становится под конец жизни, в 1769 г., русским статским советником, архитектор Винченцо Бренна—действительным статским, живописец Франц Лабенский—российской службы поручиком, силуетчик и гравер Антинг — флигель-адъютантом Суворова, строитель Герард—генерал-квартирмейстером, строитель мостов Треттер — инженер-полковником. Позже, Николай I широко раздавал художникам чины, ордена и даже возводил в дворянство. Скульптор Вихман получил от него орден Анны третьей степени, Орас Вернэ — Александра Невского с бриллиантами, Франц Крюгер и тот же Вернэ—русское потомственное дворянство.

И сколько пышности, сосредоточенной важности, сознания собственного достоинства, даже надменности в их портретах и автопортретах, которые они заботливо сохранили для потомства. С холста смотрит на нас породистое, с орлиным носом и живыми, страстными глазами лицо графа де Ротари, в щегольском кафтане, драгоценном кружевном жабо и камзоле цветистого шелка; на груди осыпанный бриллиантами портрет императрицы Елизаветы, — знак особой „монаршей милости“. С другого холста кисти того же Ротари усталыми, красивыми глазами всласть пожившего человека, смотрит на нас знаменитый Бартоломео де Растрелли, важный и надменный сановник. Архитектор Штегельман (кисти Бухгольца) с немолодым, умным, хитрым лицом, одет

по последней моде. Его стройный стан ловко стянут пестрым, дорогим кафтаном и камзолом, тонкие, холеные, вычурные пальцы в кружевных манжетах манерно держат план построенного им здания. Образ этот дышит непреклонной волей и упорством в достижении намеченной цели. Вот преуспевший придворный, щеголь и „прелестник“, в пышном кафтане лионского бархата, пудренном широком парике, с самодовольным лицом, в небрежной и изящной позе, сидит в кресле Габриель Виоллье (кисти Монье), любимец Гатчинского двора; вот, „взысканный милостью“ кавалер архитектор Винченцо Бренна на миниатюре Ритта. Жан Монье в дорогом бархатном халате, атласном камзоле, с тщательно убранными по моде волосами, раскинувшись на стуле, пишет в мастерской портрет двух своих дочерей—изящных девиц, одетых в шелковые нарядные платья. Но не все художники-иностранцы в России были „вельможами от искусства“, не все старались замолчать на портретах свое скромное происхождение и свою профессию. И талантливые итальянские зодчие Ринальди и Кваренги, и скульпторы Фальконэ, Шварц и Жилле, и живописец де Вейлли—все они выглядят скромными профессионалами. Они не избегают, как это делают Ротари, Растрелли, Виоллье, эмблем своего искусства: циркуля, молота и палитры, наоборот, они особенно любят изображать их на своих портретах и гордятся ими.

Многие художники, не проникшие благодаря связям в высшие сословные круги, не нашедшие

заработка, занимались комиссионерством. Некоторые, впервые являясь в Россию, уже привозили с собой картины, статуи и гравюры и торговали ими. Уже в петровское время мы находим в Петербурге первых торговцев-антикваров. Два голландца, Лимбурс и Бетлинг, просили в 1724 г. об уплате за статуи для Петергофа, привезенные ими из Амстердама ¹¹¹); Георг Ксель выбирает для царя картины и, кажется, также занимается торговлей произведениями искусства. В аннинское и елизаветинское время продает картины в Петербурге некий Тамеш, аукционист, повидимому, одно и то же лицо с гравером петровского времени ¹¹⁵). Среди довольно многочисленных антикваров второй половины восемнадцатого века можно назвать Фандцельта и Брумера, впервые приехавших в Петербург с картинами в 1746 году ¹¹⁶), Перезинотти, продававшего в 1768 г. между прочими картинами „Мадонну“ Рафаэля ¹¹⁷), скульптора Гофферта ¹¹⁸), миниатюриста Водо, публиковавшего о тридцати картинах: Берхгейма, Кейпа, Жерара Доу, Стина, Караччи ¹¹⁹); живописец Либер продавал в 1798 году портрет брата Карла V—Фердинанда—кисти Гольбейна, и „Диогена“ кисти Рубенса. Наконец, Герлах предлагал в 1804 году двести оригинальных картин известных старых мастеров ¹²⁰). Торговал художественными произведениями и брат архитектора Бренна, и Лионелли, и скульпторы Леончини и Баньолези. В Москве были свои антиквары: Милиоти ¹²¹), скульпторы Пеллегрини ¹²²), Бузини ¹²³), де Педри ¹²⁴), живописец-

реставратор Тиорес и мраморщики Кампиони ¹²⁵), а позднее, в начале девятнадцатого века, Доменико Скотти ¹²⁶). Аукционы художественных произведений часто происходили в Москве, в Воспитательном доме, а в Петербурге на Бирже. Цены на картины стояли очень высокие. Понятие об них может дать публикация некоего доктора Пургольда, торговавшего то в Петербурге, то в Москве. В 1790 году он продает восемь картин фламандской школы. За Роттенгаммеровскую Мадонну с Христом и св. Иоанном, „в рощице деревьев, находящихся в полном цвету, где представлены птички, сидящие на древесных ветвях и порхающие, и ангелы, приносящие свое поклонение“ (пейзаж писан Брейгелем Бархатным), Пургольд просит две тысячи шестьсот рублей, за вид в окрестностях Гааги „с зимними забавами“ Сюкарда—тысячу пятьсот, за пейзаж с коровами и двумя фигурами Поттера—тысячу двести, за плоды и цветы ван Оса—восемьсот рублей, за картину кисти И. Пальхе—восемьсот. Сюжет этой последней картины описан между прочим очень подробно и комично. Картина по словам Пургольда, „представляет действие света на одного любовника, который пьет рюмку вина со своей любовницей в одном увеселительном доме в Голландии, при чем одна старуха примечает за ними из за плеча; вдали служанка моет белье при свете от лампы, отбрасываемом на кофейник, выше ее видно также действие огня, который также кажется гаснущим“; марина с кораблями и фигурами кисти Ван де Вельде расценивается в четыреста рублей ¹²⁷).

За оригинальные работы художники брали от пятнадцати до ста пятидесяти рублей за миниатюрный портрет, от пятидесяти до двухсот пятидесяти за портрет с маслом, в зависимости от размера и обилия деталей. За пейзажи, виды Петербурга маслом Патерсен брал в 1787 г. по семьсот пятьдесят рублей ¹²⁸).

В Александровскую пору, в десятых и начале двадцатых годов, входят в моду аукционы, устраиваемые самими художниками из своих работ. Известны аукционы картин французских живописцев Митуара, Сейпеля, Мари Гомион (все в 1818 г.) ¹²⁹), скульптора Кретена в 1816 и в 1817 г.г. ¹³⁰). Уже за несколько лет до того, живописец Квадаль устраивал распродажу своих картин с выставки, помещавшейся на Невском, в так называемой „Tente pittoresque“ ¹³¹).

Те, кто не мог или не хотел заняться антикварной торговлей, совмещали часто с искусством занятия очень далекие от него. Живописец Христишек давал деньги в рост и в течение своей тридцатилетней жизни в России покупал и перепродавал дома; деньги в рост давали и Ротари ¹³²), и итальянский художник Чиппола ¹³³), и француз учитель рисования Паризо. Скульптор Петр Кампиони продавал бюсты из мрамора, а также канареек и попугаев ¹³⁴), итальянский скульптор де Педри у Красных Ворот в Москве продавал статуи, вазы, бюсты, у него же имелись греческие губки и лучших сортов помада ¹³⁵), Михаэль Кариус в 1768 г. делал разные портреты

из обыкновенного белого камня, не уступающего мрамору, зубной порошок, который чистит в два, три дня самые черные зубы, масло, выводящее пятна из шерстяной материи, сургуч красный и черный.

Другие художники, более щепетильные по отношению к себе и своему искусству и не находившие заработка, или легкомысленно жившие сверх средств, нередко объявлялись несостоятельными должниками. Английский портретист Ричард Бромптон, работавший при дворе Екатерины, умер, оставив больше долгов, чем имущества, и вдова его приглашала кредиторов мужа для совещания, как устроить дела ¹³⁶). Преподаватель орнаментальной скульптуры Роллан „за долги из своего дому взят и в погребу содержится“ ¹³⁷). Имущество известного гравера Уокера продавалось с аукциона ¹³⁸); живописец Иоганн Рингель объявляется в 1807 г. несостоятельным должником ¹³⁹). Некоторые художники, впав в нужду, прибегают к общественной благотворительности, просят пособия из касс помощи бедным; так, граверу Плешу выдается пособие по десяти рублей в месяц; вдове известного в свое время скульптора Вандандрикса также выдается денежная помощь ¹⁴⁰). И все же некоторые из них умирают в большой бедности: Патерсен, чеканщик Ажи, немецкий живописец Густав Диттенбергер и др.

Не мало иностранцев-художников поступало в учителя рисования в семье придворных и сельского дворянства. Уже в елизаветинскую эпоху вошло

в моду брать в дом учителей рисования, обучавших одновременно барских детей и крепостных; Людерс значитя живописцем в семье Чернышевых, Калау у Строгановых, позднее Кюгельхен у Цеге фон Мантейфель, Фогель у Левенштерна и Гагариных, Паризо у Салтыкова, Мятлевой, князя Черкасского, де Веллы давал уроки рисования в разных семьях, между прочим, у Уваровых; Лампи обучал не только барских детей, но брал в обучение и крепостных (так, русский миниатюрный живописец Иван Иванович Малышев состоял учеником Лампи, а до него обучался у заезжего итальянца Тальявини) ^{1:1}).

Из бумаг Паризо, разобранных и обработанных во Франции Дени Рошем ^{1:2}), мы черпаем сведения об его путешествии в Россию и его пребывании здесь. Разоренный революцией, собрав последние тысячу шестьсот ливров, Паризо пустился в путь, запасшись одеялом, матрацем и паспортом, где он был обозначен купцом, хотя весь его товар заключался в маленьком запасе табака для собственного употребления.

Путешествие от Парижа до Петербурга стоило около четырехста ливров, а остальные восемьсот ливров оставались на дорогу до Москвы и необходимые расходы на жизнь. Прибыв сюда, Паризо не поступил на то место, на которое был вызван, „так как, по его словам, там пришлось бы совершенно забросить искусство, быть рабом с утра до вечера и терпеть тысячи неприятностей“. Он поступил к Б. М. Салтыкову, вольтерьянцу и широко

образованному человеку на жалованье в шесть тысяч ливров; позже, в 1798 г., заработок его повысился до двенадцати тысяч ливров. Он много рисовал, но главное занимался „тяжким ремеслом преподавателя“. Приходилось к тому же выдерживать немалую конкуренцию со множеством немецких учителей рисования. „Давид, славный Давид“, пишет Паризо во Францию, „умер бы здесь с голода со своими шедеврами“ (Паризо имеет его здесь в виду, как исторического живописца, не как портретиста). „В ходу только портрет да модные картинки“, над которыми, кстати сказать, и работал наш художник. Жизнь Паризо в Москве, судя по его письмам, была трудовая и тяжелая, и он часто с горечью сравнивает свой жалкий заработок с заработком учителей танцев, получающих по тридцать—сорок тысяч ливров в год. Женившись на скромной гувернантке-француженке, он продолжал вместе с ней служить в доме Мятлевых на Пятницкой, потом у Межениновой; кончил художник свои дни в доме князя Черкасского; камергер Мосолов, детям которого давал уроки Паризо, и старая барыня Мятлева были восприемниками сына художника „Пашеньки“. Живя в Москве, Паризо с большим интересом приглядывался к русскому быту, и изображал на своих картинах те сельские праздники, которые устраивали окрестные помещики, привлекая крестьян для пения и плясок. Проводя лето в Черкесове, верстах в семидесяти от Москвы, он часто отправлялся в близлежащую Коломну, чтобы зарисовывать ее укрепления,

очень ему нравившиеся. Художник искренне сожалел, когда в 1819 году на его глазах они были снесены.

Несчастливая судьба преследовала Паризо: заработанные четыре тысячи рублей он отдал в ссуду по 10% и через восемь лет вернул только девятьсот двадцать пять рублей. Характерно, что сумма была у него занята представителем богатого русского барства. А Паризо мечтал, как большинство иностранцев в России, накопить денег и уехать на родину, в любимое Дофинэ, но понижение курса рубля снова и снова разоряло его. Наконец, он решил вложить свои остатки в дом, который приобрел на Сретенке на Мал. Головинской улице, за пятнадцать тысяч рублей, но в 1812 году дом сгорел, и Паризо был рад, что удалось спасти свои работы и получить за обгорелые остатки дома тысячу рублей. Как иностранец, он не имел права даже на то пособие, которое выдавалось русским правительством московским погорельцам.

С годами заработок художника становился все меньше; он выходил из моды и печально превращался постепенно в типичного „учителя“. В доме кн. Черкасского он занимал должность воспитателя его детей, с которыми обязан был заниматься всеми предметами, на старости лет мучительно припоминая то давно забытое, чему учился юношей в школе. Супруги Паризо зарабатывали теперь вместе четыре тысячи рублей ассигнациями в год, сумму, повидимому очень малую, потому что они не были в состоянии держать при себе своего единствен-

ного сына Пашеньку, и принуждены были отдать его в инженерное училище на казенную вакансию; эту вакансию исколотали им „благодетели“. „Наше единственное спасение— в молчании и покорности“, так печально писал Паризо незадолго до смерти. Когда художника постиг апоплексический удар, его патрон кн. Черкасский вызвал к нему лучших докторов, но ничто не помогло, художник умер. Жена Паризо была оставлена на службе в семье Черкасских на половинном жалованьи, и считала это настоящей милостью для себя.

Обычно положение иностранца-художника в дворянских семьях того времени было ложным и тяжелым: он занимал среднее положение между слугой и шутком, подвергаясь насмешкам и оскорблениям. Да и то сказать, правда, не всегда они оказывались на высоте положения, далеко не всегда бывали обременены знаниями, соответственными их профессии. Уверения современной сатиры, что французские учителя нередко бывали вчерашними поварами и конюхами, несомненно, не лишены правды. Во время поездки, в 1782 году, молодого Бобринского, сына Екатерины II, по России вместе с академиком Озерецковским, путешественники проезжали через село Россоши, на реке Иловле, населенное французскими колонистами. Они нашли село полупустым. „Из сорока домов“, пишет Озерецковский, Бецкому, „только в семнадцати жители остались; прочие же стоят пусты, и хозяева их рассыпались по неизвестным местам, искать неизвестного счастья“.

„Большая часть сего селения“, подтверждает с своей стороны Бобринский, „разошлась для занятия в домах учительских мест и прочих должностей“. Французский путешественник Форсиа де Пиль, путешествовавший по России в 1790 и 1792 годах, пишет об учителях в России: „Почти все они французы, которые предпочитают четыреста, пятьсот рублей в год жалованья при готовом столе и квартире, должности тамбур-мажоров почтальонов и лакеев на своей родине“ (стр. 86). Но, конечно, не всегда иностранцы-учителя в России вообще, и учителя рисования в частности, были подобного происхождения и не всегда они подвергались унижениям в русских семьях. Бывали, наоборот, случаи, когда художники вспоминали с благодарностью и удовольствием о днях, проведенных в домах бар, как было с Фогелем по отношению к семье Левенштерн; ум, прелесть и доброта баронессы, умевшей привлекать к себе сердца, привлекли и Фогеля. Мягким, благожелательным было отношение семьи Бутурлиных к Молинару и Эггинку, семьи Всеволожских к Дезарно, семьи Чернышевых к Маньяни. По этому поводу вспоминается и Кваренги, свой человек в семье Шереметевых, большой друг графини Параши, искренно грустивший о ее безвременной кончине.

Не мало художников находят в высшем придворном круге своих покровителей и защитников. А. Б. Куракин и семья Голицыных ходатайствуют перед Екатериной за попавшего у нее в опалу архи-

тектора Тромбара ¹¹³), тот же Куракин покровительствует живущему у него в доме декоративному живописцу Антонио Бруни и его малолетнему сыну Фиделио, Н. Б. Юсупов, московский меценат устраивает судьбу сыновей своего домашнего живописца Винченцо Бова (Бовэ),—будущих известных московских архитекторов; де Мейс, французский миниатюрист и гравер, дружит с Н. П. Шереметевым, А. М. Нероновым и семьей Масальских; Монье близок к президенту Академии А. С. Строганову. После смерти скульптора Шварца и его жены, лично знавшая его графиня Екатерина Головкина хлопочет перед министром юстиции Лопухиным о пересмотре решения суда по делу о его наследстве. Она просит устроить дело в пользу родственников скульптора, доктора Шибель и его жены; довод, который она приводит, звучит крайне неубедительно: „он очень хороший доктор и человек“, пишет она, „и лечит бедных даром, и если жена его получит капитал, он сможет еще шире развернуть свою благотворительность“ ¹⁴¹).

Многие учителя рисования, не живя постоянно в дворянских семьях, ездят давать уроки в дома „по билетам“. Среди них следует упомянуть Ла Пикодьера, жившего в Петербурге в 1772 г., де Лаваля там же в 1775 г. ¹⁴⁵), де Вейли в течение всего времени своего пребывания в России. В Москве были более известны де ла Барт, Делаперш, Ксавье де Местр, Гранжере ¹⁴⁶), Авраам Вилль ¹⁴⁷), Зоммер ¹⁴⁸).

Большинство иностранцев туго осваивалось с обычаями чуждой им страны, плохо понимало язык,

несмотря на ряд лет, прожитых здесь. Тончи, женившийся на русской и в общем обрусевший, после нескольких лет пребывания в России, не знал русского языка. Чарльз Камерон, проживший в Петербурге в общей сложности около тридцати трех лет, на восьмом году своей жизни здесь не умел говорить по-русски и объяснялся через переводчика, которого оплачивала казна.

Местные иностранцы, богатые купцы и банкиры поддерживали художников своими заказами. Людден, Преннер, Токкэ, де ла Пьер, Карафф, Фогель, Фреми, исполняют портреты членов иностранной колонии. Датский живописец Эриксен пользуется поддержкой своего посла Эккерта и живет в его доме; Токкэ—поддержкой французского посла Шетарди, Томон—графа д'Артуа, Благодаря содействию лейб-медика Екатерины II, англичанина Криштона. живописец Вильям Аллан получает доступ в высший свет. Ксендзы и особенно пасторы заботились о своих единоверцах, доставляли работу, выдавали в случае нужды единовременные пособия. Особенной популярностью прихожан пользовались Бюшинг и Рейнбот в Петербурге и Христиан Геринг в Москве. Пастор Грот учредил в 1775 году первую „смертную кассу“ (т.е. кассу взаимного страхования жизни) при церкви св. Екатерины на Васильевском острове; в 1792 году открылась вторая „смертная касса“. Члены при вступлении вносили одиннадцать рублей и два рубля при смерти каждого члена. Наследники получали в случае смерти застрахован-

ного родственника тысячу рублей, так как членов было пятьсот ¹⁴⁹). Многие художники неимущие и обремененные большой семьей, не только сами охотно вступали в члены, но записывали и своих жен, чтобы оставить детям некоторое обеспечение. Церкви и благотворительные общества заботились о бедных, сиротах и престарелых.

Петербургские иностранцы-художники держались в общем одной тесной семьей. Ротари дружил с Ринальди и с Растрелли, Иоганн Грот с Штенглином, Монье с Виоллье, Гонзаго с Каноппи, Тончи с Монти; известен тройственный союз Тромбара, Кваренги и Кунингама. Художница Виже Лебрен отмечает, что все петербургские иностранцы деятельно помогают друг другу, только среди французов идут нелады ¹⁵⁰), и, действительно, еще лет за сорок до нее высокомерный и замкнутый Лагрэнэ держался далеко от своего круга, и лишь изредка собирал гостей-соотечественников. Целая группа их запечатлена на его рисунке, где портрет хозяина набросан миниатюристом Сампсуа. Нередки браки между семьями иностранцев-художников. Дочь Игнатия Росси выходит замуж за Франческо Лукини, кажется отца архитектора, Людовико Русска женится на дочери скульптора Жана Батиста Бодэ-Шарлемань ¹⁵¹), живописец Винченцо Бова на дочери зверописца Фридриха Кнаппе ¹⁵²). Они выступают в ролях свидетелей на свадьбах друг у друга, как например, лепной мастер Витали (отец скульптора) и скульптор Нуцци у миниатюриста Пьетро де Росси в его первом браке,

а граверы Ориоли и Вендрамини у него же во втором ¹⁵³), как Винченцо Бренна присутствует на свадьбе Алоизия Русска, Тома де Томон на свадьбе Доминико Скотти ¹⁵⁴). Они крестят друг у друга детей, исполняют обязанности душеприкащиков и опекунов малолетних сирот.

Увлекательный рассказ Луизы Фюзиль живо переносит нас в обстановку вечеринки у иностранцев в Москве перед войной 1812 года. В двух комнатах церковного особняка собирались у Фюзиль пианист Фильд, скрипач Лафон, арфист Адамс, композитор Антолини, гравер Вендрамини с женой, живописец Тончи. Вокруг маленького круглого стола тесно усаживались дамы и мужчины. Подавался скромный ужин с дешевым вином и четыре ножа, только имевшиеся у хозяйки, поочереды обслуживали всех гостей. Веселье царило самое непринужденное. Ленивый Фильд, не чванясь, исполнял свои импровизации, хозяйка пела. Певец Дюкрэ бросал недоеденное крылышко цыпленка и шел за клавикорды; Тончи, седовласый красавец с орлиным взглядом, импровизировал остроумные новеллы в духе Боккаччи или пел прекрасным голосом свои арии, аккомпанируя себе на гитаре, или, наконец, рисовал в альбом хозяйки чорта с злосчастным Кваренги на спине или сердце хозяйки, в отношении любви разделенное на клеточки. Быстро мелькали веселые часы ^{154a}).

Средством более тесного единения иностранцев служат в XVIII и первой четверти XIX века—клубы. Они возникают в Петербурге с семидесятых годов

века. В 1770 году был основан английским банкиром Гарнером первый английский клуб, самый степенный и дорогой, где членский годовой билет стоил сорок рублей. Помещался он первоначально на Галерной улице, в самом центре английского поселения, впоследствии на Мойке, у Синего Моста. Самым известным немецким клубом считался Шустерклуб. Здесь бывали чиновники, офицеры, художники, иностранные купцы, более состоятельные ремесленники. Клуб преследовал и благотворительные цели: давал пенсию ста пятидесяти престарелым и немущим и воспитывал нескольких бедных сирот. В 1788 году чрезвычайной популярностью пользовался танц-клуб, основанный гробовым мастером Уленгуглем, так называемый „кофточный клуб“. Его членами могли быть все, за исключением чиновников: купцы, мещане. К мещанам причислялись и свободные художники, переименованные позже в „именитых граждан“. Находился этот танц-клуб у Полицейского моста, где потом, в наши дни, помещалось Благородное Собрание ¹⁵⁵).

Ранней весной, с началом навигации и прибытием первых кораблей, петербургские иностранцы устраивали излюбленные свои гулянья у Биржи. Биржевая набережная и близлежащие лавки превращались в апельсинные и лимонные рощи в цвету. К кораблям спешили ожидавшие родственников, знакомых. Сюда же направлялись все, кто искал нанять себе учителей, домашних художников, садовников, гувернанток. Голландский рыбак на маленьком ботике

с помощником юнгой и большой ньюфаундленской собакой вскрывал любителям свежие устрицы и откупоривал вино.

Любимыми местами прогулок петербургских иностранцев служили Летний Сад, Итальянский, сад барона Ванжура на Мойке, Вольфов на Петербургской стороне, и Екатерингоф; по вечерам в теплые летние дни и прекрасные белые ночи молодежь каталась на лодках по Неве и на взморье. Любитель живописец Свинтон¹⁵⁶) очень картинно описывает свое летнее пребывание под Петербургом и свои летние развлечения в начале девяностых годов. Он отдыхал на даче между Петербургом и Стрельной, где то под Сергиевым монастырем. Он много ходил гулять по окрестностям, ловил рыбу и готовил себе из нее обед, покупал у девушек-поселянок ягоды, слушал их заунывные песни, которые ему очень нравились. По вечерам, когда смолкал монастырский колокольный звон, в кустах около воды щелкали соловьи; но они замолкали тотчас же, как только на дороге показывался пьяный и шумный „готтентот-русский простолюдин“, с досадой замечает Свинтон. Если ему хотелось общества, он шел на ближайший постоялый двор, где всегда можно было встретить соотечественника, выпить стакан вина и поиграть на бильярде. Там художник встречал нередко играющими английского посла Витфорда и его секретаря Фрэзера, жившего неподалеку в летнем дворце графа Салтыкова. Или он, как и немецкий учитель Беллерман, отправлялся гулять в роскошные сады

и парки обоих Нарышкиных „Левенталь“ и „Ба! ба!“, расположенные по Петергофской дороге. Всякий „порядочно одетый человек“ мог проводить в них целые дни, „пользуясь даровым угощением и увеселением, и наслаждаясь всеми чудесами этого земного рая“. На воротах сада красовалась красно-речивая надпись:

„A tout venant salut, prospérité,
Puissance puissante et pleine liberté“¹⁵⁷).

Некоторые вельможи, Л. А. Нарышкин, А. С. Строганов, Н. Б. Юсупов, А. Н. Оленин, Н. А. Львов широко открывали двери своих петербургских домов иностранным художникам и актерам. Славный немецкий скульптор Шадов, за двухнедельное свое пребывание в городе успевший осмотреть собрания картин Строганова, Безбородко, Академии Художеств, с восторгом отзывается в своих письмах к жене об обширности и изысканности коллекций, об пышности и необычайной красоте северной столицы и летних резиденций—Царского, Павловска и Петергофа. Тот же Шадов сетует, однако, что здесь никто не ходит, все имеют собственный экипаж, и что ему пришлось издержаться на наем кареты, в виду дальности расстояний. Но он же рассыпается в похвалах русскому гостеприимству, рассказывает, между прочим, о том, что он почти никогда не обедает в гостинице, что каждый день он зван к кому нибудь на обед и на ужин¹⁵⁸). С восторгом отзывается он и о радушных домах Ква-

ренги и Тромбара, особенно последнего, веселая и красивая жена которого, танцовщица-венка, привлекала к себе взоры и сердца многочисленных гостей.

Наконец, для всякого, кто жаждал любовных утех, были к услугам „die Winkelkarellen der Venus“, как образно называет вертепы немецкий путешественник Беллерман. Один из главных таких „пансионов“, очень популярных в Петербурге, стоял на берегу Невы; там „в первом этаже — русские, во втором французенки, в третьем немки — славили богиню Венеру на своих родных языках“.

Не всех иностранцев, разумеется, но многих из них можно упрекнуть за распушенный образ жизни, лень и пьянство. Иоганна Габриэля Миллера — живописца из Штеттина, неоднократно в течение его девятилетнего пребывания в России, поднимали на улице мертвецки-пьяного; преподаватели Академии Наук, живописцы, не раз, в пьяном виде, затевали ссоры и драки; известный гравер Вортман в 1731 г. нанес во хмелю побои некоему дворянину Несмеянову¹⁵⁹); за невоздержный образ жизни Вортман трижды был отрешаем от должности в Академии Наук: в 1731, 1742 и 1744 годах и два раза принимаем на службу: в 1735 и 1742; столяр и резчик по дереву при Академии Художеств Бернгард Бакофен „отлучается от службы, ибо находится в пьянстве“; скульптор Шварц при той же Академии колотит своего ученика Карла Лебрехта¹⁶⁰), за что получает выговор.

Бронзовых дел мастер, Иоганн Зандберг, отличался „развратным поведением“, жена скульптора

В. Субана требует судом развода с ним за то, что он пропадает все ночи напролет, кутит и играет в карты в азартные игры; живописец Иоганн Ромбауер, соблазнив девушку-польку, бросает ее на произвол судьбы с ребенком, не думая хотя бы обеспечить ее и ребенка, пока дело не доходит до властей; английский живописец Ботлер занимается изготовлением фальшивых ассигнаций, и т. д., и т. д.

Если выше мы видели, что черты чужеземного национального уклада живо сохранялись в русской обстановке, то все же жизнь брала свое и следы обрусения проступают явственно. Художники-иностранцы нередко принимают русское подданство, видоизменяют свои фамилии, теряют свои имена и приобретают русские, обросшие отчествами; Андреа Трезини превращается в Андрея Ивановича Дрезина, Франческо Кампорези в Франца Ивановича Кампорезиева, Сальватор Тончи в Николая Ивановича Тончи, Брюлло в Брюллова, Лукини в Лукина. К таким обрусевшим на русской почве семьям надо отнести семью Джузеппе Валериани, сын которого Иван, женатый на русской, Аграфене Абрамовой, состоял премьер-майором русской службы¹⁶¹), семью Христинека, два сына которого служили в русской службе: один в военном, другой в гражданском ведомствах¹⁶²); де Вейлли, три дочери которого родились в России, воспитывались в Мещанском отделении Смольного, прожили здесь всю жизнь и умерли здесь¹⁶³); многочисленных членов семей скульпторов: Ламони, Кампиони, Бодэ-Шарлемань, Брюлло, Рус-

ска; живописцев: Скотти, Бова, Вода, Рокштуль, Аттанберже, Дезарно, и скольких еще десятков художников. Нередки браки иностранных мастеров на русских: Габриэль Виоллье женится на Салиной, де Ривьер на Головиной, Кер Портер на княжне Щербатовой, Тончи на княжне Гагариной, Ксавье де Местр на Загряжской, литограф Фердинанд Рихтер на Ю. П. Лебединковой, и т. д., и т. д. Те, что оставались в России, иногда доживали здесь до глубокой старости, другие умирали рано от тяжелых условий петербургского климата, от косивших их ряды чахотки, воспаления легких, тифа и дизинтерии. Вечное упокоение они находили в петровское и аннинское время у церкви Вознесения на Вознесенском проспекте и у Самсония, что на Выборгской стороне, позднее на Волковом и Смоленском кладбищах. Сколько славных имен скрыли под собой петербургские могилы: Шлютера, Каравакка, Валериани, Грота, Растрелли, Дуайэна, Монье, Квадаля, Тома де Томона, Камерона, Росси и еще много, других, менее известных.

Роковую роль в судьбе иностранцев в России, особенно французов, сыграла французская революция. Когда то, в 1763 году, манифестом от 22 июля, Екатерина звала иностранцев в Россию, обещая им земли, всякие льготы и прежде всего полную свободу вероисповедания.

Теперь опасения за распространение революционных идей в России заставили ее прибегнуть к крайним мерам—разрыву дипломатических сноше-

ний с Францией и высылке французских граждан из пределов России. Высылке предшествовал опубликованный 15 февраля 1793 года указ, составленный в выражениях резких и обидных для национального чувства французов¹⁶¹). Приведу его с купюрами, в виду обширности всего текста. „Замешательства во Франции от 1789 года происшедшие“, пишет Екатерина, „не могли не возбудить внимания в каждом благоустроенном государстве. Доколе еще оставалась надежда, что время и обстоятельства послужат к образумлению заблуждавшихся и что порядок и сила законной власти восстановлены будут, терпели мы свободное пребывание французов в Империи нашей и всякое с ними сношение. Видя после буйство и дух возмутительный противу государя их далее и далее возрастающий с неистовыми намерениями, правила безбожия, неповиновения верховной государственной власти, и отчуждения всякого доброго нравоучения не токмо у себя утверждать, но и заразу оных распространять во вселенную, прервали мы политическое сношение с Францией, отозвав министра нашего с его свитой и выслав из столицы поверенного в делах французских“. Согласно этого манифеста высылались все французы обоого пола—купцы, мещане, художники, ремесленники. 7-ой пункт делал исключение для тех французов, которые, собравшись в Управах Благочиния в присутствии градского начальства и священника, принесут клятву отречения от революционной родины и подпишут текст присяги. Текст же присяги гласил следующее:

„Я нижепоименованный сею клятвою моею перед богом, св. его евангелием приносимою, объявляю, что быв не причастен ни делом, ни мыслью правилам безбожным и возмутительным во Франции, ныне введенным и исповедуемым, признаю настоящее правление тамошнее незаконным и похищенным, умерщвление короля христианнейшего Людовика XVI почитаю сущим злодейством и изменою законному государю, ощущая все то омерзение к произведшим оное, каковое они от всякого благомыслящего праведника заслуживают, в совести моей нахожу себя убежденным в том, чтоб сохранять свято веру христианскую (такого то) вероисповедания и быть верным и послушным королю, который по праву наследства получит сию корону, а потому пользуясь безопасным убежищем от ее императорского величества даруемым, обязуюсь при сохранении природной моей христианской веры (такого то) вероисповедания и достодолжным повиновением законам и правлению от ее величества утвержденным, прервать всякое сношение с одноземцами моими французами и онога сношения не иметь, доколе не последует на то ее императорского величества высочайшее на то разрешение. В случае противных сему моих поступков, подвергаю себя в настоящей временной жизни казни по законам, в будущей же суду божию. В заключение же клятвы моею целую слова и крест спасителя моего. Аминь“.

Приведенные указ и текст присяги, оскорблявшие национальное самолюбие французов, естественно

должны были бы вызвать протест французов, их массовый отъезд из России. На деле оказалось другое. Испуганные вестями с родины, боясь потерять имущество, нажитое в России, купцы, ремесленники, художники, связанные выгодными заказами двора или службой, покорно присягали и подписывали под присягой свой имена, которые тотчас же распубликовывались в русских и иностранных газетах. Несколько художников покинуло, однако, пределы России тотчас же: придворный гравер и генерал-квартирмейстер русской службы Луи Дюпюи¹⁶⁵), другой гравер Вернье, придворный живописец Жан Вуаль, спешно распродававший перед отъездом свое имущество и картины¹⁶⁶), и известный рисовальщик и пастеллист Жан Каруэль¹⁶⁷). Присягнули и остались в России в одном Петербурге 19 художников, среди них де Вейлли, Жан Сейпель, Ажи, Луи Дранше, два брата Бутелье, Антуан Леблан, Антуан Радиг¹⁶⁸). В провинции принесли присягу Пьер Мортельман¹⁶⁹), рисовальный учитель с женой (в Могилеве), живописец Франсуа Буат (Чериховский уезд, Могилевской губернии) и архитекторы Вектан и Лаллеман (в Таврической области).

Одновременно с высылкой французов из России началось и обратное движение французов-эмигрантов в Россию. Дело французского короля и французской пострадавшей знати Екатерина считала общим делом всех государей Европы и своим в частности. Крылатая фраза Лафайэта, оброненная им в начале революции, о том, что трехцветной кокарде суждено

совершить кругосветное путешествие, произвела на нее глубокое впечатление. Всеми доступными ей средствами она старалась возбудить общественное мнение против революции, против „французских тиранов“. Поэтому эмигранты, жертвы революции, покинувшие пределы Франции и искавшие защиты у разных дворов Европы, изображались в инспирированных ею заметках Санкт-Петербургских Ведомостей, как герои, доблесть которых равнялась доблести древних римлян. Ее покровительством и помощью пользовался не один граф Д'Артуа и представители французской знати Сен При, Сенек де Мельян, Шуазель Гуфье, Тулуз де Лотрек, граф де Бомон, граф Д'Эстергази, Бомбель, Ришелье, Ланжерон, но и все изгнанные из Франции или добровольно ее покинувшие люди разных профессий и сословий. Главное эмигрантское ядро составляла, естественно, французская аристократия, но не мало и художников покинуло пределы Франции, тем более, что находить заработки в революционном Париже становилось все труднее, а жизнь дорожала. Пункт 12-й екатерининского указа запрещал впускать французов в Россию, исключая тех, кто являлся по свидетельству графа Прованского и графа Д'Артуа, братьев короля, или с предварительно испрошенного на то разрешения у министров. Вступив на территорию России, они обязывались приносить приведенную выше присягу. Из эмигрантов в России находились: морской офицер и любитель живописец Жан де Траверсе, ставший впоследствии русским

морским министром, Габриель Дуайэн, подписавший с двором Екатерины контракт на 4 года с жалованьем по тысяче двести рублей в год, Виже Лебрен, Монье, де Шатобур, де Монфор, Девуж, Вуазон, Дюплесси, Саландруз де ла Морнэ.

Дуайэн был обласкан Екатериной, которая подчеркивала свое благожелательное отношение к знаменитому художнику-эмигранту, потерявшему в революцию все свое состояние. Виже-Лебрен в своих записках рассказывает ¹⁷⁰⁾, что на спектаклях Эрмитажного театра Дуайэн имел место рядом с местом императрицы, что последняя часто звала его к себе, беседовала с ним и осыпала милостями. Но когда эмигрантов наехало в Россию много, она через четыре года предложила художнику подписать новый контракт, не на тысячу двести, а лишь на шестьсот рублей в год, и Дуайэн, вышедший из моды и устаревший, принужден был согласиться. Павел, по смерти Екатерины, улучшил положение художника и предоставил ему немало заказов. Из других эмигрантов живописцев большим успехом пользовалась Виже-Лебрен, бравшая за портрет по три, четыре тысячи. Зимой художница жила на Дворцовой площади, летом на даче на берегу Невки против Елагина Острова. Французских эмигрантов впускали в Россию, но за ними зорко следили. Переписываться с близкими, оставшимися во Франции, представлялось очень затруднительным. Припоминается по этому поводу приведенный выше Паризо де ла Валетт, который, приехав в Россию в это тяжелое

для французов время, пять месяцев не мог подать о себе вести в Париж, а после переписывался через третье лицо—какую то m-me Шеню на Тверской. Но не за одними французами следили зорко в ту пору: на подозрении у русского правительства были все иностранцы. Как раз в эти годы известный итальянский архитектор Тромбара подвергся опале и был уволен в отставку после того, как, отлучившись в четырехмесячный отпуск, провел его вместе с князем Голицыным в путешествии по югу России. Завистники и клеветники Тромбара осветили и без того подозрительно-настроенной Екатерине эту поездку архитектора, как шпионский акт со стороны иностранца. Несмотря на заступничество всемогущих вельмож Куракина и Голицына, Тромбара не был возвращен на службу, и, как это видно по его прошениям на имя Павла, он еще в 1799 году был без места. Лишенный заработка, он принужден был продать свой дом у Вознесенского моста и вскоре разорился бы окончательно, если бы не скромное назначение его на должность архитектора в Крыму ¹⁷¹).

В девяностых годах XVIII века, в это неблагоприятное для французов в России время, предпочтение отдавали англичанам, немцам и шведам. Первые входят в моду уже в восьмидесятых годах. Крупную роль в популяризации у нас английских архитекторов и живописцев сыграл Чарльз Камерон. Работая над постройками Царского Села, он привлекал десятки своих соотечественников. В городке София, административном центре Царского Села, где Камерон

имел до 1796 года дом, подаренный ему императрицей и отнятый позднее Павлом, сооружались специальные дома для английских каменных дел мастеров, скульптуров, живописцев, штукатуров, и вся улица носила название Английской. Быть может один из этих Камероновых птенцов—англичанин Мидер оставил нам прелестные акварельные пейзажи-виды Английского парка в Петергофе в 1782 году (собрание рисунков Эрмитажа). В девяностых годах англичане работали в России в качестве миниатюрных живописцев, лаковых мастеров и граверов. Шведы, выдвинувшиеся с конца семидесятых годов и особенно многочисленные в девяностых, пользовались известностью, главным образом, как искусные бронзовых дел мастера.

Павел унаследовал от Екатерины, кажется, только одну черту: страх перед „революционной заразой“. Право въезда в Россию для французов было поставлено в зависимость от особого в каждом отдельном случае разрешения его величества. Через несколько дней эта мера была распространена на всех иностранцев. Вводилась, как известно, цензура для иностранных книг, нот, был даже составлен список запрещенных товаров. Павел объявил войну и французским модам: он запретил модный фрак с высоким стоячим воротником и высоким галстуком типа *incroyable*, башмаки с лентами, прическу с локонами *oreilles de chien*, круглую шляпу *á la Робинзон* и модную дубинку *droit de l'homme*. Иностранцы франты в модных костюмах часто подвергались

преследованиям на улицах Петербурга. „Можно сказать с уверенностью,—пишет Виже-Лебрен, — что пока Павел царствовал, страх перед ним был в порядке дня. Я могу объяснить себе этот страх во мне, только припоминая, как широко он был распространен“¹⁷²).

И вопреки здравому смыслу, Павел увлекался французским театром в Петербурге, дружил с французом актером Фрожером, с удовольствием читал французских авторов и осыпал „милостями“ красивую и бойкую актрису m-elle Шевалье.

Иммиграция иностранцев в Россию в павловское время, естественно, замерла. С тем большей силой хлынули новые волны иностранцев „в дней Александровых прекрасное начало“.

V

Указом от двадцать шестого ноября 1801 года Александр отменил узаконение о выморочных имуществах. Указ этот имел преимущественное значение для иностранцев, так как в силу его они получали право завещать после своей смерти недвижимое имущество не только своим ближайшим потомкам и родственникам, но и всякому другому, в то время как раньше такие дела разрешались в благоприятном для них смысле только при обращении к верховной власти в каждом отдельном подобном случае. Это была первая мера, направленная к улучшению правового положения иностранцев в России.

Французы, в девяностых годах XVIII века отрезанные от нас революцией, направлялись теперь в Россию массами. Они пользовались здесь гостеприимством и находили заработок. Карафф, Куртейль и Митуар имели крупный успех на ряду с миниатюристами: Сиором, Мартеном, Водо, Пэншоном, Колла, Ш. Вернэ, Луи де Сент-Обэном¹⁷³. В учрежденном в Александровскую пору Институте Инженеров Путей Сообщения преимущественно преподавали французы: Фабр, Базен, Потье, Дестрем, Ганри.

Во главе комитета по обстройке Петербурга поставлен был француз Бетанкур, биржу сооружал Тома де Томон, даже Аракчеевские военные поселки строил француз Л. Дюбю. Самый популярный скульптор 1800-х годов — француз Гишар. Бронзовщики французы Пьер Ажи, Эдм. Гастклу и Жак Герен работали по части украшения (бронзированием и чеканкой статуй и оград) садов и парков Петербурга и окрестностей.

Сношения России с Францией, временно прекратившиеся во время первой и второй наполеоновских войн 1805 и 1806 годов, возобновились тотчас же после заключения в 1807 Тильзитского мира, с тем чтобы снова прерваться в 1812 году.

На ряду с привычной для русского человека уже в XVIII веке галломанией, первые годы александровской поры отмечены определенной англomанией. Континентальная блокада Англии, правда, на некоторое время отрезавшая Россию от Англии и подрывавшая их взаимные культурные и торговые связи, и в эти годы с 1807 по 1812 никогда не была полной. В Россию проникали англичане, проникали частично и английские товары. Английское искусство, расцветшее столь пышным цветом во второй половине XVIII века, насаждалось в начале XIX века в России. Сюда едут миниатюристы Аллен, Майльс, Сэкстон, Келлер, Гаррисон, Блоффиль, Диккинсон, живописец Кер-Портер, здесь работает и гравер Сандерс. Английские путешественники изучают Россию. Карр путешествует по Прибалтийскому

краю, северозападной части России и Финляндии и делает интересные путевые наброски; Джемс, посетивший Москву в 1812 году, сейчас же после пожара, оставил захватывающие по интересу, многочисленные зарисовки ее развалин; Джонстон интересуется преимущественно нравами и обычаями России в своих интересных бытовых гравюрах. В Петербург едут английские учителя, садоводы, жокеи, каретные мастера и купцы, купцы, купцы ¹⁷¹)... Последние после 1812 года буквально наводняют Петербург; среди них есть настоящие богачи, которые задают тон в столице и покровительствуют своим соотечественникам, людям искусства. Английская сталь, сукна, кровные лошади не находят в Петербурге конкурентов.

Заботясь об улучшении почвы и повышении качества и количества урожая, в связи с рациональной постановкой земледелия, русское правительство выписало из Англии в десятых годах агрономов квакеров, которым и отдало на льготных условиях земли в окрестностях столицы к югу от Московской и Нарвской застав и на Выборгской стороне. Расчет оказался правильным: петербургские болота превратились в тучные луга и нивы.

После пребывания Александра I в 1815 году в Англии, число англичан в России еще значительно возросло. Работа в Петербурге известного живописца Джорджа Дау и гравера Томаса Райта символизируют как бы высшую точку английского влияния на русское искусство.

Помимо французов и англичан, работали у нас и немцы и итальянцы: живописцы Кюгельхен, Ромбауер, Тишбейн, Молилари, Бриоски, Виги, Окс, Опперман, Фогель, Зауервейд, гравер Клаубер, скульптор Кессельс; шведы—бронзовых дел мастера в таком огромном количестве наводняли в ту пору Петербург, что почти не поддаются учету. Все они пользовались благосостоянием, многие из них владели недвижимостью. Ранние наполеоновские войны, продвижение Бонапарта по Европе в восточном направлении вызвали около 1805—1806 годов первые тревоги в иностранцах, живших в России. Французы, в случае его дальнейших военных успехов, ждали повторения памятного им указа 1793 года и высылки из России, немцы, неуверенные в судьбе своего отечества в связи со вступлением на территорию Германии французских войск, естественно стремились укрепить свое положение в России. Поэтому почти все находившиеся в 1806 году в Петербурге французские мастера и многие художники других национальностей перешли в русское подданство и принесли присягу ¹⁷⁵).

Правительство же предоставляло иностранцам все самые крупные и выгодные заказы: постройку Биржи и Сального Буяна—Томону, здание Кабинета, Смольный и Екатерининский Институты—Кваренги, манеж Кавалергардского полка—Луиджи Русска, Исаакиевский собор—Монферрану. И скромные архитекторы Феррари и Адамини, и скульптор Кунингам, и совсем незначительный скульптор Земельгак имели

правительственные заказы, в то время как гениальный Захаров, талантливый Воронихин и вся плеяда русских обаятельных мастеров скульптуры: Шубин, Прокофьев, Гордеев, Козловский часто сидели без дела. Шубин слезно молит дать ему при Академии какуюнибудь платную должность. „Так что воистину не имею чем и содержатся, будучи без жалования и без работы“, пишет он в своем прошении. Так как Шубин не был единственным впавшим в нужду академическим выучеником, то собрание Академии постановило 14-го августа 1791 года помочь русским юношам-художникам, окончившим курс и подающим надежды, оставив их еще несколько времени на казенном содержании, как пенсионеров. Постановление гласило: „известно стало многими опытами, что большая часть выпускаемых из Академии по окончании назначенных лет воспитания, не сделавшись совершенными художниками, хотя к тому и подавали они надежду, находились в большой нужде и самой бедности, так что часто оставляли художества, коим они обучались и кои должны бы были споспешествовать благополучию, искали они пропитание свое в других должностях низких и не соответствующих прилагаемому к воспитанию их старанию“¹⁷⁶). Между тем, иностранцам кабинетские заказы раздавались широко и оплачивались особенно щедро. За пятьдесят видов Крыма Карл Кюгельхен получил десять тысяч рублей и бриллиантовое кольцо. Кюгельхен до 1825 года успел выполнить 134 картины маслом и 258 рисунков и неизменно выгодно

продавал свои работы; отправляясь от этого, можно составить себе представление о крупной сумме, заработанной им в России. За понравившуюся Александру панораму Петербурга Тилькер получил шесть тысяч рублей; кроме того художник был приглашен за хорошее вознаграждение сопровождать эту панораму в Китай с посольством графа Головкина. Панорама Москвы, показанная в обеих столицах, принесла Тилькеру немалый доход. Анри Беннер, ученик Изабэ, исполнил двадцать четыре портрета царской семьи и, в течение своего шестилетнего пребывания в России, много раз повторял их по заказу разных лиц, заработав на этом крупную сумму.

Многие из художников, как де Мейс, де Майлли, Гаттенбергер (Аттанбберже), старались обращать на себя внимание Александра, превознося его в лстивых аллегориях и в посвящениях ему своих работ. Мало известный скульптор Карл Тинпонт в 1804 году обратил на себя внимание „сильных мира“ тем, что вылепил из жеваной бумаги будто бы с большим сходством бюсты Александра I, Константина и Елизаветы Алексеевны ¹⁷⁷). Как быстро осваивались иностранцы с положением, как ловко умели учесть момент и использовать его в целях выгоды, показывает номер „С. Петербургских Ведомостей“ от 26 января 1826 года: в нем мы находим публикации Дау и Райта, предлагающие желающим копии с портретов маслом Николая I, Александры Федоровны с детьми и покойного царя и в рост, и погрудно, и в миниатю-

тюре. В льстивых выражениях вспоминает Дау об Александре: „Возлюбленный“ государь, которого Россия лишилась, но которого образ остается неизгладимо впечатленным во всех сердцах, удостоил дозволить списать с себя портрет Даву... Дав, чувствуя всю великость столь драгоценной милости, усугубил свое усилие, чтобы оправдать доверенность великого монарха, коего добродетели превышают даже блеск его царствования, а потеря повергает всю империю в глубочайшее сетование“. Живописец Гиппиус, также ловко воспользовавшись случаем, в феврале 1826 года оповещает через газеты о том, что он берет заказы на портреты Николая I для присутственных мест. Цены, конечно, соответствовали остроте момента. Сколько брал Дау за такую копию с своего оригинала (писанную к тому же, вероятно, одним из его помощников), неизвестно, гравированный же портрет расценивался по сто рублей на китайской бумаге и по пятьдесят на веленовой большого формата; исходя из этих цифр, можно судить о высоких ценах на копии маслом. Какой то незначительный гравер и медальер Ревель в 1830 году выгодно использовал приезд Николая I в Москву, выпустив в продажу „в воспоминание знаменательного события“ перстни из вороненого железа ¹⁷⁸).

Нередки приношения художниками в дар царским особам своих работ. В ответ на приношение получалась традиционная „благодарность“ в виде драгоценного перстня или золотых часов, а если кроме

того, поднесенная картина действительно нравилась, то живописец нередко приглашался ко двору, и в таком случае на него сыпались заказы.

Александрю I, повидимому, льстило звание просвещенного мецената, „почетного любителя“, как наименовала его Академия Художеств в 1810 году, и он охотно покровительствовал художникам, особенно иностранным и входил в их нужды. К нему обращались с прошениями по самым разнообразным вопросам, обычно чисто семейным, часто комичного, а иногда не совсем скромного, интимного свойства. Вдове Камерона Екатерине, рожденной Буш, в ответ на ее прошение, доложенное адмиралом Чичаговым пятого апреля 1812 года была назначена пенсия в 1500 рублей в год; восемнадцатого мая 1816 года вдова Камерона снова подавала прошение Александрю о продолжении ей пенсии и по отъезде в Англию для лечения, на что последовало согласие ¹⁷⁹). Поручик Фома Пренге и девица, состоявшая в услужении у покойного французского живописца Дуайэна, предъявили одновременно два различных духовных завещания покойного. Дело дошло до Надворного суда, который присудил наследство, заключавшееся в одних рисунках, в пользу означенной девицы. Тогда Пренге подал прошение на „высочайшее имя“, ходатайствуя об отмене неправильного решения суда. Чем кончилось дело неизвестно, так как дальнейшая переписка отсутствует ¹⁸⁰). Вдова гравера Себастиана Клаубера просила в 1817 году о пособии за двадцатилетнюю слишком службу ее покойного мужа и о разрешении

ей еще год занимать казенную квартиру. Она указывала, между прочим, не без упрека, что при приглашении гравера в Россию его обнадеживали будущими заказами. „Но все сие не сбылось“. Она подчеркивает в прошении плодотворную деятельность Клаубера, образовавшего до тридцати русских учеников. Пособие ей было дано.

Не всегда, впрочем, эти просьбы бывали столь невинны, и странно видеть, как иногда мутные потоки семейной, домашней грязи докатывались до самого подножия трона.

Очень любопытно с бытовой стороны дошедшее до Александра дело о разводе шведского скульптора Бартоломео Субана и его жены, немки Амалии, рожденной Сиверс ¹⁸¹). Дело это разбиралось в Государственной Юстиц-Коллегии Лифляндских, Эстляндских и Финляндских Дел. Из показания сторон видно следующее: третьего января 1804 года, по словам самого Субана, он обвенчался с Амалией Сиверс, „побуждаемый истинной любовью и надеждой приобрести себе добрую домоводницу и нежную супругу. Приданого никакого не взял, но она недостатка не терпела... Он всегда исполнял обязанности супруга, но она с самого начала оказывала супружескую хладность и угрюмость, приятелей его принимала неласково, и хозяйство вела нерадиво, по несколько дней к нему не показывалась, кушанье ему подавала через слуг, домо спала, он обедал один, а она отговаривалась болезнью. В краткое время их супружества сделала его жизнь скудной. Однажды она

объявила ему, что нашла себе другое место жительства. Он попросил ее подумать прежде, чем сделать такой шаг и заявил, что, если она теперь от него уйдет, то больше он ее в дом не примет. Несмотря на всю прежнюю к ней любовь, он стал чувствовать к ней ненависть. Она настояла на своем, но он, по его словам, был к ней все же так добр, что *позволил ей взять свои пожитки* и дал ей двадцать пять рублей. Несколько месяцев о ней ничего не было слышно, потом она явилась к нему и попросила двадцать рублей, чтобы ехать в Ригу. В 1806 г. Субан подал заявление в Государственную Юстиц-Коллегию о расторжении брака. В 1808 году дело было решено в его пользу. Амалия Субан подала в свою очередь заявление в означенную Коллегию с указанием, что не она виновная сторона, и что дело надо пересмотреть. Ее заявлению не было дано хода, прежнее решение осталось в силе. Тогда она подала прошение на „высочайшее имя“. Она заявляла, что „*муж не имеет права на расторжение брака, так как односторонняя ненависть не составляет еще повода к разрыву; по шведским законам право развода дает только взаимная ненависть, а причин ее ненавидеть нет, ибо она всегда его любила и любит, а если любовь к немолодой и не прелестной жене у него охладела, то это не повод к разводу, так как иначе брак сделался бы простым фиглярством*“. Она покинула мужа весьма неохотно и только по неоднократным его настояниям, а паспорт потребовала себе отдельный потому, что больше у него жить не могла,

а проживать надо было по чемунибудь. По ее словам, муж ее предан игре и пьянству, возвращается только к утру домой и не исполняет супружеских обязанностей, поступая с ней жестоко. Она впала в скудость и скорбь, а муж ее имеет знатные доходы. „Он производит пластические работы в камне и мраморе гуртом и, яки фабрикант, содержит экипаж (сани, дрожки и одну лошадь); она же, несмотря на свою слабость и дряхлость принуждена была добывать себе пропитание свое помощью великодушных людей“. Амалия Субан просит не верить свидетелям, показавшим в пользу мужа, так как „они с ним в клубе вместе играли и веселились“. Амалия Субан умоляет императора взять дело из Юстиц-Коллегии, для его личного рассмотрения, объявить приговор неправильным и обязать Субана принять ее, жену, к себе или „выдавать ей на пропитание ежегодно по четыреста рублей за каждый месяц вперед под опасением экзекуции“. Третья сторона— свидетели золотых дел мастер Рейнгардт и скульптор Вирт, состоявший у Субана в услужении, показали в его пользу: они знали его всегда за порядочного и честного человека, который никогда не посещал кабаков и непотребных домов и не был предан игре и пьянству; после окончания работы он иногда, правда, развлекался в клубе коммерческой игрой, но отнюдь не азартной; он ни в коем случае не мот, не расточитель. Впрочем, когда он возвращался домой, свидетели показать не могли, так как они и все прочие рабочие люди, которым надо рано вставать

на работу, ложатся спать в восемь или девять часов и живут они притом в квартире особо от хозяина. А играет он в клубе, как говорят, в ламуш, лото, т. е. все не в азартные игры. Александр I, заинтересовавшись делом, затребовал его к себе, и по его настоянию дело было направлено в Сенат, где двадцатого марта 1811 года было постановлено, в виду неосновательности доводов к опровержению решения суда, оставить приговор в силе. Пострадавшей сторсной оказалась Амалия Субан. Из за страниц этого любопытного разбирательства отчетливо встают фигуры скульптора Бартоломео Субана и его жены Амалии, типичных обывателей с Васильевского Острова или из Мещанских, где „сани, дрожки и лошадь“ заставляют жену мириться „с односторонней ненавистью“ мужа, а мужа искать себе жену „нежную супругу и добрую домоводчицу“, которая обязана рано вставать, чтобы подавать из своих рук кушанье мужу, чувствовать страх и трепет перед своим властелином и одобрять все, что бы он ни делал.

Со столь же интимным семейным делом обращается к Александру обманутая и покинутая любовница живописца Иоганна Ромбауера, полька Бригитта Гловацкая. Девица эта состояла в услужении у некоей графини Виковской, дружившей с домохозяином Ромбауера Вакаром. Художник имел случай видеться с Бригиттой, увлекся ею и предложил ей вступить с ним в супружество, а тем временем вступил с ней в связь. „Хитрым обхождением и обма-

ном, пишет она в своем прошении, он лишил меня добродетели, обольщая женитьбой и клянясь в этом богом и всеми обещаниями, а теперь, когда следы его коварства обнаружались и я должна быть матерью, то он отступает от своих клятв и отрекается от женитьбы“. Гловацкая просит императора настоять на том, „чтобы живописец Ромбауер исполнил свое обещание и совершил бы брак“. Прощение было подписано двадцать первым января 1808 года, а подано для доклада царю восемнадцатого апреля. Двенадцатого июля того же года „высочайшим повелением“ объявлено Ромбауеру, чтобы он постарался удовлетворить просительницу. Но художник не сдавался. Он писал Лопухину, приславшему ему решение Александра: „хотя она (Гловацкая) и не вправе относить притязание ко мне в участи своей, однако, повинуюсь кроткому и человеколюбивому внушению вашей светлости, я объявил ей согласие мое взять от нее невинного младенца на воспитание или ради одного производить ей в год по сто пятьдесят рублей до таких лет, в которые можно будет отдать его в училище. Надеюсь лишнего от жалобы своей, она колеблется еще кончить на выгодах сих и подписаться довольною, а я более пособить ей не в состоянии и не чувствую обязанности, посему осмеливаюсь всепокорнейше просить вашу светлость о правосудном между нами посредствии“. Лопухин затребовал к себе Ромбауера и, повидимому, уговаривал его жениться на девушке-польке. Художник и тут не сдался. После этого Лопухин писал Бакунину, чтобы

было наблюдено за исполнением просьбы девицы Гловацкой. В конце концов Ромбауер все же поставил на своем и не женился, но дал ей то обеспечение, которое предлагал ¹⁸²).

Ростовщик-живописец итальянец Чиполла двадцать второго сентября 1815 года просил Александра „взыскать“ в его пользу данные им в рост восемь тысяч рублей со вдовы его умершего должника— сумму, которую и Гражданская Палата присудила ему заплатить.

Патриотическое настроение, охватившее в 1812 г. Россию, сказалось до известной степени на отношении к иностранцам. Им не доверяли, за ними, как и в 1793 году, опять следили. Перед занятием Москвы неприятелем из нее были выселены на восток все французы и сосредоточены под Нижним и в Казани. Освобождались от высылки из пределов Москвы и Московской губ. только те, которые служили в дворянских домах, по поручительству своих патронов. Можно отметить в эту пору целый ряд неприязненных выходов против них со стороны московской толпы. Афиши Ростопчина, слова, будто бы сказанные им на обеде у Апраксина и переходившие из уст в уста: „Я почувствую себя удовлетворенным, только приняв ванну из французской крови“, разнуздывали дурные инстинкты населения, и без того озлобленного против иностранцев. Арман Домерг, режиссер французского театра в Москве, один из сорока иностранцев, высланных Ростопчиным в августе 1812 года, повествует в своих воспоминаниях

об ужасах и треволнениях, пережитых ими в последние дни пребывания в Москве и по пути на барке в Нижний ^{182а}). Говорящих между собой по-французски или на каком либо другом иностранном языке нередко арестовывали на улице или подвергали оскорблениям, даже избивали. Старая неприязнь к иноземцам просыпалась в русской толпе вообще при всяком удобном случае. Князь Тюфякин, имевший неосторожность заговорить на улице по-французски, был моментально окружен толпой, подступавшей к нему с угрозами. По счастью, ему удалось убедить подступавших, что он русский. Живописец Тончи, почти не говоривший по-русски, несмотря на пятнадцатилетнее пребывание в России и объяснявшийся обычно на французском языке, был задержан по дороге из Москвы во Владимир отрядом казаков и доставлен в тюрьму маленького уездного городка. Хорошо знавшему лично живописца графу Соллогубу с трудом удалось освободить его и доставить во Владимир, куда тем временем успело уже прибыть вверенное Тончи Московское архитектурное училище.

Но в Нижнем Новгороде и Казани, попав в близко им знакомую среду московской знати, перебравшейся сюда на время „от французов“, иностранцы - художники быстро освоились и находили заработок. Барду, осевший в это время в Казани, публиковал в местных „Ведомостях“, что он пишет большие и малые портреты сухими красками. Барду имел в Казани успех, судя, во-первых, по значитель-

ному количеству портретов представителей казанского дворянства, исполненных там, и, во-вторых, потому, что он задержался там гораздо дольше, чем это следовало по обстоятельствам; в 1816 году он во всяком случае еще жил в Казани ¹⁸³). Многие более дальновидные иностранцы, предвидевшие возможность эксцессов или высылки, покинули пределы России заблаговременно в течение лета.

Немало художников поплатилось в 1812 году своим имуществом, среди них Паризо, у которого сгорел дом и который был рад, что спас хоть свое собрание рисунков, его друг миниатюрист Делаперш с сыном Проспером и гравер Вендрамини со всей своей семьей; последний принужден был бежать из Москвы, бросив все свое имущество, оставив на произвол судьбы и гравированные им доски.

Упомянутая выше Луиза Фюзиль живо рассказывает в своих „Souvenirs“ о пожаре Москвы, гибели Голицынского дома, где жила она и близкие ее друзья,—Вендрамини, об исключительном по оригинальности обеде этой семьи на улице, среди искр и пламени от горящих вблизи домов, среди наскоро связанных узлов со скарбом, среди скачущих всадников и мечущихся московских жителей, не успевших покинуть горячей столицы ¹⁸¹).

В ближайшие к 1812 годы волна патриотизма держалась высоко в связи с Парижским походом и ролью России - победительницы, и французы были

в немилости, но уже около 1815 год начинают снова появляться в Петербурге французские мастера, которые вместе с пленными художниками, оставшимися у нас (Дезарно, Пюйбюском и др.), славословят русские походы и русских героев. В декабре 1815 года прибыл в Петербург Свебах с сыном, в 1816 году Беннер, Ризенер, через несколько лет Ансельм Лагренэ, Полен Герен. Художница Мария Гомион работала в эти годы в столице. Характерно, что Свебах и Ансельм Лагренэ интересовались русскими народными типами; перед нами проходят на их рисунках цыгане, конные ярмарки с их сутолокой, ямщики, уличные продавцы, типы захолустных помещиков, купцов, мещан, подобно тому, как в XVIII веке они проходили перед нами на рисунках Лепренса, Дальштейна и Гейсслера. Свебах путешествует по русской провинции, живет некоторое время в имениях Орлова и Мосолова, в Тульской губернии, и пишет многочисленные „портреты“ кровных жеребцов и кобыл.

Долгие и подчас тяжелые переезды по русским проселочным дорогам, остановки на постоянных дворах, маленькие, убогие, но по своему занятные уездные городишки, живописные парфорсные охоты в соседних имениях своей дикой прелестью и оригинальностью захватывают и романтически настроенного молодого Эдуарда Свебаха и Огюста Дезарно, много лет прожившего в семье помещиков Всеволожских, ставшего у них своим человеком и под конец совсем обрусевшего.

Иностранцы работали в александровскую пору при многих казенных учреждениях: Академии Художеств и Академии Наук, Кабинете и Эрмитаже, Адмиралтействе, Типографии Главного Штаба, Департаменте Герольдии, Дирекции императорских театров, Фарфоровом заводе и Шпалерной мануфактуре. Оплачивался их труд достаточно высоко, особенно крупных мастеров. Свебах-отец получал на Фарфоровом заводе три тысячи в год при готовой квартире, дровах и свечах, архитектор Камерон при Адмиралтействе—три тысячи, Гонзаго при Дирекции императорских театров—в 1800—1803 годах высшую оплату—десять тысяч рублей, его помощник Бевани—две тысячи пятьсот рублей, Луи Дранше, декоратор и машинист, по обоим должностям (в 1800—1803) 2700 рублей ¹⁸⁵); по штатам Академии Художеств 1802 года старший профессор получал тысячу рублей в год, младший—восемьсот ¹⁸⁶).

И в Николаевское время все крупные казенные заказы отдавались, как и раньше, иностранцам. Портреты царской семьи исполняет в масле и скульптуре Крюгер, Ладюрнер, Орас Вернэ, Иебенс, Вихман, Рунге; баталии пишут Шварц, Ладюрнер, Заурвейд; марины—Таннер, Мозен и Гюден; Эрмитаж строит Кленце, любимый и домашний архитектор Николая I—„русский немец“ Штакеншнейдер, сын гатчинского мельника-колониста, пользовавшегося некогда расположением Павла I. Немцы вообще теперь преобладают. Еще более чем Александр, Николай I любил казаться меценатом, покровителем

искусств. Летняя его резиденция Петергоф и Александрия служили гостеприимным приютом для многих иностранных художников, работавших в России в двадцатых-сороковых годах. Гюден с апреля 1841 года жил в Петергофе в самом тесном общении с двором, сопровождая царя в его поездках на яхте в Кронштадт, Петербург, писал бесчисленное число раз петергофское взморье в разных местах и в разные часы дня. Все, что он ни создавал, приобреталось Николаем I и великими князьями. Он продал двору и много картин предыдущих годов. „Здесь Гюден“, пишет П. А. Вяземский А. И. Тургеневу, „Ты, пожалуй, и не знаешь, кто это Gudin. Его носят на руках от Петергофа до Островов, и он в восхищении и от Петербурга и от приема“¹⁸⁷). Таннер, приезжавший в 1835 году, получил от Николая I заказ написать все русские порты, что он и исполнил, прожив в России двадцать месяцев и получив за свою работу сто пятьдесят тысяч рублей ассигн. (около 112 тысяч серебром)¹⁸⁸). Орасу Вернэ за каждую из четырех картин на тему из событий русско-турецкой войны 1826 года было заплачено по пятьдесят тысяч рублей (т. е. около тридцати семи тысяч серебром), а за огромный холст „взятие Варшавы“ двести тысяч франков, т. е. около шестидесяти тысяч рублей. Вернэ приезжал в Россию три раза.¹⁸⁹) Он вращался при дворе, присутствовал на разных церемониях и приемах, всюду встречаемый почти с энтузиазмом. Пребывание Франца Крюгера (также приезжавшего)

трижды) при дворе почти всеми газетами и журналами было отмечено, как крупное событие. Он писал Николаю I, Александру Федоровну, наследника и представителей родовой и чиновной знати. Первые красавицы Петербурга оспаривали друг у друга честь позировать художнику. Уехал он из России со званием русского придворного живописца, потомственного дворянина, увозя с собой приятные воспоминания и немалый капитал. Живописец Циглер писал созданные и облюбанные Николаем I окрестности Петергофа: Царскую мельницу, Бабий Гон, вид Бельведера, живописные аллеи Сампсониевского канала и перспективы Петербурга. Итальянец Медичи в сороковых годах работал в Александрии, в Фермерском Доме.

Вкус Николая не отличался утонченностью, и его железная воля давила искусство, но щедрая рука привлекала немалое количество иностранных художников, в массе своей посредственных, мечтавших найти здесь капитал и признание своих заслуг. Многие исполнением академических программ добивались звания „назначенных“ или академиков; большинство же удаивалось лишь скромного звания свободного художника. Звание это предоставляло, однако, право давать уроки рисования в школах. Даже при возвращении на родину диплом русской Академии мог иметь некоторое значение. Подобного рода живописцы нередко писали акварельные портреты; за эти работы, правда, платили недорого, но зато и времени они отнимали у художника не много, и спрос на этот род живописи встречался чаще.

В покровительстве иностранцам знать тянулась за двором. Хотя у нас в ту пору были свои художники, не уступавшие по таланту и образованию иноземным, но Робильярам, Дессенам, Видерам, Периньонам, Штаммам, Лашам заказывали охотнее и платили дороже. Некоторые дворянские семьи в сороковых-пятидесятых годах XIX века позировали почти исключительно иностранцам: Мусины-Пушкины, Воронцовы-Вельяминовы, Палены, Барятинские, Горчаковы. В этом сказывался своеобразный шик эпохи.

Васильевский остров и Мещанские служили теперь, как и в XVIII веке, главным местопребыванием художников-иностранцев. Последние жили в общем обеспеченнее, чище и культурнее русских. Гоголь в „Невском проспекте“ и простой бытописатель Петербурга тридцатых годов Пушкирев сходятся в изображении быта петербургских немцев. „Войдите хоть на минутку“, пишет последний, „в квартиру небогатого ремесленника-немца и взгляните на его житье-бытье. Какая во всем расчетливость и привлекательность. Комнаты его мастерской чисты, светлы, стены не обезображены копотью и разноцветными пятнами, рабочие инструменты в порядке, что редко найдется в мастерской русского, где отвратительная нечистота и беспорядок производят сразу самое неприятное впечатление. Та же разница в удовольствиях В праздники, когда русский захочет погулять, он буйно предается веселию, пьет вино без отдыха, жертвует без расчета последней копейкой и, истративши все деньги, начи-

нает с досады драться. Напротив того иностранцы с умеренностью предаются веселью в приятной беседе, в скромных забавах, уклончивые от неприятностей... Желаете ли полюбоваться настоящим наслаждением человеческой жизни в часы отдохновения, посмотрите на этого доброго немца, который приехал с семейством в Парголово встречать весну и подышать свежим воздухом. Под тенистыми вязами, на зеленой траве раскидывались белые скатерти, вокруг которых собирались обедать родственники и друзья немца, его милovidные Кетхен, Лизхен“¹⁹⁰). Почти также, но в общем обеспеченнее жили и художники среднего достатка. Конечно, эта чрезмерная идеализация немца, иностранца, оправдывающая пошловатые стороны его жизни, звучит несколько комично. Не надо забывать, что нигде в Петербурге не было такого количества трактиров и питейных домов, как именно в иностранных кварталах, в Мещанских и всей третьей Адмиралтейской части. Но то же описание дает правильное представление об относительной зажиточности, аккуратности и расчетливости „немца“ по сравнению с русским.

О зажиточности иностранных мастеров говорят и изображения их мастерских: даже художников не крупных, в роде Дессена, Хозроэ Дузи, не говоря уже о роскошной студии Дау, помещавшейся в Эрмитаже и изображенной на известной гравюре того времени „Посещение Александром I мастерской художника Дау“. Леопольд Сталь обладал в 1828 г. в Петербурге богатым собранием рисунков¹⁹¹).

Польско-русский живописец Орловский владел прекрасным собранием оружия всех эпох и народов и ценной коллекцией итальянского фаянса XV, XVI и XVII веков (из коллекции герцога Урбинского), которое его вдова, Елизавета Орловская, в 1832 г., в прошении на имя Николая I, предлагала приобрести для Эрмитажа ¹⁹²).

Бронзовые мастерския шведов, литографические, а позднее и политипажные заведения, содержавшиеся обычно немцами, приносили своим владельцам очень солидные доходы, позволявшие им нередко обзаводиться недвижимостью. С изобретением дагерротипа многие, правда посредственные, художники, как Деньер, Митрейтер, занимались им с большим материальным успехом.

Остроумную каррикатуру на ловкого и энергичного немца, обычно умеющего легко выходить из затруднений и никогда не забывающего о „профите“, дал литограф П. Семячкин. Он изобразил двух предприимчивых немцев, прибывших с легким багажом из за границы; только что ступив на территорию Петербурга, идя от заставы, они мечтают уже о том, как выгодно устроятся здесь: один в роли учителя музыки, другой в качестве управляющего большим имением. При взгляде на энергичное и плутоватое выражение их лиц, верится, что надежды их не останутся одними беспочвенными мечтаниями.

Все же не все иностранцы смотрели на Россию, как на золотое дно, как на колодезь, из которого

можно черпать до бесконечности, были и такие, которых интересовала сама Россия *an und für sich*, ее быт, нравы, народный характер. Большинство из них—запоздалые живописцы-романтики сороковых—пятидесятых годов, увлекавшиеся бытом неведомых, полных таинственности стран востока. Их манит и загадочная Россия, манит природа и нравы нетронутых народов Крыма, Кавказа, Бессарабии. Они проезжают по России большей частью в качестве туристов. Теофиль Готье писал в своих воспоминаниях о Москве ^{192-а}): „Москва—это город легендарно-великолепный и химерически далекий. В раннем детстве Москва занимала мое воображение, и я часто в экстазе долго простаивал перед витриной продавца эстампов на набережной Вольтера, созерцая виды-панорамы Москвы цветной акватинтой Дебюкура и др.“. Когда Готье попал, наконец, в Москву, то она поразила его невиданной новизной, сильнее всего поразила собор Василия Блаженного, „*cette eglise chimériquement impossible*“. Внимание Готье, как живописца, привлекла и колоритная фигура русского „мужика (*moujik*) одетого зимой в звериную шкуру, с длинными волосами и бородой“. „*Nous aperçûmes le premier moujik*“, с торжеством отмечает он, как событие, при въезде в Петербург. Он приходит в восторг от архитектуры Петербурга и, наряду с этим в Рыбинске и Москве его влекут к себе дикие пляски русских цыган, так напоминающие ему пляски баядерок, мелькание цветистых платьев и шалей, странная музыка и волнующие своим непередаваемым очарованием

рованием мерные взмахи длинных цыганских ресниц, ресниц, „напоминающих опахала из черных перьев“.

Иностранные живописцы наблюдали с восторгом колоритные зимние ярмарки на Неве, смотрины купеческих невест в Летнем саду, Семик в Ямской или под Симоновым в Москве, весенний праздник первого мая в Марьиной роще, где раскидывались пышные палатки из дорогих ковров. Все бывшие в ту пору иностранцы - живописцы отдали дань увлечению русским бытом и природой. Гертнер писал виды златоглавой Москвы и ее „сорока сороков“ церквей. Гросс, путешествия с Палласом по Крыму, был пленен его живописной природой, и бытом нетронутых культурой татар. Дюбуа де Монперро объезжал Крым, делая зарисовки местностей, Шрейер — южную Россию и Бессарабию, Раффе всю центральную и Южную Россию, Ландель, Баррес, Франкен, Гроссман, Грифф, Раух и Теодор Горшельт — Кавказ. Природа суровая и богатая одновременно, живописные своей дикостью типы горцев, виды аулов, захватывающее чувство опасности будили фантазию этих романтиков-живописцев. Они были последними интересными и живыми художниками, которыми подарила нас Европа. Все те, что пришли позднее, не заслуживают нашего внимания ни с художественной стороны, потому что они сами по себе слишком незначительны, ни с бытовой стороны, потому что их было мало и они не оставили заметного следа в русской жизни. Все эти Лаухерты, Аллиери, Ботманы, Ан-

жели, Зальцманы писали вяло и скучно царские портреты, а Коллуччи, Швабе, и Френц изображали так же скучно и мертво то „Фанни и Леди“, „Милорда“, „Понча“—любимых собак Александра II и III, то лошадей Государственного Коннозаводства. Самым талантливым живописцем этого безвременья был, конечно, Михаил Зичи. Он, в качестве художника русского двора, вел пустую, светскую, рассеянную жизнь, но в его рисунках всегда сквозит легкая ирония, порой злое озорство, дающее остроту его рисункам и говорящее о неудовлетворенности художника этой жизнью.

Старинная обоюдная рознь и неприязнь русских и иностранных художников в XIX веке не только не сгладилась, но еще более обострилась. Академия Художеств образовала в течение всего этого времени значительное количество русских живописцев, скульпторов и архитекторов, обладавших знанием и навыками и нуждавшихся в заработке; иностранцы являлись досадными конкурентами, вызывая подчас в русских зависть и злобу. Когда в начале десятых годов Железнов и Теребенев претендовали на скульптурные работы в Адмиралтействе и тягались с Торичелли и Медичи, тоже желавшими получить этот заказ, то первые упрекали Департамент в обычном пристрастии к иностранцам. Торичелли указывал, что он „подлинный художник-академик“ и что ему „невместно тягаться с мужиком“, каким, по его мнению, являлся крепостной Железнов,—протее графа Ланского ¹⁹³). Иногда русские мастера из зависти и

злобы, мелкими придирками и доносами доводили иностранцев до полного отчаяния, разорения и даже гибели.

Так было в конце XVIII века с архитектором Тромбара, так случилось и в начале девятнадцатого с несчастным иностранцем Александром Дигбю, астраханским губернским зодчим. Дигбю, состоявший в этой должности с 1786 года по 1803, построил в Астрахани, в Татарской слободе, дом персу Джафару на собственной его земле, по „апробованному его величеством плану“, но не испросив на постройку разрешения Губернского Правления. По проискам врагов Дигбю, Астраханское Губернское Правление поставило это ему в вину и вооружило против него губернатора Тенишева, который и стал с тех пор преследовать архитектора. 28 декабря 1802 года Дигбю подал в отставку и попросил разрешения на выезд из России. Тут то и начались настоящие мытарства несчастного иностранца. Ему обещали дать паспорт и тянули дело, между тем места он лишился и никакого заработка найти не мог, как человек попавший в опалу у губернатора. Он подал в суд; суд признал по существу вину архитектора недоказанной, но не осмелился довести дело в этом духе до конца и выступить против всемогущего властелина губернии.

Тем временем, однако, жить Дигбю стало нечем, и он умолял Тенишева ускорить ему выдачу паспорта, но тот неизменно отвечал, что следует еще подождать и ждать столько, сколько будет нужно, хотя бы

дело затянулось и на десять лет. Тогда придя через полтора года в полное отчаяние, Дигбю, обремененный семьей из шести лиц, послал прошение на имя П. В. Лопухина (на французском языке), с просьбой защитить его от преследований Тенишева¹⁹⁴). Он указывал на свою верную аккуратную службу городу с 1786 года, на то, что им были довольны все предшественники Тенишева, астраханские губернаторы: Жуков, Алексеев, Брянчанинов, Скаржинский, Алябьев, Аршеневский, Повалишин. „Намерения князя Тенишева направлены к моей полной гибели, — пишет он, — он задерживает меня здесь в качестве беззащитного иностранца, не обладающего притом ни имением, ни состоянием, который принужден тратить свои последние усилия, имея в будущем в виду только одну грустную надежду — скоро увидеть себя, на краю полной нищеты“. Лопухин предписал „чтобы дело было окончено в скорейшем времени и чтобы просителю было доставлено законное удовлетворение, и просил уведомить, в чем оно состоит и за что Дигбю отдан под суд“. Что же касается до жалобы архитектора на Тенишева, то Лопухин советовал объявить на него в Правительствующий Сенат. Но, повидимому, Дигбю не решился жаловаться на Губернатора и перенести дело в Сенат. Через несколько месяцев, однако, Тенишев выставил против него новое обвинение, и Дигбю снова писал Лопухину, прося защиты. Ответ на этот раз получился более официальный и сухой: он (Лопухин) не может выводить дел из узаконенного порядка; если

будет оказана несправедливость, то можно подать апелляцию в надлежащее место. Чем дело в конце концов кончилось неизвестно, так как переписка прекратилась, но из изложенного ясно одно, что не всегда иностранцы снискивали себе в России одни лавры; нередко они терпели жестоко и от произвола властей-сатрапов, и от зависти и злобы врагов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Роль и значение иностранных художников в России громадны. Они были нашими первыми учителями. Голландцы, немцы, французы, итальянцы приносили на русскую почву великие традиции славного искусства своей родины. Ни одно направление в искусстве не минуло России. В XVIII веке она освоилась с отзвуками пышного итальянского барокко в творчестве Джироламо Бона, Торелли и Фонтелассо, и с рококо в лице Лепренса, Токкэ, скульптора Фальконэ, Жилле, и с неоклассицизмом школы Давида и Вьена.

Особенно многочисленны были у нас представители этого последнего течения: Карафф, Куртейль, Ризенер, Фреми, Белла, Монжес. Побывали у нас и известные миниатюристы, ученики Огюстена, Венсена и Изабэ: Колла, Мартэн, Беннер, Берже и другие. У нас в России строили и Кваренги, и Камерон, страстные палладианцы, и Тома де Томон—классик по вкусам, поклонник гениального Пиранези, наш театр обслуживал гениальный визионер Гонзаго, потомок венецианской, славной в искусстве, семьи.

Многие иностранные художники оставили по себе память искусных учителей, обучивших сотни русских

мастеров. Вортман и позднее Шмидт положили начало школе русских портретных граверов, Каравакк создал первых русских портретистов, из которых большую известность получил Иван Вешняков, Валериани—первых перспективистов: Петра Фирсова, Н. Семенова, Григорьева, Д. Михайлова, Г. Молчанова и М. Махаева¹⁹⁵). Радиг образовал прекрасных граверов Берсенева и отчасти Уткина, наконец, Клаубер целую школу (около тридцати) русских граверов, среди которых следует упомянуть Ухтомского, Скотникова, Фролова, Шелковникова, Масловского¹⁹⁶). Влияние Дуайэна сказалось на Кипренском, Варнеке и Тропинине. В учениках Никола Жилле: Шубине, Прокофьеве, Гордееве, Щедрине и Козловском воплощается гордость нашей русской скульптуры.

Не надо представлять себе, однако, дело так, что только одни крупные художники, состоявшие при Академии Художеств или Академии Наук, занимались преподаванием. Каждый приглашенный в Россию, хотя бы и средний мастер при любом учреждении, становился преподавателем. Это служило одним из главных пунктов всех контрактов. И резчик Селюрам, и скульптор Виссу, и „полировщик на меди“ Сен-Манж¹⁹⁷), и Беймхен имели учеников. В этом постановлении крылась глубокая мудрость; даже благодаря маленькому, незначительному мастеру-иностранцу просачивались в толщу русской жизни и быта культурные традиции и приемы мастерства, расширялся и круг лиц, приобщавшихся к западной культуре.

Трудно теперь сказать, насколько иностранцы ценили Россию. В общем, они, конечно, смотрели на нас несколько свысока, подчеркивая свое культурное превосходство и свои знания. Француз-путешественник Ансело, пробывший в 1826 году в России шесть месяцев, испытывает чувство национальной гордости при взгляде на прекрасные архитектурные памятники Петербурга: „На каждом шагу мы находим здесь следы наших соотечественников“, пишет он, „эти грандиозные мосты, эти нарядные здания проектированы и начертаны французскими инженерами и архитекторами, это они направляли подражательной ловкостью русских ремесленников, и эти полудикие люди достигли под их руководством поразительных результатов“. Известно крылатое слово остроумного наблюдателя француза: „Поскоблите немножко русского и вы всегда обнаружите татарина“. Еще откровеннее высказывается тот же Ансело, с особым интересом изучавший русских простолюдинов; „чтобы наблюдать первобытных людей“ (*hommes de la nature*), пишет он, „переплывают моря и подвергаются тысяче опасностей, а здесь (в России), в нескольких сотнях лье от Франции, можно наслаждаться интересным зрелищем, видеть первобытного человека среди культурной обстановки ^{197-а}). „Этот взгляд разделяет отчасти и мадам де Сталь, настроенная в общем к русским скорее благожелательно. „Эта нация, пишет она, — как бы создана из самых разительных контрастов. Причины этой контрастности, вероятно, в сочетании европейского образования и азиатской

природы русского человека... Я верю, что они могут быть ужасны, когда их обуревают страсти благодаря недостатку в воспитании и образовании, они не умеют справляться с ними. Как следствие того же невежества, в них заметно отсутствие моральных принципов, а кража—явление очень распространенное в России, и при всем том русские очень гостеприимны... В этом отношении в них есть что то, сближающее их с дикарями... Их подражательность обуславливается гибкостью их существа. Они могут быть англичанами, французами, немцами по внешности и по манерам, в зависимости от обстоятельств, но они никогда не перестают быть русскими, т. е. неистовыми и сдержанными одновременно, более способными на страсть, чем на дружбу, более гордыми, нежели деликатными, ханжами, чем людьми добродетельными более храбрецами, чем рыцарями, и такими неистовыми в своих желаниях, что ничто не может их остановить, если они стремятся их удовлетворить“¹⁹⁸).

„Блестящая атмосфера, окружающая иностранцев в Петербурге,—пишет она дальше,—правда, некоторое время нравится, развлекая и услаждая жизнь, но „в конце концов, здесь ничему не учишься, не развиваешь своих способностей“¹⁹⁹). „А потом... и фрукты не так сладки в этой стране, и розы не так пахнут, как на милой родине, и цветы не так горделиво поднимают свои головки, точно боясь порывов северных бурь“²⁰⁰).

Неодобрительный взгляд на Россию, презрение к русским чувствуется и в рапорте немецкого скульп-

тора Беймхена и поручика Егора фон Буссова 1773 г. в ответ на поручение Канцелярии от Строения реставрировать статуи Летнего сада. Они пишут, что статуи, исправленные, так уже хорошо держаться не будут: „клей может отклеиться, да и притом еще от празднующихся людей, которые, ходя, ломают старые починки, но еще и вновь“, и просят определить караул²⁰¹). При таком взгляде неудивительно встретиться с небрежным отношением к делу, как у скульптора Бевани, по полугоду не посещавшего классов Академии или у архитектора петровского времени Иоганна Браунштейна, притеснявшего своих учеников, в частности Михаила Петрова, в конце концов, подавшего жалобу на своего учителя. Петров пишет, что он уже девять лет находится в обучении у архитектора Браунштейна, но мало чему мог от него научиться. „Апрошедшіе годы токмо онъ мнѣ показываетъ отчертежей копіи снимать и вбытность я свою унего архитекта нужду немалую претерпелъ а найпаче что отжены его понеже она насъ заставляетъ всякую работу домашнюю работать и въ котором деле согнала въ ихъ домашнихъ дѣлахъ товарища моево внеуправленіи ево понеже я у него возилъ сена издеревень и печи топилъ и птицъ всегда кормилъ и голубѣй и куръ и лошадей ихъ чистили и кормили и огонь наповарнѣ раскладывали и начай воду грелъ и кушенья варилъ азанею вмѣсто хлбца възде погостямъ еживалъ какъ на котлинь островъ такъ впитеръ Бурхъ и вранинбомъ аежели в чемъ въ ихъ домашнихъ дѣлахъ неуправенъ явилсяя

изато она насъ непрестанна бранными словами укоряла насъ и оттедь своему мужу наговорила аон попуке жены своей биваль батогами аежели не темъ то канатами... и такъ онъ намъ говорилъ чтоде мне завасъ денегъ недаецца авыде мне послушны работать что я не заставляю“²⁰²).

Но мы знаем и таких иностранцев, которые искренно привязывались к приютившей их стране и старались приносить ей посильную пользу. Доброго слова в этом отношении заслуживает преподаватель Академии Наук „по аллегории и мифологии“, рисовальщик и академик Якоб Штелин, большой энтузиаст России, увлекавшийся ее бытом, ее археологией и тщательно собиравший все, что до страны так или иначе касалось; не меньше заслуг и за историком Миллером; он отдал много лет жизни на изучение русской истории, тщательно собирая исторические документы и оставив в них ценное наследие для будущих исследователей. Та самая мадам де Сталь, которая так откровенно высказывается о недостатках России и русских, видит в тех же русских людях и хорошие стороны—доброту, широкое гостеприимство, присутствие духа в минуты опасности и необычайную выносливость. Ей кажется, что иностранцы несправедливы в своих отзывах о России: „несколько дурных анекдотов предшествующих царствований, два, три барича крупно задолжавших в Париже, парочка *bons mots* Дидро, создали во французах убеждение, что Россия состоит только из развратного двора, камергеров и рабов;

это большое заблуждение“... На самом деле в этой русской империи, так несправедливо называемой варварской, пишет Сталь, она испытала только чувства благодарные и приятные, за что и благословляет страну и ее повелителя“²⁰³.

И Виже-Лебрен отмечает также „с каким энтузиазмом, с какой восторженной благожелательностью встречают в Петербурге иностранца, особенно если он хоть немного одарен талантом“²⁰⁴. А Свинтон даже высказывает взгляд, что русские настолько преклоняются перед иностранцами, что всегда смотрят на них с подобострастием, снизу вверх, в особенности это заметно в их отношении к ученым и художникам²⁰⁵.

Редкой добротой и отзывчивостью к своим ученикам отличался скульптор Жиллэ, оставивший по себе самую лучшую память и увековеченный резцом талантливейшего из его учеников Федота Шубина. Валериани радел об интересах своих питомцев; в 1758 году он пишет рапорт в канцелярию строевых, указывая, что умелые и опытные ученики его, русские живописцы: Дмитрий Михайлов, Петр Фирсов и Григорий Молчанов получают мало жалованья, он просит им прибавить, чтобы „видя кураж и впредь они могли показать наивящую к науке ревность“. Архитектор Бренна трогательно заботился о своем ученике Карле Росси, содержал его на свои средства и, уезжая в 1802 году из России, исхлопотал и ему у царя отпуск с тем, чтобы ознакомить молодого зодчего с архитектурой Италии. Вышеупомянутый Сен-Манж ходатайствовал в 1726 году о пе-

реводе учеников литейщика и скульптора Виссу—Алексея Куломзина и Козьму Казакова в мастера за их успехи и прилежание в работе.

В глубине души иностранцы не могли часто не чувствовать одаренности русских мастеров и не отдавать им должного. „Русские способны и понятливы,—пишет Лебрен.—Они изучают ремесла с поразительной легкостью. Многие из них преуспевают и в искусствах“. По этому поводу художница вспоминает о талантливом Воронихине—крепостном архитекторе графа Строганова. (*Souvenirs*, v. I p. 345). И Ансело и враждебно настроенный к России Домерг признают одаренность русского народа в искусствах и ремеслах, их способность быстро схватывать и хорошо подражать, но копируя иностранца русский работает всегда только как добросовестный ученик, не разбираясь в сути природы вещей; причина лежит в недостаточности культурной базы, в том, что народ русский в рабском подчинении воле Петра перескочил сразу несколько веков культуры ^{205-а}). Этим не умаляется разумеется значение для искусства отдельных крупных русских талантов. Французский живописец Плюшар, увидев впервые работы Тропинина, признал его превосходство над собой, но тут же упрекнул художника за то, что он берет только по двести пятьдесят рублей за большой портрет и тем сбивает цены портретистам-иностранцам. С тем же Тропининым связывается и другой случай. Один французский путешественник посетил мастерскую художника в доме его барина

графа Моркова и, осматривая работы Тропинина с восторгом отзывался о них. На другой день тот же француз, будучи приглашен на обед к графу Моркову, увидел Тропинина в странном наряде, стоящим около стула хозяина. Обрадованный видеть художника, он бросился к нему и стал усаживать рядом с собой, намереваясь продолжать беседу; Тропинин, присутствовавший на обеде в качестве слуги, стоял в замешательстве. Тогда француз обратился к графу с предложением присоединиться к его просьбе. Моркову не оставалось ничего больше, как исполнить желание гостя. Но с этого раза, говорят, Тропинин был освобожден от обязанности служить за столом.

Французский путешественник Форсиа де Пиль, побывавший в России в 1788 году, пишет: „Русские по какой то губительной для их страны несправедливости, хотя и превозносят своих соотечественников и чернят иностранцев, тем не менее все таки отдают предпочтение работе последних и оплачивают ее ценой золота, поддерживая тем самым, естественно, уныние духа и апатию в художниках русских“²⁰⁶). Посетив мастерскую гравера Скородурова, оставившего по себе хорошую славу в Англии, Форсиа де Пиль вынес впечатление, что гравер, не привыкший к знакам внимания со стороны своих соотечественников, был польщен посещением его мастерской иностранцами. Француз посетил также мастерскую скульптора Шубина, маленькую, узенькую, бедную комнату. Он отмечает и здесь отсутствие учеников, редкость заказов. За бюст платят Шу-

бину сто рублей, в то время, как мрамора на него идет на восемьдесят. Между тем, по мнению того же Форсиа де Пиль, скульптурные работы Шубина качеством превосходят статуи и бюсты Летнего Сада вывезенные за дорогую цену из Италии ²⁰⁷). Это предпочтение иноземным художникам перед русскими продолжалось, как мы видели, крепко держаться и в николаевскую пору. Иностранцы умели входить в русскую жизнь и делаться необходимыми. Они строят театры и церкви, монастыри и увеселительные дома вельмож, разбивают парки и устраивают кладбища, возводят больницы, вокзалы, торговые бани и сумасшедшие дома, пишут для гурманов соблазнительные „мифологии“ и для православных „святые иконы“. Любопытно отметить, что в XVIII и XIX веках иконы в соборах и придворных церквях охотно давали писать иностранцам. Лютеране Грот и его помощник Вебер писали в сороковых годах XVIII века образа для придворных церквей Петергофа и Царского Села; католик Фонтенбассо— „Воскресенье Христово“ для церкви придворной капеллы; итальянец Виги—иконы для церкви казарм на Выборгской стороне. Для Исаакия образа выполнялись итальянцами, французами и немцами: Дузи, Муссини, Плюшаром, Штейбеном, Дорнером. Самые проекты Исаакиевского собора были поручены Гонзаго, Адамини ²⁰⁸), Монферрану ²⁰⁹) и Мельникову; из четырех проектов только один принадлежал русскому, а в конечном итоге был одобрен проект Монферрана. Немец Тирш был специально выписан

из за границы, чтобы писать образа для капелл великих князей Николая и Михаила Николаевичей ²¹⁰). Эти иконы, созданные иностранцами всех национальностей, вполне удовлетворяли заказчиков, в то время, как целый ряд образов, писанных в 1840 и 1841 годах заслуженным академиком Егоровым для церкви Екатерины в Царском Селе, был забракован Николаем I, и престарелый художник, не сумевший угодить, был отставлен от должности профессора Академии Художеств ²¹¹).

Много иностранного люда перебивало у нас за XVIII и XIX в.в., всевозможных профессий, возрастов и положений, от озаренных европейской славой писателей и художников, как Дидро и Токкэ, от филантропов, мечтавших создать среди нетронутых варваров идеально прекрасные формы жизни, до никому неведомых канареечников. Были тут и мужчины, и женщины, и бог их знает кто, ни мужчины, ни женщины, как пресловутый шевалье Д'Эон. Для всех Россия была страной варваров, но одни привязывались к этим варварам и находили среди них вторую родину, другие, скопив про черный день, спешили назад в свой Vaterland; одним счастье улыбалось, к другим оно повертывалось спиной, но все они, кто бы они ни были, и знатные дипломаты, и скромные „кукольных дел показатели“, все, одни в большей, другие в меньшей степени, служили вольно или невольно, одному большому делу: они приобщали Россию к источникам западно-европейской культуры, пробивая толщу русского быта.

ПРИМЕЧАНИЯ

I

1. Памятники дипломатических сношений, т. I. 2. Русский Биографический Словарь, s. v. 3. *Viaggio al gran Signore Ussum Cassan, Re di Persia*, переиздано в *Ramusio Navigazioni*, v. I, p. 123. Имеется русский перевод в Библиотеке иностранных писателей о России XV—XVI веков, изд. В. Семеновым и М. Калистратовым, СПб 1836, т. I. 4. Памятники диплом. сношений, т. I. 5. Олеарий, Путешествие голштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1639 г.г. Пер. П. Барсова, изд. Общества Истории и Древностей Российских, М. 1870, стр. 112. 6. В. О. Ключевский, Сказания иностранцев о Московском государстве. М. 1866. 7. И. Любименко. Врачи и лекарственное дело в Московском государстве. Русский Исторический Журнал, 1917, №№ 3—4, стр. 9—10. 8. А. Лаппо-Данилевский. Иноземцы в царствование Михаила Федоровича. Журн. Мин. Нар. Просв. 1885, сентябрь, стр. 73. 9. *Idem*, стр. 74. 10. *Id.*, стр. 72. 11. Олеарий, о. с., стр. 370—1. 12. *Idem*, стр. 167. 13. Jean Perry. *Etat-present de la Grande Russie, contenant une relation de ce que S. M. Czarienne a fait de plus remarquable de ses états et une description de la religion, des moeurs, et tant des Russiens que des Tartares et autres peuples voisins.* Bruxelles, MDCCXVII, p. 293. Английского оригинала этого французского перевода мне найти не удалось. 14. Н. С. Тихонравов, Сочинения, т. II, стр. 373. 15. В. О. Ключевский. Сказания иностранцев. о России 16. Московское правительство старалось всеми силами распространить молву о государевой милости к иноземцам. И рижанин Бендикс Инц в 1600 г., и немчин Юшко Кропля с товарищами в 1619, и англичанин Эдуард Масси все говорят «о государевой неизреченной милости». Прибегают к особо ловкому способу: посылают осевших в Москве и хорошо устроившихся иноземцев вербовать новых из за границы людей. К своему соотечественнику, если он хвалил жизнь в Московии, иностранцы чувствовали доверие и охотно ехали сюда. Так посылали Романа Бекмана, англича-

нина Лесли, английского купца Гловерта, Генриха Фандама. См. А. Лаппо-Данилевский, о. с., стр. 72. 17. А. Е. Викторов. Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов (1584—1725), М. 1877—82, Вып. 1—2, passim. 18. Н. П. Собко. Словарь русских художников. СПб. 1895. Т. II, вып. 1, стр. 504—5. 19. Любезно сообщено мне проф. Моргилевским. 20. Все эти цены надо умножать приблизительно на 17, чтобы получить довоенные цифры. 21. Путешествие Олеария, М. 1870, стр. 374. 22. Корб. Дневник путешествия в Московию, пер. Малеина, М. 1906, стр. 372.

II

23. Корб, о. с., стр. 66. 24. Idem, стр. 57. 25. Jean Perry, о. с., р. 121—122. 26. Корб, стр. 174. 27. Id., стр. 119. 28. Jean Perry, р. 121—122. 29. Idem, р. 4, 5, 8. 30. Idem, р. 69. 31. Д. А. Ровинский, Словарь гравированных портретов. Т. IV, стр. 365. СПб 1889. 32. А. Е. Викторов, о. с., Месячная ведомость о приходе и расходе денежной казны Оружейной палаты за февраль—декабрь 1702 года, лист 116, под 24 февр. 33. Perry, р. 3. 34. Соловьев, История России, т. III, кн. 3, стр. 90. М. 1873. 35. А. Е. Викторов, о. с., стр. 484. 36. Idem, стр. 487—8. 37. П. Пекарский, Наука и литература при Петре, т. II, стр. 642. 38. Викторов, о. с., Ведомость Оружейной Палаты за 1711 год, № 322. 39. М. Корольков. Архитекторы Трезини. Старые годы. 1911, № 4, стр. 18. 40. J. Bell. Travels from St. Petersburg in Russia to diverse parts of Asia. London 1764, vol. I, р. 23. 41. J. Perry, о. с., pp. 4—5. 42. Idem, р. 72. 43. Пыляев, Старый Петербург, стр. 8—9. 44. J. Bell, Travels, pp. 197, 201, 228. 45. Соловьев, История России. М. 1873, т. IV, стр. 292. 46. Госуд. Арх. Дела Кабинетские Петра I, кн. 25, полулист 522. 47. G. Nagler. Künstlerlexicon, 1834—1852, B. XV, S. 287—289. 47. О Шлютере упоминается в Memoirs of P. Bruce, Esq., a military officer in the service of Prussia, Russia and Great Britain, containing an account of his travels in Germany, Russia, Tartary... as also several very interesting private anecdotes on the Czar Peter I of Russia. London, 1782, p.p. 141—142. 49. Архив Гоф-Интендантской Конторы, кн. 82, №№ 164—173 за 1720 год. Цитирую по бумагам Н. П. Собко в Публичной Библиотеке. 50. Н. П. Собко. Словарь художников, т. III, вып. 1, стр. 221. 51. Эта гравюра воспроизведена у И. Божерянова, Невский проспект, т. I, стр. 20. 52. И. Божерянов. Очерки жизни Петербурга за два века—XVIII и XIX. СПб, стр. 14. 53. Musei Imperiales Petropolitani. vol. II, tabulae pictae, p. 156, 157, 170. P. 1741. 54. Кроме того супруги Ксель занимались преподаванием. Их

учениками были Петр Пагин, Федор Черкасов, Андрей Греков, Некрасов, Малиновкин и Шелесперов. П. Пекарский, *Материалы к истории Академии Наук*, т. I, стр. 533—535; т. III, стр. 378. 55. J. Bell, *Travels*, p. 379. 56. И. Божерянов. *Невский проспект*, т. I, стр. 28—29. 57. Пыляев. *Старый Петербург*, 58. Бумаги П. Н. Петрова в собрании Собко в Публичной Библиотеке, связка «Ро», под Юганном Росси. 59. Бумаги Н. П. Собко, связка «Св.», листы 496—7. Выписка из протоколов Канцелярии Строений за 11 февраля 1723 года. 60. Карамышев. *Краткие исторические сведения о Петербургских типографиях, с 1711 года*. СПб. 1895. 61. *Московские Ведомости*, 1761, № 36 4 мая.

III

62. П. Пекарский. *Материалы к истории Академии Наук*, т. I. 63. *Idem*, т. VII, стр. 750—1, под 19 декабря 1745 года. 64. *Idem*, т. III, стр. 378. 65. Выписка из протоколов Канцелярии Строений 1734 г., 13 сентября, кн. № 165, лист 99. Цит. по бумагам Н. П. Собко. 66. Пекарский, *Материалы*, т. II, стр. 816. 67. *Idem*, т. V, № 5. 68. *Idem*, т. III, стр. 332. 69. *Idem*, т. VII, стр. 90. 70. *Idem*, т. V, стр. 270. 71. *Idem*, т. V, стр. 462. 72. *Санкт-Петербургские Ведомости*, 1766, № 47, 9 июня. 73. *Id.* 1762, № 61, 30 июля. 74. *Id.* 1774, № 58, 22 июля. 75. *Id.* 1775, 76. *Id.* 1804, № 12, 10 февраля; 1806, № 102, 21 декабря. 77. *Id.* 1759, № 83. 78. Бумаги Н. П. Собко. Связка «Фе», под Феррари, лист 111. 79. Георги. *Описание Российской Империи столичного города Санкт-Петербурга и достопамятностей в окрестностях его*. СПб. 1794, стр. 17—30. 80. *С.-Петербургские Ведомости*, 1746, 26 февраля. 81. *Id.* 1775, №№ 37—39, от 8—15 мая. 82. *Id.* 1772, №№ 23—25, от 20—27 марта. 83. Бумаги Н. П. Собко, связка «Ро», под Ротари листы 1058—1059. 84. *Сведения о гостиницах и трактирах почерпнуты мной из публикаций в С.-Петерб. Ведом. с 1740 по конец века*. 84а. Z. Fusil. *Souvenirs d'une actrice. Bruxelles*. 1841. p.p. 138—163 *passim*. 85. Schlözers eigene Lebensgeschichte, S. 13. 86. Fortia de Piles. *Voyage de deux Français en Allemagne, Danemarck, Suède, Russie et Pologne, fait en 1790—92*. Paris. 1796, p.p. 1—4. 87. Swinton's *Travels into Norway, Danemark and Russia in the years 1788, 1791, 1792*. London. 1792. p. 140. 88. *Idem*, p. 141. 89. M-me de Stael, *Dix années d'exil*. Paris. 1821, p. 270. 89а. Th. Gauthier. *Voyage en Russie, t. I*, 1867, p. 175. 90. Bellermann, *Bemerkungen in Rücksicht auf Wissenschaft und Kunst*. Erfurt. 1788, S. 25. 91. A. Swinton, *o. c.*, p. 142. 92. Bellermann, *Bemerkungen etc.*, S. 33. 93. *Ibid.*, S. 37. 94. *Ibid.*, S. 38. 95. *Ibid.*, S. 39. 96. Георги.

Описание Российской Империи столичного города Санкт-Петербурга. 97а. L. V. de Puibusque. Lettres sur la guerre en 1812, et sur la ville de S.-P.-bourg etc. p. 287. 98. A. Swinton, o. c., p. 230. 99. М. Корольков. Архитекторы Трезини. Старые Годы, 1911, № 4, стр. 26—27. 100. «После тридцати лет слез, усилий и трудов я пойду искать место, где я мог бы спокойно молить Всевышнего о смягчении моих мук». Мемуары Позье, Русская Старина 1870, т. I. 100а. Образец паспорта на выезд выданный датчанину, приводится в книге: Peter Von Havens Reise in Russland, aus dem dänischen ins Deutsche übersetzt von H. A. R. Coppenhagen. 1744. s. 512. 101. Büsching. Geschichte der evangelisch-lutherischen Gemeinden im Russischen Reich. Zwei Bände. Altona, 1766, S. 19—28, passim. 102. Idem, S. 64. 103. В. Пушкирев. Описание Санкт - Петербурга и уездных городов. СПб. 1839, стр. 300. 104. Naglers Künstlerlexicon, B. XVIII, S. 235.

IV

105. Пекарский, Материалы по Истории Академии Наук, VI, 491—2. 106. Петров, Материалы по истории Академии Художеств, т. I. 70. 107. Ibidem. 208. Ровинский, Словарь граверов, том I, СПб. 1895. 109. Пыляев, Старый Петербург, стр. 95—6. 110. Арх. быв. М. И. Д. 1783, Оп. ³²⁷ 512, № 22. 111. Бумаги Н. П. Собко, связка «Тр», лист 190. Данные из контракта, заключенного Безбородко 8 сентября 1782 года. 112. Naglers Künstlerlexicon, B. XVII, S. 452. 113. Арх. бывш. М. И. Д. Дела о въезде и выезде иностранцев. Репорт. за № 2761. 1766, 9 окт. 114. Выписка из журнала Канцелярии Строений, от 21 апреля 1724. Доношение Лимбурса и Бетлинка. В бумагах Н. П. Собко, см. под Каравакком. 115. С.-Петербургские Ведомости: много публикаций Тамеша в конце 30-х и в 40-х годах. 116. Арх. бывш. М. И. Д. Дела о въездах и выездах. Репорт Лифляндской Канцелярии, за № 1276, от 3—10 мая 1746 года. 117. С.-Петербургские Ведомости за 1768 г. № 4. 118. Idem. 1804 г. № 99. 119. Id 1803 г. № 4. 120. Id. 1804 г. № 98. 121. Московские Ведомости за 1792, № 1. 122. Idem. № 10. 123. Id. за 1762 г. № 23. 124. Id. за 1790 г. № 29 и 1792 г. № 40. 125. Id. за 1792 г. № 31. 126. Id. за 1806 г. № 52. 127. Id. за 1790 г. № 13. 128. С.-Петербургские Ведомости за 1787 г. от 22 января. 129. Idem. за 1818 г. №№ 64, 82, 102. 130. Id. за 1817 г. № 3. 131. Id. за 1803 г. № 76. 132. Бумаги Н. П. Собко, связка «Ро» под Ротари л.л. 1058—1069. 133. С.-Петербургские Ведомости за 1818 г. № 10. 134. Московские Веду-

мости 1792 г. № 31. 135. *Idem.* 1792 г. № 40. 136. С.-Петербургские Ведомости за 1803 г. № 8. 137. Н. Кондаков. Юбилейный справочник Академии Художеств, т. I, стр. 15. 138. С.-Петербургские Ведомости за 1807 г. № 48. 139. *Idem.* № 85. 140. *Idem.* За 1817 г., № 93. 141. Ст. А. П. Мюллер и И. И. Малышев—ученик Лампи: сдано в Известия Росс. Академии Истории Материальной Культуры. 142. Старые годы, 1914, февраль. 143. Бум. Н. П. Собко, связка Тр. под Тромбара л. л. 190—197; от. 28 мая 1898 г., дело за № 116. 144. *Ibidem.* Связка Шв. Дело о суде по поводу имущества скульптора Шварца, л. л. 252—258. 145. С.-Петербургские Ведомости, 1775, № 68. 146. Московские Ведомости, 1790, № 3. 147. Окоороков. Указатель владений в Москве. М. 1793, стр. 108. 148. Московские Ведомости, 1790, № 45. 149. Георги, о. с., стр. 317—318. 150. Vigée-Lebrun, Souvenirs, ed. Paris, 1869, I, p. 329. 151. Бумаги П. Н. Петрова в собр. Н. П. Собко. Связка Ру» под Русска, лист 1178. 152. *Idem.* св. Бо, лист 41. 153. *Idem.* св. Росси, лист 1021. 154. *Idem.* см. под Скотти, лист 1097. 154а. Fusil, о. с., р. р. 169—175. 155. Пылаев. Старый Петербург, стр. 220—223. 156. А. Swinton, о. с., р. 313. 157. Bellermann, о. с., S. 282. 158. Цитирую по ст. П. Д. Эттингера Иоганн Готфрид Шадов о Петербурге. Старые Годы, 1912, № 3. 159. Пеккарский, Материалы, т. II, стр. 85, дело № 162. 160. Кондаков, Юбил. справ. Акад. Художеств, т. I, стр. 17. 161. С.-Петербургские Ведомости, 1762, № 43. 162. *Idem.* 1797; номер газеты, к сожалению, мной не отмечен. 163. *Idem.* 1793, №№ 10—20. 164. *Idem.* 1793, № от 15 февраля. 165. *Idem.* 1793, №№ 16—18. 166. *Idem.* 19 20. 167. *Idem.* № 13. 168. *Idem.* № от 15 февраля. 169. Московские Ведомости, 1793, № 105. 170. Vigée Le Brun. Souvenirs, t. I, p. 327. 171. Бум. Н. П. Собко. Связка Тро» под Тромбара, л. л. 190—107.

V

172. Vigée Lebrun. *Op. cit.* p. 26, 30. 173. Н. Н. Врангель. Миниатюра в России. Особый выпуск Старых Годов за 1909 год. 174. С.-Петербургские Ведомости за годы 1802—1805, 1812—1826 *passim* (в списках отъезжающих). 175. *Idem.* 1807, № 18. 176. Н. Кондаков *Op. cit.* т. I, стр. 15. 177. Московские Ведомости, 1804, № 29. 178. Московский Телеграф, 1830, XXXV, стр. 480. 179. Бумаги Н. П. Собко, связка Ка, под Камероном. 180. *Idem.* связка До, под Дойен, 181. Подлинное дело о разводе в Госуд. Юстиц—коллегии по лифляндским, эстляндским и финляндским делам супругов Субан, хранится в связке Су, листы 1—36 в бумагах Н. П. Собко. 182. Подлинное прошения

на высоч. имя и на имя П. В. Лопухина, — Гловацкой и Ромбауэра хранятся в бумагах Собко, связка «Ро» под Ромбауэром.

182a. Armand Domergue. La Russie pendant les guerres de l'Empire 1805—1815, t. I, et II. Paris, 1835, p. 225—339 passim.

183. Статья П. Дульского в журнале Среди Коллекционеров.

184. Fusil, op. c. p. p. 241—245. 185. Архив Дирекции импер. театров, т. III, стр. 134, 136, 138. 186. Н. Кондаков. Юбил. справочник, т. I, стр. 167—168. 187. Остафьевский Архив, т. IV, стр. 138. Переписка П. А. Вяземского с А. И. Тургеневым.

188. Naglers Künstlerlexicon, B. XVIII, S. 101—102. 189. Н. Врангель, Иностранцы в России в XIX веке. Старые Годы, 1912, июль — сентябрь, и Nagler, B. XX, S. 143. 190. В. Пушкирев, о. с., стр. 52. 191. Северная Пчела, 1828. 192. Дело Канцелярии Министерства Двора по второй Экспедиции, № 15 (122 св. 247) от апреля 1822. Цитирую по выписке в бумагах Н. П. Собко. 192a. Th. Gauthier. Voyage en Russie, t. I. P. 1867, p. p. 28, 29; p. 105; p. p. 179—181, p. 246. 193. Н. Лансере, ст. «Захаров и Адмиралтейство». Старые Годы, 1911, декабрь, стр. 61. 194. Подлинное прошение Дигбю от 25 мая 1804 года, за № 4718 хранится в бумагах Н. П. Собко, связка «Ди»; ср. также дело за № 10903, донесение прокурора Кузнецова, там же.

195. П. Пекарский. Материалы по истории Акад. Наук, т. V—VII, passim. 196. Д. Ровинский. Словарь граверов, СПб. 1895, s. v. 197. У Виссу были ученики Алексей Куломзин и Козьма Казаков как видно из их прошений на имя Канцелярии от Строевых: эти прошения рассматривал Сен-Манж и произвел учеников в мастера. 197a. Ancelot. Six mois en Russie, P. 1827, p. p. 276—277. 198. M-me de Stael. Dix années d'exil. P. 1821, p. 271—272. 199. Idem. p. 308. 200. Id. p. 293. 201. Рапорт Беймхена и Буссова полковнику Ивану Васильевичу Звереву, 24 января 1771 года. Из бумаг П. Н. Петрова (источник не указан). 202. Ст. И. Э. Грабаря «Иностранные архитекторы в России». Старые Годы, 1011 г. июль—сентябрь стр. 145. 203. M-me de Stael, o. c. p. 176, 247. 204. Vigée Le Brun, o. c. v. I, p. 313. 205. A. Swinton, o. c. p. 231. 205a. Ancelot. Six mois en Russie. Paris. 1827 p. p. 230—232. 206. Fortia de Piles. Voyage de deux Français en Allemagne, Danemarck, Suède, Russie et Pologne, fait en 1790—92. P. 1796 p. 197. 207. Idem, p. 197—200. 208. Эти чертежи Гонзаго, Адамини и Мельникова находятся в библиотеке Академии Художеств. 209. История русского искусства, ред. И. Э. Грабаря, т. III, стр. 574. 210. Müller. Biographisches Künstlerlexicon, Leipzig, 1882, S. 518. 211. Петров. Материалы к истории Академии Художеств, т. II, 404—405. Четыре тысячи рублей уже полученные Егоровым за образа, приказано взывать посредством вычета из пенсии.

Художники, упоминаемые в книге

- Адамини, Франч. и Лео,** арх. 110, 145.
Ажи Пьер, ск. и чек. 83, 101, 108.
Алевиз, I арх. 10.
Алевиз Новый арх. 10.
Аллен, Вильям ж. 90, 108.
Аллиери, Федерико ж. 131.
Анджели ж. 131.
Антинг, Фридр. сил. и гр. 78.
Аткинсон, Джон Август. гр. и рис. 66.
Аттанберже, Ж. Фр. (Гаттенбергер) р. и гр. 98, 112.
Бакофен, Бернгард резч. по дер. 96.
Баньолези, Улисс ск. 80.
Барду, Карл ж. 121.
Баррес ж. 131.
Барт де ла, Жерар ж. и гр. 56, 89.
Бевани, Бальдассаро орн. ск. и ж. 124, 140.
Беймхен, Иозеф ск. 137—140.
Беккер, Анри ж. 112.
Беркган, Христ. Якоб ж. 49.
Бернарден де Сен Пьер пис. и инж. 57, 58.
Бетанкур, Огюст. инж. и арх. 108.
Блофиль, Нимрод ж. 103.
Бова, Винченцо ж. 89, 91.
Бовэ, Джузеппе и Мих. арх. 56.
Бодэ, Шарлемань ск. 91.
Болес ван, Герман арх. 37, 43.
Бона, Джироламо ж. 138.
Ботлер ж. 97.
Ботман, Георг ж. 131.
Браун ж. 49.
Браунштейн, Иоганн арх. 43, 140.
Бредан, Генрих-Людов. арх. 49.
Брекель, Иоганн арх. 31.
Бренна, Винченцо арх. 77, 79, 92, 142.
Бриоски, Винченцо ж. 110.
Бромптон, Ричард. ж. 83.
Брумер, Антон ж. 80.
Бруни, Антонио ж. 89.
Буат, Франсуа ж. 101.
Бузини, Джованни ск. 80.
Бутелье, Никола ж. 101.
Бутелье, Шарль ж. 101.
Бухгольц, Гейнрих ж. 78.
Валериани, Джузеппе ж. 51, 53, 73, 75, 97, 98, 137, 142.
Вальтер, Иоганн Андреас ж. 17.
Вандандрикс, Шарль ск. 83.
Вебер, Иоганн. Т. 145.
Вейлли де, Жан ж. 56, 79, 84, 89, 97, 101.
Вектан, Антуан арх. 101.
Вендрамини, Франческо гр. 92, 122.
Вернье, Пьер Луи гр. на камн. 101.
Вернэ, Орас ж. 78, 124, 125.
Вернэ, Шарль ж. 107.
Вертор, Иоганн ж. 17.
Вестерфельд, Абрагам рис. 19.
Виги Антонио ж. 110, 145.
Видер, Вильг. ж. 127.
Виге Лебрен, Луиза ж. 66, 91, 103, 106.

Виль, Авраам ж. 39.
Вилькс, Джон (?) к. д. м. 17.
Виссу резч. 34, 43, 137, 143.
Витт де гр. 28.
Вихман, Карл Фридр. ск. 78, 124.
Водо ж. 80 107.
Вреде, Христоф. ж. 32.
Вуазон, Жан ж. 103.
Вуаль, Жан ж. 101.
Вухтерс, Даниэль ж. 17.
Гаман арх. 43.
Гаммер, Христ. Готтлиб ж. и гр. 66.
Гаррисон ж. 108.
Гаспари, Джакопо арх. и рис. 43
Гастклу, Эдм. ск. и чек. 108.
Гейсслер, Христ Готтф. грав и рис. 66.
Гек, Виллим ж. 17.
Генин, Отто, ж. 15.
Герард инж. стр. 78.
Герен, Жак бр. м. 108.
Герен, Полэн ж. 123.
Герлах, Мартин(?) ж. 80.
Гертнер, Эдуард. ж. 56.
Гиппиус лит. и ж. 113.
Гирн, Джозеф рис. 66.
Гишар, Луи Мари ск. 108.
Головей, Христоф к. д. м. 17.
Гомпюн, Мария ж. 82, 113.
Гонзаго, Пьетро ж. 91, 124, 145.
Горшельт, Теодор ж. 131.
Горшнелъ, Роберт ск. 25, 36.
Готье, Теофиль пис. и ж. 62, 130, 131.
Гофферт, Франц Карл ск. 80.
Гранжере, Жан Пьер ж. 89.
Гриммель, Элиас ж. 53, 73.
Грифф, А. ж. 131.
Гросе, Ф. рис. и лит. 131.
Гроссман ж. 131.
Гроот, Иоган Георг ж. 53, 73, 91, 98.

Гюдэн, Теод. Жан. Ант. ж. 124 125.
Дальштейн, Аугуст рис. и гр. 123
Дамам Демартрё, Мишель Франс. ж. и гр. 66.
Дау, Джордж ж. 109, 112, 128.
Девуж, Луи Бенжамен ж. 103.
Дезарно, Огюст. ж. 88, 123.
Декенпин, Густав ж. 17.
Деккер, Иоганн жив. 49.
Деламотт, Валлен арх. 75.
Делаперш, Ж. Мари ж. 89, 122.
Делапьер, Никола Бенжамен ж. 90.
Демей, Ант. печ. грав. 29.
Деньер, Г. ж. 129.
Дессен, Эмиль ж. 127, 128.
Деттерсон, Ганс ж. 14, 15, 16
Джемс рис. 109.
Джонс рис. 56.
Джонстон, Роберт р. 56, 59, 109.
Дигбю, Алессандро арх. 131--135.
Дигеник, Георг к. д. м. 17.
Диккинсон ж. 108.
Дин, Антонио арх. 41, 56.
Дитмар рис. 33.
Диттенбергер, Густав ж. 83.
Дорнер, Конрад ж. 145.
Дранше, Луи ж. 101, 124.
Дуайэн, Габриэль Фр. ж. 75, 98, 103, 114, 137.
Дузи, Ховроз ж. 128, 145.
Дункель, Герсг рис. 49.
Дункер, Иоганн Франц ск. 51.
Дюбуа де, Монперро, Ф. рис. 131
Дюбю, Луи арх. 108.
Дюплесси, М. Жоз.-ж. 103
Дюпюи, Луи гр. 101.
Дюран, Анри рис. и лит. 56.
Жилле, Никола ск. 74, 75, 79, 137 142.
Зальцман ж. 131.
Зандберг, Иоганн бр. м. 96.
Заурвейд, Александр ж. 110, 122.
Земельчаг, Иоганн Якоб ск. 110.

Зичи, Михаил ж. 131.

Зоммер ж. 89.

Иебенс, Адольф ж. 124.

Иевлев, Конрад ж. 17.

Калау, Беньямин ж. 52, 73, 84.

Калау, Фридрих ж. 52, 73, 84.

Камерон, Чарльз арх. 75, 76,
77, 90, 98, 104, 105' 114.

Кампиони, Пьетр ск. 81, 82.

Кампорези, Франческо арх. и
гр. 97.

Каноппи, Антонио ж. 91.

Каравакк, Луи ж. 34, 35, 37,
42, 98. 137.

Карафф, Арман Шарль ж. 90.

Кариус, Михаэль ск. 82.

Каруелль, Жан ж. 101.

Карр, Джемс рис. 108—109.

Кассель, Иоганн ж. 49.

Квадаль, Мартин ж. 82, 98.

Квеллинус, Эразм ж. 17.

Келер гр. 47.

Келлар, Джемс ж. 108.

Кер д'Асье резч. 36.

Кер Портер, Роб. ж. 98, 108.

Кессельс, Маггиас ск. 110.

Клаубер, Себастьян гр. 110, 114.

Кленце, Лео арх. 124.

Кнак резч. 36.

Кнаппе, Фридрих ж. 91.

Кнопф, Беньямин ж. 52.

Кола, Луи ж. 107.

Колуччи, Альберт ж. 131.

Конрад арх. 56.

Кретен ск. 82.

Кристлер, Иоганн к. д. м. 17.

Крюгер, Франц ж. 78, 124, 125.

Ксель, Георг ж. 37, 42, 80.

Ксель, Мария Доротея ж. 37,
38, 42.

Кунингам, Эдм. жив. 91.

Купи, Иоганн пунс. маст. и гр. 47.

Куртейль, Никола ж. 107.

Кургенер рис. и лит. 56.

Кюгельхен, Гергардт ж. 76, 84, 110

Кюгельхен, Карл ж. 77, 84, 110,
111.

Лабенский, Франц ж. 78.

Лаваль инж. военный 19.

Лаваль де рис. 89.

Лагренэ, Ансельм ж. 123.

Лагренэ, Луи Фр. ж. 53.

Ладюрнер, Адольф ж. 124.

Лаллеман, Жан арх. 101.

Ламони, Муци ск. 97.

Лампи ст, Джов Батт. ж. 65, 75,
77, 84.

Лаухерт, Рихард ж. 131.

Лаш, Карл ж. 127.

Леберехт, Карл гр. 96.

Леблон, Антуан ск. 101.

Леблон, Жан Александр арх. 34,
37.

Лежандр ск. 34.

Леончини, Джованни ск. 80.

Лепренс, Жан Баптист ж. 53, 56,
61, 66, 76, 123, 136.

Либер, Генрих Готтлиб резч. 80.

Лопуцкий, Станислав ж. 16, 17.

Лоррен ле, Луи Жозеф ж. 74.

Лукини арх. 97.

Людден, Пауль ж. 90.

Людерс, Давид ж. 84.

Майлли де, Барнабэ Огюст. ж. 112.

Майльс, Эдуард ж. 108.

Маньяни, Ж. ж. 88.

Мерселис, Петер к. д. м. 17, 43.

Мартен Е. ж. 107.

Медици, Барнабэ ж. 126, 131.

Мейс де, Фердинанд ж. 89, 112.

Местр де, Ксавье ж. 89.

Меттенлейтер, Якоб. ж. 66.

Мидер, Дж. рис. 66, 105.

Микетти, Николо арх. 42.

Миллер, Иоганн Габриэль ж. 96.

Мировский, Ян ж. 17.

Митрейтер лит. и рис. 129.
Митуар, Бенуа Шарль ж. 82.
Мозен, Жан Шарев ж. 124.
Молинару, Александр ж. 88. 110.
Монти ж. 91.
Монферран, Огюст. арх. 110,
145.
Монфор де. рис. 103.
Монье, Жан ж. 79, 89, 91, 98, 103.
Моррие, Луи Жоз. ж. 74.
Мортельман, Пьер рис. 101.
Миссини, Чезаре ж. 145.

Ней кораб. стр. 38,
Нуцци ск. 91.

Обэн С., Луи ж. 107.
Окс Фридрих ж. 110.
Опперман, Конрад ж. 110.
Ориоли, Томмазо гр. 92.
Орловский, Александр ж. и лит.
129.
Оснер, Конрад ск. 25, 27, 36, 38.

Пальмквист, Эрик рис. 19.
Паризо. Эдм. Грациан ж. 56, 82,
84, 87, 103, 104, 122.
Патерсен, Бенъямин ж. и гр. 66,
82.
Педри де ск. 80, 82.
Пеллегрени ск. 41.
Перар, Никола ск. 41.
Перезинотти, Антонио ж. 80.
Периньон, Алексис Жоз ж. 127.
Перри, Джон стр. и инж. 15, 23,
31, 38, 59.
Перро, Фердинанд Виктор ж. 66.
Пикар, Петер гр. 26, 28.
Пикодьер ла рис. 89.
Пильман ж. 37.
Пино, Никола ск. 34, 36.
Плеш, Христоф гр. 83.
Плюшар, Эжень ж. 14, 31, 45.
Преннер, Каспар ж. 90.
Пюйбюск, Л. ж. 66.

Пюнман, Иоганн рис. 19.
Пэншон, Жан Ант. ж. 107.

Радиг, Антуан гр. 75, 101, 137.
Райт, Томас рис. и гр. 109.
Рам арх. 49.
Растрелли, Бартолломео арх. 52,
78, 79, 91, 98.
Растрелли, Карло Батт. ск. 34,
41, 42.
Раух, Иоганн Иозеф 56, 131.
Раффэ, Огюст Дени ж. и гр. 131.
Ревель гр. 113.
Ривьер де ж. 98.
Ризенер, Анри ж. 123.
Рингель, Иоганн ж. 83.
Рихтер, Фердинанд лит. 94.
Ринальди, Антонио арх. 131.
Робилльяр, Ипполит ж. 127.
Роллан, Луи орнам. ск. 83.
Ромбауер, Иоганн ж. 97, 110, 118,
120.
Рослен, Александр ж. 75.
Росси, Джованни к. д. м. и ск. 41,
78.
Росси, Игнацио арх. 91.
Росси де, Пьетро ж. 91.
Ротари, Пьетро ж. 53, 73, 77, 78,
79, 82, 91.
Рунге, Отто ск. 124.
Русска, Алоизий арх. 92.
Русска, Людовико арх. 91.
Рута, Доменико арх. 43.
Руфо, Марко арх. 10.

Салландруз де ла Морнэ, Огюст.
рис. и гр. 66, 103.
Сампсуа, Жан ж. 91.
Сандерс, Дж. гр. 108.
Свебах, Жак Франсуа ж. 56, 123,
124.
Свебах, Эдуард ж. 56, 123.
Свинтон, А. рис. 59, 61, 62, 64,
94, 142.
Свитен ван, арх. 42.

Сейпель, Жан ж. 82, 101.
Селюрам, Иоганн резч. 137.
Сильбах, Гендрик печ. гр. 29, 142.
Симон, Антуан ск. 36, 41.
Сиор, Шарль ж. 107.
Скала, Бернардо арх. 43.
Скотти, Доменико ж. 81, 92.
Солари, Пьетро Антонио арх. 10.
Сталль, Леопольд ж. 128.
Сторн, Иоганн рис. 19.
Стрели, Эдуард ж. 77.
Субан, Бартолломеус ск. 97, 115, 118.
Сэкстон, Джемс ж. 108.

Тальявини ж. 84.
Тамеш, Пауль гр. 80.
Таннауер, Иог. Готфрид ж. 36, 42.
Таннер, Филипп ж. 125.
Тилькер, Иог. Фридр. гр. и сил 112.

Тинпонт, Карл ск. 112.
Тиорес ж.-реставр. 81.
Тишш, Людвиг ж. 145.
Тишбейн, Иоганн Фридрих Ауг. ж. 110.

Тишбейн, Людв. Филипп арх. 110.
Токкэ, Луи ж. 73, 90, 146.
Томон, Тома арх. 77, 90, 92, 98, 108, 110.

Тончи, Сальватор ж. 77, 91, 92, 97, 98, 121.
Торелли, Стефано ж. 52, 75, 136.
Торичелли, Фридолино ск. 131.

Траверсэ, Жан ж. 66.
Трезини, Андреа арх. 97.
Трезини, Джузеппе арх. 68, 69.
Трезини, Доменико арх. 29.
Трифон з. д. м. 10.
Тромбара, Джакомо арх. 52, 76, 89, 91, 95, 104.

Унферцагт гр. 47.
Уокер, Джемс гр. 83.

Фальконэ, Этъенн ск. 59, 75—77, 79.
Фандцельт, Конрад Лукас ж. 53, 80.
Ферстер, Иоганн Якоб арх. 43.
Фиоравенти, Аристотель арх. 8, 10.
Фогель, Карл ж. 88, 90, 110.
Фок, Бернгардт арх. 52.
Фонтана, Карло арх. 43.
Фонтебассо, Франческо ж. 136, 145.

Фоскул, Ян печ. грав. 29.
Франкен, Пауль ж. 131.
Фреми, Жак Ноэль ж. 90.
Френц, Рудольф ж. 131.
Фриз де, Абрагам резч. 36.
Фростен, Якоб к. д. м. 17.
Фрязин, Джованни арх. 10.
Фрязин, Николло арх. 10.
Фрязин, Джакомо Ант. арх. 10.

Христинецк, Людв. ж. 51, 52, 82.

Циглер, Карл В. ж. 66, 126.

Чиполла, Фердинандо ж. 82, 120.

Шадов, Иоганн Готфрид ск. 95, 96.

Шарф, Вильям к. д. м. 17.

Шатобур де ж. 103.

Швабе, А. ж. 131.

Шварц, А. ж. 124.

Шмидт, Георг Фридрих гр. 75, 79.

Шпекле, Филипп ск. 25.

Шрейер, Адольф ж. 131.

Штегельман, Генр. Христ. арх. 78

Штейбен, Александр ж. 145.

Штелин, Якоб рис. и гр. 75, 91.

Шурман ж. 17.

Шхонебек, Адриан гр. 25—29.

Эггинк, Иоганн Георг. ж. 88.

Эксель ван, Жилье з. д. м. 13.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

« А С А Д Е М И А »

Государственного Института Истории Искусств

История и теория литературы

	Цена
Луначарский, А. В. — Судьбы русской литературы	— р. 50 к.
Жирмунский, В. М. — Байрон и Пушкин	2 " 80 "
Зелинский, Ф. Ф. — Возрожденцы. Вып. I	— " 60 "
Зелинский, Ф. Ф. — Возрожденцы. Вып. II	— " 80 "
Перетц, В. Н. — Краткий очерк методологии и истории русской литературы	1 " 50 "
Вальцель, О. — Проблемы формы в поэзии	— " 40 "
Вальцель, О. — Импрессионизм и экспрессионизм	— " 40 "
Энгельгардт, Б. М. — Гончаров и Тургенев	1 " — "

Вопросы поэтики

Непериодическая серия, издаваемая Отделом Словесных Искусств Г. И. И. И.

Вып. I. Слонимский, А. — Техника комического у Гоголя	— р. 50 к.
" II. Томашевский, В. Б. — Русское стихосложение. Метрика	1 " — "
" III. Жирмунский, В. М. — Рифма, ее история и теория	1 " 80 "
" IV. Эйхенбаум, Б. М. — Сквозь литературу. Сборн. статей	1 " 60 "
" V. Тынянов, Ю. — Проблема стихотворного языка	— " 90 "
" VI. Жирмунский, В. М. — Введение в метрику	2 " 20 "
" VII. Виноградов, В. М. — Этюды о стиле Гоголя	2 " 60 "
" VIII. „Русская проза“. — Сборник статей под редакцией Б. М. Эйхенбаума и Ю. Н. Тынянова	2 " 60 "
" IX. Балухатый, С. Д. — Проблемы драматургического анализа	— " — "
" X. Бернштейн, С. И. — Голоса поэтов	— " — "

Теория искусства

Цена.

Задачи и методы изучения искусств. Сб. ст . . .	2 р. 20 к.
Шмит, Ф. И. — Искусство. Основные проблемы теории и истории	1 „ 80 „
„Проблемы социологии искусства“. — Сборник социолог. комитета Г. И. И. И.	1 „ 80 „

Театр

Вопросы литературы и драматургии. — Диспут в Малом театре 26 мая 1924 г. под пред- седательством А. В. Луначарского	— р. 65 к.
Очерки по истории Европейского театра. Сб. ст. под ред. А. А. Гвоздева и А. А. Смирнова	2 „ — „
Старинный театр в России. — Сборник статей под редакцией акад. В. М. Перетца	1 „ — „
Гвоздев, А. А. — Из истории театра и драмы	1 „ — „
Мюллер, В. К. — Драма и театр эпохи Шекспира	1 „ 50 „
Пиотровский, А. И. — За Советский театр! Сб. ст.	— „ 75 „
Казанский, Б. В. — Метод театра	1 „ 20 „
Клейнер, Исидор. — У истоков драматургии	1 „ 50 „
Евреинов, Н. Н. — Азазел и Дионис	3 „ — „
Слонимский, Ю. О. — Балеты „Жизель“ и „Сильфида“ — „ — „	— „ — „
Теляковский, В. А. — Императорские театры и 1905 г. — „ — „	— „ — „
„Дела и Дни“ — Сб. ст. о Н. Ф. Монахове	1 „ — „
„Азеф“. Сб. статей	— „ 15 „

Восточный театр

Гагеман, К. — „Игры народов“. Перев. под ред. А. А. Гвоздева (с иллюстрациями). Ч. I. Индия	1 р. — к.
Гагеман, К. — Ч. II. Япония	1 „ 80 „
Гагеман, К. — Ч. III. а) Китай; б) Африка	— „ 90 „
Бертельс, Е. Э. — Персидский театр (с иллюстр.)	— „ 80 „
Крыжицкий, Г. К. — Экзотический театр	— „ — „

Музыка

Шеринг, Арнольд. — История музыки в таблицах	2 р. — к.
Кречмар, Г. — История оперы с 24 иллюстр.	4 „ — „
Финагин, А. В. — Русская песня	— „ 60 „
Преображенский, А. — Культурная музыка в России	— „ 80 „
Шрекер, Франц и его опера „Дальний звон“ сб. ст.	— „ 50 „
„Шесть“. — Новая франц. музыка. Мило, Онеггер, Орик, Пуланк, Дюрей, Тайефер). Сб. ст.	— „ 35 „
Полифония и орган в современности	— „ 30 „
Прокофьев и его опера „Любовь к трем апельсинам“ — „ 30 „	— „ 30 „
„Джаз-Банд“. Сб. статей	— „ 35 „

Изобразительные искусства

Цена.

Марцинский, Г. — Метод экспрессионизма (со вступ. статьей Н. Э. Радлова)	1 р. 60 к
Фридендер, М. — Литография. Перевод под редакцией Н. Э. Радлова	1 „ — „
Кожин, Н. А. — Памятник русской псевдо-готике	— „ 50 „

Временники

Отделов Государственного Института Истории Искусств

„De Musica“. — Сб. ст. Отдела Истории и Теории Музыки	1 р. 30 к.
„Поэтика“. — Сб. ст. Отдела Истории Словесных Искусств	1 „ 50 „
„О театре“. — Сб. ст. Отдела Истории и Теории Театра. — „ — „	— „ — „

Кино

I. Теория и история кино

Урбан Гад. — Кино. С 30 иллюстрациями	1 р. — к
Тальбот, Ф. — Кино-фильмы. С 30 иллюстрац.	1 „ 20 „
Его же. — Кино-трюки. С иллюстрациями	— „ 60 „
Его же. — Кино-постановки. С 8 иллюстрациями	— „ 60 „
Кустэ, Э. — Кинематография	— „ — „
Муссиак, Л. — Рождение кино	1 „ 30 „
Тимошенко, С. — Искусство кино и монтаж фильма (с иллюстр.).	— „ 60 „

II. Артисты экрана.

Мери Пикфорд. — Бронников, М. с 15 иллюстр. — р. 60 к.	— „ — „
Лилян Гиш. — Мокульского	— „ — „
Джекки Куган — Державин, К., с 8 иллюстр.	— „ 50 „
Конрад Фейд. — Его же	— „ 50 „
Актер германского кино. — Мазинг, Б. с 12 иллюстрациями	— „ 60 „
Немецкие кино-актеры. 120 портретов	1 „ — „
Американские кино-актеры. 150 портретов.	— „ — „
Кино-актеры СССР	— „ — „

СКЛАД ИЗДАНИЙ:

Магазины „АКАДЕМИА“

Ленинград, пр. Володарского, 40. Телеф. 138-98.

Москва, Тверская, 29. Тел. 545-13.

ВАЖНЕЙШИЕ ОПЕЧАТКИ.

<i>Стр.</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Следует читать:</i>
58	И несмотря на это, в Рос- сию	В Россию
59	Вены	Иены
63	обращаться	общаться
65	Fremdes	Fremder
82	с маслом	маслом
92	Бокачки	Бокаччо
95	Ба! Ба!	„Баба“
102	из эмигрантов в России	из эмигрантов-художни- ков в России
110	скульптор Кунингам	живописец Кунингам
112	панараму	панораму
123	охоты в соседних имениях	охоты, в соседних имениях,
139	когда их обуревают страсти	когда их обуревают страсти;

Цена 1 р. 50 к.

СКЛАД ИЗДАНИЙ:

Магазины «АСАДЕМІА»

Ленинград, пр. Володарского, 40. Телеф. 138-98.

Москва, Тверская, 29. Тел. 545-13.